

18+ Александр Волков

Заметки на собственной шкуре

Александр Волков

Заметки на собственной шкуре

«Издательские решения»

Волков А.

Заметки на собственной шкуре / А. Волков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511815-8

Дорогие друзья и добрые читатели моих скромных творений! Я с большим удовольствием делюсь с вами заметками на собственной шкуре. И мы вместе с вами, прочитав их, улыбнемся, взгрустнем. А может, заплачем... Это будут не горькие и тяжелые слезы, а положительные эмоции. Эмоции, которые и позволяют нам оставаться людьми..Помните, как у Аркадия Райкина: добрый зритель в девятом ряду... Это про каждого из вас, добрые читатели. Спасибо вам за то, что вы есть! Приятного вам прочтения и добрых эмоций!

ISBN 978-5-00-511815-8

© Волков А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие...	6
Глава первая.	7
Не жди меня	8
Слово	11
Дежавю	15
Чтоб тебе повезло!	19
Глава вторая.	21
Как я в артисты подавался	22
Судьба культработника	27
Ирина	45
И вновь продолжается бой!	48
Обратная сторона медали	51
Прорвемся, опера!	56
Это сладкое слово «халтура»	58
Глава третья.	60
Геракл	61
Тутанхамон	67
Великолепный Гоша	70
Мой товарищ Глеб Жеглов	75
Минька	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Заметки на собственной шкуре

Александр Волков

© Александр Волков, 2020

ISBN 978-5-0051-1815-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему отцу

Многоочие – это следы ушедших на цыпочках слов...

Владимир Набоков

Предисловие...

Кто-то учится на чужих ошибках.

Кто-то учится на своих.

Кто-то вообще ничему не учится.

Вольному воля!..

Увы!..

ДОБРЫЙ ЗРИТЕЛЬ В ДЕВЯТОМ РЯДУ

Дорогие мои друзья и добрые читатели моих скромных творений! Я с большим удовольствием делюсь с вами заметками на собственной шкуре. И мы вместе с вами, прочитав их, улыбнемся, взгрустнем. А может, даже и заплачем... Но это будут не горькие и тяжелые слезы, а наши положительные эмоции. Эмоции, которые и позволяют нам оставаться людьми. А кто-то вспомнит что-то свое. А кто-то... Кто-то вспомнит, как участвовал лично в тех событиях, о которых я пишу. Есть у меня и такие живые свидетели. Иногда они мне звонят и кричат в трубку: «А про это напиши! И про это!!! А про это ты забыл?!» Я их заслуженно называю «мои соавторы». Те самые друзья-коллеги-собутельники – они и есть, с которыми и в ресторанах, и на работе, и в кустах мы всё это и создали. А сегодня и они читатели. Помните, как у Аркадия Райкина: добрый зритель в девятом ряду... Это про каждого из вас, мои добрые читатели. Спасибо вам за то, что вы есть! Приятного вам прочтения и добрых эмоций!

Начнем?..

Глава первая. «Мой отец»

Когда-то в детстве, слушая захватывающие истории отца из его страшного послевоенного детства, я дал себе слово, что, когда я вырасту, напишу книгу про своего папку. И вот я вырос... Правда, книга получилась не только про отца, но... Начнем с него!

Мой отец
Вместо эпитафии

Летом 41-го из города Ржева эвакуировали местный детский дом. Эшелон попал под бомбежку. Все бросились в лес, а один шестилетний мальчик увидел ямку прямо у вагона и в лес не побежал, а спрятался почему-то в эту самую ямку. Из самолетов по убежавшим хлестал пулеметный свинцовый дождь... Когда «мессеры» улетели, в вагон вернулся только этот мальчик. В живых не осталось никого. Этим мальчиком был мой будущий отец. Вот так...

Не жди меня

История, которую я сегодня расскажу, когда-то сразила меня наповал. Даже не столько сама история, сколько одна-единственная фраза. Эта фраза настолько не вписывается в общепринятые нормы, что... Впрочем, по порядку.

Похоже, самой матушкой-природой в нас заложено какое-то недоверие ко всему необычному, что может случиться в жизни человека. Мы так воспитаны еще с советского детства, что всё невероятное если где-то и происходит, то уж точно не с нами. Это где-то в Москве или на краю света люди находят клады с сокровищами. Или получают неожиданное наследство от дяди из Америки. Выигрывают в лотерею «жигули». Хотя насчет «жигулей»... Дружил я с девушкой одной. Серьезно вроде у нас всё было. Даже я о свадьбе думал и... Ну не получилось у нас. Расстались без обид в общем, но... Я женился, она вышла замуж. И узнаю я, что выиграла моя несостоявшаяся жена в лотерею «жигули»! Вот так! Вот такой вот облом! А если серьезно, то все равно не верится в душе почему-то!.. Помните, как в фильме «Волга-Волга»?.. Не может мой водовоз быть артистом!.. Так и тут. Ну не видел я этих жигулей!.. Не катался я на них!.. Хотя, и верю я ей, но. Вот такой у нас сложился менталитет!..

Я к чему? 1974 год. Весна. Утро. Собираюсь я в школу, завтракаю на кухне. Слушаю «Маяк», и в эфире передача «Бюллетень розыска родных». Была тогда такая на радио по вторникам. Типа сегодняшней телепередачи «Жди меня». Жую, слушаю краем уха. И вдруг! Такая-то женщина. Розыскивает брата своего такого-то. Потерялись в детдоме в начале войны в городе Ржеве. И... Звучит наша фамилия! Стоп! Поначалу я думал, что ослышался. Потом вник и – всё сходится! Папка мой рассказывал, что потерял он в сорок первом под бомбежкой всех своих братьев-сестер. Искал их потом всю свою жизнь, но... Номер могилы старшего брата, похороненном в Ленинграде, только ему и дали. В танке сгорел его старший брат Николай. Всё!.. Потом он сколько ни искал, ни слуху ни духу больше. И отчаялся он уже кого-нибудь найти. А тут я сам такое слышу! Вечером я отцу всё это рассказал. Выслушал он меня, посмеялся: «Да это совпадение, Сашка! Да и город Ржев, говоришь? А я был в Гжатске! Это сегодня город Гагарин. Успокойся, сынок! Быть такого не может. Я в свое время везде искал и запрашивал».

И действительно, не один раз отец рассказывал всю страшную историю своего детства. Смоленская область. Деревня Богдановка. Перед войной умерли родители. Детей распределили в детдома – по возрастам, кого куда. Потом война. Эвакуация. Эшелон. Бомбежка. Все в лес побежали, а папка в ямку какую-то упал и... Ужасающий вой падающих бомб. Треск пулеметных очередей с неба. А мальчонке шесть лет! Закончился ужас бомбежки. Горы трупов, и он, шестилетний мальчуган, среди них бродит, ищет друзей своих. Вернулся он в свой вагон в одиночестве. Потом ремеслуха. Рассказывал нам, как он искал всюду родню свою, писал во все инстанции. Тщетно! И свыклись мы уже все с тем, что отец – круглый сирота-детдомовец. Так и жили. «Так что, Сашка, выбрось всё это из головы и забудь!»

А тут мамка со смены пришла из хирургии своей. Ну я ей это всё и выложил. А она, не будь дура, написала на радио письмо. И вскоре пришел ответ! Конверт такой солидный, куча марок на нем наклеена, со штампом «Всесоюзное радио. Радиостанция „Маяк“». На листке было написано: Такая-то Любовь Дмитриевна проживает с 1964 года в городе Красноярске, улица Семафорная, дом, квартира. Красноярск?! Два часа езды от нас! Десять лет (!) папка жил в двух часах (!) езды от своей сестры!!! Десять лет они жили практически рядом. Постоянно бывал он в этом краевом центре. На соревнования туда пацанов-шахматистов возил два раза в год. Обалдеть! Вот такие фортели вытворяет иной раз жизнь!..

Но отец не верил до последнего. Мамка написала на эту улицу Семафорную письмо в Красноярск. И вот начало лета. Сижу я после футбола своего на лавочке около подъезда.

Подходят мужчина с женщиной что-то спросить, и не успели они открыть рот, как я увидел в этой женщине копию отца! Сходу! Вот так, друзья. И это всё было не где-то там в Москве или Америке. Это было со мной! С нами. Ну а потом застолье и... Таким отца я никогда не видел. Какой-то он был... В прострации, что ли. Кивает, но видно, что он не верит в происходящее. Сон – не сон? Явь – не явь? Пьяный без вина.

Тетя Люба оказалась женщиной серьезной и основательной. Вроде всё сошлось. Какие-то рассказы, обрывки памяти. Но, видать, какие-то сомнения у нее все-таки оставались. И вдруг она говорит: «А ты помнишь, братик, как на тебя чугунок с кипящими щами опрокинулся?» И батя расстегнул рубаху, а на плече кожа после ожога с тех пор так и не выросла. Мы из-за этого ожога никогда в общую баню не ходили, только в душ. И все сомнения отпали сами собой. Ну а потом оказалось, что все они, кто остался жив, давно друг друга нашли и общаются между собой. Знают, кто где погиб и где похоронен каждый из старших братьев. Только отца и не хватало, как последнего пазла, для общей картины.

Ну и всё вроде. Нашлись – и слава богу, но ведь я не об этом хотел написать. Хотя и этот случай сам по себе уникальный. Но я о другом. Мамка была на седьмом небе от счастья! Она вообще по натуре была человеком добрым и компанейским. Постоянно общалась со своими братьями. Помогала им с дефицитным лекарством. Ездил на дни рождения. Обязательные письма, открытки к праздникам. Летом в отпуске таскала меня за собой то к одному дядьке, то к другому, то к третьему. Вот и новых родственников она приняла с таким радушием, что вроде бы и никакая война их не разлучала. Молодец, ничего не скажешь! Стали они общаться. Тетя Люба приезжала на выходные. А с теми, кто жил на Смоленщине, сначала писали письма. Потом приехал к нам в гости для личного знакомства папкин младший брат Геннадий. И вот ведь что такое генетика: вылитый я! Только без очков. И, самое поразительное, оказалось, что он тоже художник, как и отец мой. Но было у него одно отличие от брата своего – пил он безбожно. Мы его трезвым так и не увидели. Днем он где-то калымил, рисовал транспоранты и другую наглядную агитацию на местных предприятиях. Лозунги, портреты. Какую-то часть заработанных таким способом денег отдавал матери, а остальное пропивал с бомжами по местным кочегаркам. Прожил-пропьянствовал он у нас с месяц. Усадили его в поезд в конце концов, и до сих пор ни слуху ни духу. Писал ему отец, писал, – тишина.

Потом приехала из Вязьмы старшая сестра. Радость, конечно, большущая! Столько лет не виделись, еще бы! Никакой надежды на встречу уже не осталось – и вот оно, счастье! Мать не знала, куда ее посадить. Используя все свои связи и знакомства, отоварила ее всевозможными дефицитными лекарствами, не взяв с нее, разумеется, ни копейки. Пожила эта сестра дня три-четыре у нас в гостях, уехала. И получает наша мамка от нее письмо, в котором про отца столько грязи, что мать даже вскрикнула, как от удара. И такой-то ее новый братец, и сякой. И как ты с ним живешь, мол. Гони его в шею, мол. Бросай его и беги от него к нам. И дальше несусветная бредятина на четырех листах. Что к чему?! Выронила мать это письмо. Сидит, плачет. Я поднял, прочитал и – оторопь! Другого слова и не подобрать. Много там было еще такого, что не только волосы дыбом, но и... До сих пор я не могу понять, за что?

От папки это письмо спрятали, но то ли мамка не выдержала, то ли прятать не умела – прочитал отец это письмо. Смотреть на него было очень тяжело. Шок! С неделю он ходил как в воду опущенный. А тут еще и тетя Люба со своими сомнениями. Всё в письмах и по телефону про анализы какие-то намекала. В общем, напился батя как-то вечером. Проплакал ночь. Утром поднялся и сказал фразу, которая до сих пор стоит у меня в ушах.

– Ты знаешь, Сашка. Я вот тут подумал.

– И что, пап?

– Понимаешь, сынок, были они у меня в душе, как святые. Я столько запросов тогда отправил во все инстанции! Я столько лет надеялся! Я столько лет хранил о них светлую память. Я столько раз мечтал, представлял нашу встречу. Я разговаривал с ними в дороге, сидя

за баранкой. Я пронес их в своем сердце через всю свою жизнь!.. А на деле они оказались... Один алкаш. Даже и не понял за весь месяц, что произошло, куда он приехал и к кому. Ни разу мы с ним за этот месяц так и не поговорили. Вторая всё сомневается, как будто нам миллионное наследство делить предстоит. Зачем она тогда меня искала? Я что, к ней в родню сам набивался? А третья... Ты же читал это письмо. Кто она такая, делать выводы через три дня знакомства? Кто ей на это право давал? А я, Сашка, я всю жизнь их ждал! Всю свою жизнь. А они?.. Чужие они. Хоть и родня.

И добил меня отец окончательно:

– Да лучше бы я их не знал и не видел никогда!

Прошли годы. На телевидении появилась любимая многими передача «Жди меня». Великолепные ведущие. Тема близкая и дорогая многим. Встречи. Объятия. Слезы. Но я ее никогда не смотрю. Ни-ко-гда. А зачем?..

Слово

В каждой семье есть свои фамильные ценности и традиции. Одна семья живет музыкой, другая живет футболом, третья – рыбалкой. А в нашей семье... В нашей семье царил мир шахмат! Отец ими просто бредил. Как он говорил, «в шахматы я готов играть с кем угодно, когда угодно и сколько угодно». И он не шутил. В праздничные дни после застолья, когда расходились гости и мамка уходила мыть посуду, а отец в подпитии донимал меня своими разговорами о политике и прочей взрослой мишуре, я произносил заклинание: «Пап, давай в шахматы партейку сгоняем?» Всё! Это был пароль! Тут же доставалась из шкафа доска, расставлялись фигуры, и в квартире наступала тишина. И я с удовольствием мог играть с ним часами, потому что только у поддатого бати я имел шанс выиграть хоть пару партий. Играли молча и упорно, пока мамка нас не разгоняла по кроватям.

На стенах квартиры у нас висели портреты знаменитых шахматистов, выполненные папкиной рукой. Мистический Пол Морфи. Легендарный Капабланка. Великий Александр Алехин. Любимый папкин Михаил Таль. Кумир всех шахматистов Бобби Фишер. И уже чуть позднее папкин земляк Анатолий Карпов. Шахматных книг в доме было не перечесать. Где их отец доставал в те годы, остается загадкой до сих пор. И прозвище у папки в городе было Шахматист. Потому что именно мой отец организовал в нашем маленьком городке нечто вроде шахматного клуба. В выделенной в местном Доме культуры комнате по выходным с утра отец занимался с пацанами, а после обеда уже приходили взрослые любители шахмат. Всё это он делал совершенно безвозмездно, в свободное от баранки время.

Отец проводил в городе солидные турниры с призами и кубками. Потом он ходил по начальству, выбивал деньги, и победители выезжали на краевые соревнования. Перед этим он еще обходил и жен шахматистов, уговаривая и убеждая их отпустить своего ненаглядного на недельку из дома. Включал все свои способности дипломата, психолога и артиста вместе взятые. И авторитет отца был настолько высок, что жёны: «Под вашу ответственность, Анатолий! Только из уважения к вам, Анатолий Дмитриевич! Последний раз отпускаю, Толик! А то в тот раз он тут выдал по приезду». Отец улыбался, благодарил, прижимал руки к сердцу, кивал, клялся. И все были довольны.

Жен тоже можно было понять, потому что под вечер в клубе более закоренелые любители «поблицевать» оставались допоздна. Нередко скидывались на бутылочку, за что батя дома, естественно, от мамки огребал. А друзья-соперники огребали уже каждый у себя. Это была жизнь шахмат в нашем маленьком мире!

А я... Я, кроме шахмат, играл еще и в футбол-хоккей, как и мои сверстники. И часто бывая у них в гостях, я обращал внимание на то, что ничего у них в квартире не говорило о наличии шахмат. Зато в каждой семье была колода карт. И мы увлеченно резались в дурака, пока не приходили с работы родители. И однажды принес я домой такую колоду. И как-то вечером предложил отцу сыграть в дурака. Папкина реакция меня ошеломила! «Дай сюда!» – рявкнул он так, что я вздрогнул. Выхватил у меня из рук колоду и в два приема разорвал ее на части. «И чтобы я больше этого в доме никогда не видел!» Я ошалел. Батя выбросил обрывки в мусорное ведро и вышел вон. Я еще долго сидел виноватый и прибитый этой сценой.

Потом всё это как-то забылось. Я закончил школу, стал студентом, и играли мы в общаге в карты уже не в дурака. Играли серьезно и на деньги. Правда, ставки были маленькие, но азарт был нешуточный, и карточный долг был святым. Мне в этих баталиях очень пригодилось шахматное искусство с его памятью и расчетом комбинаций, так что я считался игроком далеко не последним в нашей табели о рангах. Во всяком случае, я никогда не проигрывал по-крупному. Ну а потом женитьба, семья, дети. Не до карт. Хотя шахматами я и дальше занимался, как любитель, в свободное время. И уже в период перестройки в командировке угораздило

меня взять в руки колоду. Играли мы в гостиничном номере. Вроде знакомые мы все давно. И я был в себе уверен: мастерство не пропьешь, как гласит пословица. А вот на тебе! «Влетел» я конкретно! Я даже сам не успел сообразить, как обули меня на довольно-таки круглую сумму. На сумму, не подъемную моему семейному бюджету ну никак.

Это была катастрофа! Получилось, что я подставил под удар еще и свою семью. Жену, детей. Выставили мне счет, как полагается. Установили срок отдачи долга. Всё очень серьезно. Да-а-а. Невеселая вырисовывалась картина. Что делать? Никаких микрозаймов тогда не было. Я даже признаться жене не мог, зачем нервы мотать любимому человеку? Сам влип – сам и выбирайся. Ну что, пошел я к батю. А к кому мне еще было идти? Разговор был тяжелый. Слушал он меня молча, не перебивая. Потом огорошил: «Завтра приходи, продолжим разговор!» Я недоумевающе на него глянул. «Завтра, я сказал!» Ну, слава богу, не отказал пока, уже хорошо. Прихожу на другой день. И вот тут батя мне выдал:

– Деньги я тебе дам, но с одним условием. Дай мне слово, что ты никогда в жизни больше не возьмешь в руки карты.

– Да я, пап...

– Дай мне слово!

– Пап! Жизнь длинная, мало ли? Вдруг придется где.

И вот тут отец:

– Давай так, Сашка. Вот сейчас мы с тобой играем, и, если я выигрываю, ты больше карты в жизни в руки не возьмешь, идет? Карточный долг, сам знаешь, долг чести. Слово надо держать!

С кем играем? Во что играем? Я был в ступоре.

– Ты со мной. В карты. Всего один кон.

Я вообще не понимал, что происходит. Карты и мой батя – две вещи несовместны, как говорится. Я и колоды-то отродясь в доме не видел.

– Папа, ты сам будешь играть?

– А кто еще?! – Батя вытащил из серванта нераспечатанную колоду карт. – Вчера, Сашка, специально сходил и купил я для этого момента. Деньги я тебе дам при одном условии. Ты сейчас сядешь со мной играть. И мы сыграем на то, что ты больше карты в руки не возьмешь. Никогда в жизни, понял?

Я машинально кивнул. Отец с треском разорвал обертку новой колоды. Сели мы играть, и смотрю я, что батя-то мой играет, как профессионал! Это же видно сразу, кто в этом разбирается. Я с ужасом увидел, что передо мной сидит профессиональный картежник. Вот это было открытие! Я глазам своим не верил. Как будто сон какой. В общем, обыграл он меня, далеко не последнего игрока в своем кругу, практически «в одни ворота». Для меня это было потрясение. Тут же он встал, разорвал колоду и бросил обрывки в мусорное ведро, как много лет назад.

– Всё, сынок! Игра окончена. Ты слово дал? Дал. Вот и держи его. На, бери деньги на свой долг, и мамке не вздумай сказать, чем мы тут сейчас занимались.

Шел я от него, ошарашенный, и не мог понять. Как?! Где и когда он наловчился так играть?! Этому за сутки не научишься! Брел я, как во сне, и принял решение, что обязательно при случае всё у него выведаю. А как к нему с этим подступиться, я догадывался.

* * *

После второй рюмки отец заулыбался, подобрел. Я знал, с чем к нему прийти и как развязать его язык. А рассказывать батя умел, не отнимешь. Поэтому я очень любил копать в поле картошку. А чего? Одежда понадежнее, сиди себе на коленках, ковыряйся. День длинный. А папка рассказывает про свою жизнь. А послушать там было что! Причем за все годы

рассказов он ни разу не повторился. С каждым сезоном выдавал всё новое и новое. А за разговором время течет незаметно. А тут я обошелся без картошки: купил бутылочку, подгадал момент, мамка ушла к себе, а мы тут, на кухне. Выпили по одной, по второй. И вот батя начинает отвечать на мой вопрос, где он, собственно, наловчился так играть в карты.

– Детдом, Сашка, всему научит! И жить, и выживать. Я уже и не помню, когда я взял в руки карты. И пошло у меня. То ли башковитый я был от природы, то ли талант у меня был запоминать всё до каждой мелочи. Да и ростика я был маленького. Как еще авторитет завоевать? Про шахматы тогда никто даже слышал. Вот и пристрастился я к картам. (Батя так и сказал: «К картам».) Они меня и кормили, и поили, и одевали-обували. Редко кто находился, чтобы у меня «кишки» выиграть. «Кишки» – это тряпки-пожитки, чтоб ты знал. Вот так я и жил с детства за счет картей. А в детприемнике, знаешь, как они выручали! Детприемник – это куда нас, беспутных, милиция вылавливала по вокзалам и отправляла вроде как для исправления. А какое может быть исправление? Разруха, голод. Жрать охота постоянно. Ну а потом что? Ремеслуха. Тут уж полегче стало. Но карты и здесь кормили, как и раньше. Причем я не мухлевал, не передергивал! Играл всегда честно. Мухлевать себе дороже. Это уж потом, когда вырос, всякое бывало. А тогда...

Сидел я, слушая отца, и как во сне всё это! Так вот, оказывается, почему меня отец обыграл тогда, как пацана. Вот откуда у него это мастерство. А я-то, наивный! Течет беседа рюмочка за рюмочкой. И так же мерно течет завораживающий батин рассказ.

– А мы и были гастролерами, Сашка. И вот представь, приезжаем мы с напарником в какой-нибудь захолустный городок. Молодые лбы. Лет уже двадцать мне было, как не больше. Уже Сталин умер. Так вот. Приезжаем мы специально в небольшой городок. Почему в небольшой? Слушай! Во-первых, в небольшом городке проще найти адрес, где играют. А играли в карты тогда везде, по всей стране! И мы – через местный базар, через винный магазин, через пивнушку, через ресторан – всё равно «игровых» мы вычислим, куда они денутся! И вторая причина, главная. В небольшом городке промтоварных магазинов было два-три, не больше. Обходим мы эти магазины с напарником и скупаем все имеющиеся в продаже колоды карт. Все до единой! В одном магазине штук пять, в другом штук восемь-десять. В маленьком городке это проще сделать. Все магазины наперечет. Удивленной продавщице, улыбаясь, объясняем, что мол, увлекаемся всякими поделками из игральных карт. Типа клеим из них замки или корабли, вот поэтому и берем столько много. А ей-то что? Продала – и слава богу. Ей же лучше.

– Берем эту охалку колод – и в гостиницу. Замыкаемся в номере, о-о-очень-очень аккуратно вскрываем каждую колоду и всю ночь иголкой «крапим» – помечаем каждую карту. На обратной стороне карты, на рубашке, делаем определенные наколки. А пальцы и память у любого каталы всегда на высоте, поверь! Затем так же о-о-очень-очень аккуратно эти колоды запаковываем, как будто так и было. И утром идем к открытию магазинов, в которых вчера эти карты покупали. Падаем в ноги продавщице, дескать, жена устроила скандал. Надоел со своими игрушками, мол, кричит. Ставить в доме твои корабли уже некуда, мол. Мы вчера купили у тебя, красавица, по рупь-шестесят? Возьми у нас обратно их по рублю, идет? И тебе навар, и мне дома одним скандалом меньше. Если продавщица упиралась, то мы скидывали цену до самой низкой. Главный фокус был в том, чтобы она эти колоды взяла и выставила на прилавок. Она тоже не дура, мигом подсчитывала прибыль-навар, и с десяти принятых обратно колод она имела шесть рублей. Сумма за один день приличная по тем временам. И она, конечно, с удовольствием на это шла.

– Остальное было делом техники, потому что на другой день уже сидим за игровым столом по установленному адресу. Начинаем выигрывать, и кто-то из местных заправил говорит, что, мол, подозрительно всё это. Ну-ка – шестерке своему деньги сует – сбегай-ка в магазин за новой колодой. Тот унесся. Мы ждем. И приносит парень «новую» колоду, которую мы всю

ночь помечали и знаем как свои пять пальцев. Ну и всё – их деньги у нас в кармане! Главное в этой комбинации было что, Сашка?

– Что, пап?

– Вовремя смыться из города после выигрыша! Иначе, не ровен час... И мы первым же поездом как можно дальше от этого городка. А там уже нас ждал другой городок, второй, третий. И всё это длилось не один день или месяц. Как профессия. Не зря же говорят, гастролеры. Как артисты, по стране кочевали. Ну, давай еще по одной. Да пойдем покурим, пока мамка нас не разогнала.

Вышли мы на скамейку, курим.

– А потом, пап?

– А потом, сын, я с этим завязал.

– Почему?

– А потому что женился я. На мамке твоей. Первое время я еще играл иногда. Ездил по соседним городам с другом одним. А потом родился ты. И мамка сказала: «Прибьют тебя, Толя, когда-нибудь или прирежут где-нибудь. Как я одна с Сашкой жить буду? Ему отец нужен!» И слово она с меня взяла. Честное слово взяла, что я больше никогда картей в руки не возьму. Вот так! И дал я ей это слово, куда деваться... И уже когда мы сюда переехали, помню, ни копейки дома, веришь, нет? Отдал я последнюю трешку водиле за переезд. И пошел я от матери тайком. Уже знал дом, где играют. Ноги сами принесли! Сами, не поверишь, Сашка. Во какая это зараза! Сидят, играют мужики. Стою я, и – вот они деньги! Только сядь и возьми колоду в руки. Я же сейчас их обчищу, как последних фраеров! Они же играть не умеют! Полчаса делов – и полная пазуха денег. Ну, стою, а в груди у меня... – Отец крутанул рукой по ребрам. – А в груди у меня аж дух захватило. Аж выворачивает меня всего наизнанку. Словами это ощущение не передать. Я уже было рот открыл и... Я даже руку протянул. И! И!!! Нет! Аж потемнело у меня в глазах, Сашка. Нет! Я же, я же... Я же Клаве слово дал. Слово! И вылетел я оттуда без оглядки.

Замолк отец. Только слышно, как зубами скрежещет. Помолчал с минуту. Видать, еще раз пережил тот испытательный для него момент.

– Вот так вот, сынок. Такие вот дела. И взял я с того времени карты в руки только вот сейчас один раз, когда надо было тебя образумить.

Отец закурил еще одну сигаретину. Помолчал.

– А дальше что, пап?

– А дальше? Дальше ты уже должен помнить. Дальше пришли шахматы! Надо же было чем-то мозги нагружать. Голова же человеку дана для того, чтобы думать. Вот я и думаю. И ты думай! Двое детей у тебя, давно пора уже вырасти из коротких штанишек!

Прошли годы. И дом тот стоит, который проверил тогда моего папку «на вшивость». Всё такой же желтый, двухэтажный. Никто там, конечно, уже не играет. И я. И я с тех пор ни разу не взял в руки карты. Ни разу! Потому что я же бате слово дал. Как я могу?!

Дежавю

На планете Земля сегодня существует около двухсот стран. Но я думаю, что вы со мною согласитесь в том плане, что ни одна страна в мире за последние лет эдак тридцать пять не испытывала того, что довелось испытать нам. Причем безо всяких природных катаклизмов, наводнений или извержений вулканов. А испытать просто так. Чтобы жизнь медом не казалась. Вот скажите мне, где и в какой стране в мирное время в двадцатом веке были талоны на мыло? Кому это мыло понадобилось, кто его вдруг скупил в одночасье? Ну ладно, талоны на одеколон. Мужики тогда стали жрать всё, что горит, вплоть до «Ланы». Но мыло-то кто сожрал? Или другое шоу. Кто еще мог научиться во время перестройки так виртуозно скакать по головам – в самом прямом смысле! – своих соотечественников в очереди за водкой? Мы всю жизнь спали и бодрствовали в очередях, сколько себя помнили, но такого!.. Я сам лично потерял однажды в такой очереди ботинок. А потом и вообще анекдот. Какому еще народу в мире его правительство вдруг – то ли от скуки, то ли от маразма – предлагало обменять денежные купюры сроком в три дня? И мы, зажав в кулаке две-три диковинные по тем временам сотенные купюры, наконец-то узнали, где у нас в городе находится банк. И это я вспомнил только так, навскидку. Не стал будоражить нашу память опереточным ГКЧП или страшным дымом Белого дома.

Я почему об этом вспомнил сейчас? А вспомнил я об этом потому, что обрушилась на наши головы сегодня очередная диковинная забава. И забава это называется – приготовьтесь! – дистанционное обучение. Дело непривычное для современных родителей, что и говорить. Это ж теперь надо бросить всё и сидеть рядом с ребенком. Разжевывать-растолковывать то, что ему непонятно. А ему непонятно буквально всё! Значит, не оторваться теперь ни на ногти свои, ни на массаж, ни в телефоне посидеть. Вот ведь напасть! Но, друзья мои! Но! Ведь всё это уже было. У нас, в наше советское время, оно – дистанционное обучение – было всегда. Во всяком случае, в обыкновенных нормальных семьях оно было. Так же сидели наши родители с нами над учебниками. Так же учили с нами таблицу умножения. Так же зубрили с нами «Мороз и солнце, день чудесный!». Только вот слов таких не знали тогда ни мы, ни наши родители. А ведь это было. И самое интересное, что, такое ощущение, что это было с нами буквально вчера. Дежавю, одним словом.

Конец шестидесятых. Барак. Учась во вторую смену, я делал уроки утром. Письменные задания выполнял с вечера, а вот устные... Вот тут и встает перед глазами картина, напоминающая сегодняшнее время. Мамка у плиты готовила обед. Она работала сутки через трое. Так что каждые три дня, как по расписанию, я читал параграфы, заданные на дом. И не просто читал, а читал их вслух. И так получалась, что мамка вместе со мной проходила всю школьную программу. И про климат саванны. И про температуру льда в Антарктиде. И про восстание Спартака. А уж про пестики с тычинками и говорить не приходится. Мало того, я эти параграфы ей тут же и пересказывал. Надо ли говорить, что учился я практически без троек! Мамка знала со мной наизусть – хоть ночью ее разбуди – и «Однажды в студеную зимнюю пору», и «Чуден Днепр при тихой погоде», и «Жизнь дается человеку только один раз». Лафа мне была только по английскому языку. Тут я был недосыгаем! Хотя так же читал вслух «Ай си э пикче» и другие «э пэнсилы». Мамка кивала. Я переводил. А где не понимал прочитанного, сочинял перевод на ходу. Мамка подозрительно смотрела.

– Там точно так написано?

– Конечно, мам, – клялся и божился я, – сама прочитай. Вон видишь? Ху из он дьоти тудэй?

– Ну ладно, – смеялась мамка. – Йес-йес. ОБХСС.

Получалась этакая беседа лордов в глухом сибирском бараке. Но на этом наше с мамкой дистанционное обучение не заканчивалось. «Ну а теперь, сынок, бери баян». А вот тут начи-

налась настоящая пытка. И пытка эта продолжалась в течение пяти лет, что я учился в музыкальной школе. «Испанский сапог» и «дыба» в моем случае заключались в том, что я садился у окна, поближе к свету, как велела мамка, и, играя ненавистные этюды Черни и фуги Баха, я видел, как за окном мои друзья гоняют мяч на школьном стадионе, что изуверски был расположен как раз под нашими окнами. Страшнее пытки для меня придумать было сложно! И никто мне тогда не говорил, типа, терпи, всё потом зачтется. Терпи, сынок, так надо. Терпи, ведь ты очкарик, и дороги во многие профессии тебе будут закрыты. Никто и никогда меня не успокаивал. Играй – и весь сказ. Надо значит надо! Ни шагу назад! Зато теперь я благодарен своим родителям за ту мудрость, хотя... Какие они тогда были мудрые? Когда я закончил эту ненавистную музыкалку, папке не было и сорока лет, а мамке и того меньше. Но ведь они откуда-то знали, что мне это пригодится в жизни, и я им благодарен по гроб жизни. Но это сегодня я такой мудрый, а тогда... Тогда я сидел и пилил мамке ненавистные гаммы и арпеджио. Юморески и польки. А уж любимый ею легендарный полонез Огинского я исполнял на бис раз по десять на дню. Потом приезжал на обед папка, и мне была амнистия! Правда, перед этим я исполнял по мамкиной просьбе любимую папкину «Уральскую рябинушку». И вот тут с двенадцати до часу наступала свобода! Я летел, сломя голову, на стадион!

Так что дистанционное обучение было и тогда. Мы просто об этом не знали. Расскажи сегодняшним молодым мамочкам, что мой отец – суровый, практичный и упертый от природы человек, воспитанный детдомом, – будет со мной учить математику в три часа ночи, никто не поверит. А я расскажу. А уж верить или не верить, решать не мне. В общем, дело было так. У нас в семье всегда был культ спорта. Всегда! Мы с отцом смотрели по ночам футбол-хоккеи. Сами на серьезном уровне играли в шахматы. Я не вылезал из спортзалов и стадионов. Книг про спорт у нас в доме по площади было больше, чем ковров на стенах. Я и читать-то научился по газете «Советский спорт». Шахматы и футбол у нас не сходили с языка. Так было всегда, сколько я себя помню. О чем это я? Ах, да! Про дистанционное обучение. Мамка, контролируя меня в учебе, нашла беспроектный метод дистанционного обучения. Метод заключался в следующем. Мамка узнавала у отца, когда очередной матч по телевизору. Шла в школу. Досконально с листочком и ручкой изучала классный журнал. Выискивала-выписывала все мои «косяки». И: не исправишь к матчу свои тройки – футбол смотреть не будешь! Просто, как всё гениальное. Для меня это была жесть. И я за оставшиеся до футбола три дня тянул руку до потолка на каждом уроке. Лез вон из кожи. Умолял учителей спросить меня именно сегодня, вылавливая их возле учительской. Метался в агонии, но тройки исправить успевал. Вот такая у нее была методика. Хорошо это было или плохо, я не знаю даже сейчас, но сплошные четверки и пятерки в моем аттестате подтверждают мамкину правоту.

Так вот, об отце и дистанционном обучении. Это было нечто, друзья! Нечто! Ну, представьте. Осень. Смотрим мы футбол. Трансляция начиналась в 23.30. И вот уже к окончанию матча, где-то в час ночи, батя возьми меня да и спроси:

– Уроки все сделал?

И я, не привыкший врать отцу ни в коем разе, возьми да и ляпни:

– Да там задачка одна осталась. Но меня, пап, не спросят.

– Как это «не спросят»?! А вдруг?

– Да не могу я ее решить, задачку эту. Утром перед уроком у пацанов спр...

– Ну-ка, неси учебник! Что за дела, у пацанов он будет спрашивать!

И я, проклиная свой язык, поплелся за портфелем. А предмет был математика. Это для бати с его военным детством, эвакуациями, бомбежками, детдомами, ремеслухами и прочими детприемниками было вообще заоблачным понятием. Писал он очень красиво – художник все-таки – и почти без ошибок. Даже умудрялся каким-то чутьем правильно расставлять запятые. Историю и литературу знал очень хорошо. А вот физику и алгебры разные – увы. Темный лес, как он говорил.

– Что там у тебя? Читай условия задачи!

Батя осторожно прикрыл кухонную дверь, не давая мне уже никакой возможности увильнуть хоть под каким предлогом. И вот тут начинается то, о чем я хочу тебя, читатель, предупредить заранее. А именно: всё, что пойдет ниже, уже было у наших классиков. И у Василия Шукшина, и у Михаила Жванецкого. Я про яблоки и про морковку. Возможно, еще у каких-нибудь авторов. Но в этом я не вижу ничего предосудительного. Все мы выросли в одной стране и воспитывались в одной и той же среде. И всё это было не только со мной, я уверен. Сейчас поймешь, читатель, о чем я.

– Что там у тебя, Сашка?

И я, проклиная всё на свете, машинально отмечая на часах полвторого ночи, начинаю свой бубнеж.

– Из пункта А в пункт Б...

И дальше шло хрестоматийное про пешеходов, идущих навстречу друг другу с разной скоростью. И вечный классический вопрос всех времен и народов: когда они встретятся?

– Ну и что тут непонятного?

– С ответом не сходится, пап.

– У того какая скорость? – спрашивал с профессиональной интонацией батя-шофер.

– Шесть километров.

– А у этого?

– Пять. Ну и что?

– Что тут неясного? Вот смотри.

И отец мой включал свою железную логику шахматиста. Начинал преподавать мне математику на пальцах в прямом смысле слова.

– Вот идет этот, что из пункта А. – Батя начинал перебирать по столу средним и указательным пальцами правой руки, как бы идя от одного края стола на другой. – Вот он идет, видишь? А вот этот ему навстречу, который из пункта Б.

В ход шли те же два пальца уже левой руки.

– Раз этот идет быстрее, то у него что?

– Что у него, пап?

– Шаг у него должен быть шире, чем у того, который плетется! Логично?

Я кивал. Батя делал размах шагов на пальцах правой руки пошире.

– И вот они идут навстречу друг другу. Топ-топ. Топ-топ. Встретились! – Батины кулаки-пальцы сходились на середине стола. – И что мы видим? Та-а-а-ак. Почему встретились на середине, если у того шире шаг? Тот же должен был больше пройти, логично?

Батя тупо смотрел на клеенку. Потом на свои пальцы. Видимо, понимал, что он где-то ошибся. Что-то у него не сходится. Думал.

– А давай, Сашка, на спичках. Где у нас коробок? Берем целую спичку за шесть пройденных километров в час. А эту, – отгрызал он зубами на другой спичке серную головку, – берем за пять километров в час. Логично? Пошли на пол.

Мы опускались на кухонный пол. Разбуженный нами кот Тимоха испуганно шарахался в угол.

– Брысь отсель! Что там у нас? Ага! И вот они идут друг другу навстречу. Этот идет от холодильника. Из пункта А. А этот идет от плиты.

А теперь представь, читатель, себе такую картину. Картину, достойную кисти любого великого живописца. Или психиатра. На полном серьезе. Взрослый мужик в синих семейных трусах на карачках, отмеривая, как колхозный агроном аршином, по кухонному полу спичками дистанцию мифического пешехода из пункта А. В два часа ночи. Из-под стола ошарашенно тарашится котяра, шерсть у него дыбом и горящие шары размером по семь копеек. И я, засыпающий на ходу пацаненок.

– Понял? Этот сколько спичек отмахал? А этот? Посчитал?

Я киваю, а что мне остается?..

– Пиши.

Я начинаю писать.

– Что-то опять не сходится, пап.

Батя тупо смотрит в мои каракули. Потом на спички в руках.

– Не понял. Вот холодильник, так? Вот плита. Логично? – Батя начинает нервничать.

Повышает голос. – Пункт А – это холодильник! И пункт Б – это плита! Логично?!

Из-под стола доносится угрожающее тимохино шипение. Отец опять берет в руки спички. Идет на исходную позицию к холодильнику.

– Этот пешеход, его душу мать, идет со скоростью шесть километров в час, так? А этот тащится со скоростью пять, так? Он что, на костылях или пьяный?

– Тут про костыли не напис...

– Нет чтобы так же идти, как все, со скоростью шесть километров! Тогда бы всё сошлось!

А не можешь нормально ходить, сиди дома!.. Кто тебя где ждет такого убогого, с костылями твоими? Пока ты доплетешься, там уже и нет никого! – Отец опять ползет от плиты к холодильнику и обратно. – Шесть, семь, восемь. Теперь понятно? Пиши!

Опять какая-то закавыка. Батя опять встает раком у холодильника. Котяра в своем укрытии начинает жалобно завывать.

– Брысь, твою мать! – орет батя уже в полный голос. – Тебя еще тут не хватало! Чего тебе тут надо?! Тоже походить хочешь?! Со скоростью пять километров в час?! Тут и без тебя таких ходочков полно! Че там, Сашка?

– Из пункта А в пун...

– Что тут у вас происходит?!

Мамка на пороге! Тимоха молнией мимо мамкиных ног в дверь ф-ф-фью-ю-ють!!!

– Задачку решаем.

Батя с обгрызанными спичками в руках на полу. Я весь в чернилах за столом.

– Какая задачка, Толя?! Время три часа ночи! Тебе же за баранку! Посмотрите-ка на него. Ему людей через три часа везти, а он задачки решает. Ну-ка, ну-ка. А ну дыхни?

– Да мы, Клава... Из пункта А, понимаешь... А другой пешеход на костылях. Вот мы и...

Как привиделось! Боже мой! Как вы там, дорогие мои?..

А вы спрашиваете, что это такое «дистанционное обучение». Всё это уже было, друзья! Так что дежавю это. Только и всего.

Чтоб тебе повезло!

27 октября – День автомобилиста. В простонародье – День шофера. Для каждого из нас этот праздник значит что-то свое, а для меня. Шестьдесят (!) лет провел за баранкой мой отец. Шесть-де-сят! Первое мое яркое детское воспоминание до сих пор в памяти. Ночь. Папка за рулем «эмки». Я у мамки на руках со сломанной рукой. И красивая-красивая красная лампочка светится на приборном щитке. Везут меня в больницу. В Тулун. Тот самый, что сегодня известен всей стране. Трех лет мне еще тогда не было, говорят.

Я всё свое детство мечтал стать шофером. Как папка! Все игры во дворе среди старых бараков были не в войнушку, а в машинки. Вколачивали в землю щепки-педали. Палки-рычаги. Газ. Тормоз. Скорость. Ручник. Для руля среди кучи школьного металлолома искали обручи от старых велосипедов. С нами играли и девчонки. До сих пор помню, как сажали они цветы вокруг наших «автомобилей». А мы их за это «катали» на сиденьях-ящиках: «Садись, Люська! В Москву поедем!» Тр-р-р-р-р-р-р. Тр-р-р-р-р-р-р. Это потом уже были футбол и хоккей, а пока... Вместо детского сада сидел я в кабине папкиной машины всё время, сколько себя помню. Как он говорил, «одной рукой баранку держу, а другой Сашку». И когда он, спасая в страшный ливень доярок, сам лег под колеса, чтобы машина с ними в кузове не улетела в пропасть, я был в кабине. Я был в кабине и тогда, когда отказали тормоза у старенького ЗИС-5, родного нашего лесовоза «Захара», и мы с лесом летели с Тулунской горы в речку Курзанку. А внизу на берегу стояли другие лесовозы на привале и водители, разбегаясь по сторонам, глядя на летящий с горы груженный лесовоз гадали, в кого же он врежется. А папка сумел каким-то чудом пролететь между ними, никого не зацепив, и, влетая в реку, крикнуть мне: «Сашка! На пол!!!» И утащил меня рукой на полик, уткнув лицом в педали. А бревна при резком торможении по инерции со страшным треском и хрустом снесли деревянную кабину, как спичечный коробок. Сползли они через эту кабину в воду, завалив ее наглухо. Помню, как кричали водители, а мы – из-под этих бревен, как с того света. Все в смоле. Мокрые. Но живые!

А в апреле шестьдесят первого, опять же в лесовозе, но уже в Громадской тайге, с папкиных слов я узнал, что облетевший вчера земной шар Юрий Гагарин является его земляком. Первый космонавт, оказывается, тоже из города Гжатска! Вот какие замечательные люди в городе Гжатске. Гагарин. Папка мой.

До 1982 года – тридцать лет! – ни одной аварии. «Везучие права у меня, Сашка!» Никогда отец не был суеверным, но в этом вопросе был щепетил: «Права у меня везучие», – так скромно объяснял он свое мастерство. А в 1982-м он, водитель автобуса, возвращаясь в парк, был остановлен пьяным гаишником. Был тут у нас один такой. Легендарный. Весь городок его презирал. Потребовал этот пьяный блюститель дорожного порядка отвезти его куда-то там по куражной необходимости. Отец, любимой поговоркой которого была «я никого не боюсь, кроме собственной жены», вежливо предложил ему альтернативу – проехать до ближайшего отдела милиции. И этот затаил обиду. Через пару недель, уже трезвый, остановил отца и попросил предъявить водительские права. Предъявил, куда деваться. А на них фото: вихрастый паренек в тельняшке. Тридцать лет этому удостоверению, чего вы хотите? Изъяли, как положено, тип, фальшивые. Отправили на экспертизу. Отец думал, что и концов не найдут, но фигвам, товарищи! Всё учтено могучим ураганом! Пришел ответ. В 1952 году в городе Калинин курсант Анатолий Волков с такими-то оценками. Охренеть! Чикатило бы так искали. Права заставили поменять. И, сначала выпив немного с приятелем, живущим в двух шагах от гаража, чуть ли не впервые сел отец выпимши за руль. И практически во дворе гаишники (из какой только стайки они вынырнули?) отобрали у него эти новые права. Спасибо, завгар выручил, включив все свои связи.

Через полгода влетает под железнодорожным мостом отцу в бочину его автобуса отможенный ЗИЛ-130. Хорошо, что салон был пустой. Но еще через пару месяцев салон уже был полный. Как отец удержал и не опрокинул автобус после столкновения, он и сам не понял. Но обошлось без жертв. И не верящий ни в черта, ни в дьявола мой отец не стал испытывать судьбу, сдал ключ от зажигания. Пошел сначала в дежурные. А потом и вовсе ездил уже только на личном «ЛУАЗике», отвечая только за себя и своих родных. «Всё, Сашка! Похоже, свой лимит удачи я исчерпал. Говорил же я, права были везучие». И уже на этом «ЛУАЗике» однажды весной в половодье наткнулись мы на размытый мост через местную речушку. Стоят машины. Водители курят. Затылки чешут. Как быть и что делать? Обьезжать – это крюк через весь город. А батя увидел под забором два бруса, перекинул их через эту речку, примерился – и был таков! Мастерство не пропьешь!

Самое интересное, что отец не считал День шофера своим праздником. «А это разве праздник? – спрашивал он сам себя и сам себе отвечал. – Работа это, только и всего. Ремесло это, Сашка». Но поллитровку в этот день брал всегда. Еще бы – такой повод! Даже мамка не ворчала. Я приходил к нему в гости вечером с поздравлениями. Выпивали мы с ним по одной-другой рюмашке и просыпался-таки в бате шофер! Приносил он гитару и: «Сашка, – смущался, как ребенок. – Спой эту. Ну, про шоферов. Про „назад пятьсот, пятьсот вперед“». И я пел: «Дорога. А в дороге МАЗ, который по уши увяз. В кабине тьма. Напарник третий час молчит». Папка внимательно слушал, а потом уже в который раз удивлялся: «И это написал твой Высоцкий? И ты хочешь сказать, что он не шоферил? Да быть такого не может! Да хоть какой он гений! – распаялся мой подвыпивший батя. – Не может человек написать такого, если сам это не прошел. Ну так не бывает! Что-то тут не так». Закуривал он. Хмыкал. И мы начинали спорить. Заводились. До хрипоты! Прилетала из спальни мамка. Стыдила. Умоляла говорить потише. Хватала со стола остатки в бутылке.

– Толя, тебе же завтра за баранку. Болеть ведь будешь.

– Клауська! – Бил себя в грудь отец. – Да чтобы я когда болел? Да никогда в жизни!

Я мамку успокаивал. Мать уходила. Отец доставал откуда-то из буфетных закровов значенную бутылку самогонки. Разливал по стаканам. Затем прятал бутылку с глаз долой. Выпивали. Крик от этого тише не становился, а наоборот. Вслед за Высоцким шла тема про Сталина. Тут начиналось вообще невообразимое! Перестройка!.. Горбачев!.. Солженицын!.. Мамка опять прилетала.

– Ну Толя, ты же обещал.

– Клауська! Да чтобы я? Да никогда в жизни!

Она опять уходила. Мы снова втихаря разливали. Гласность!.. Госприемка!.. Ускорение!.. Мать опять прилетала.

– Клауська!.. Да никогда в жизни!..

Она уходила. Мы опять. Она опять. В итоге часа в три ночи мамка разгоняла нас ковшиком. Боже мой! Как вчера!..

Идет время. Семь лет, как нет отца рядом с нами. Но мне иной раз чудится, что звучит за окном знакомый рокот двигателя. Скрип тормозов. Глохнет мотор. Тишина. Хлопок дверцей кабины. Гулкие шаги в подъезде. Знакомый до боли в сердце стук в дверь. Тук-тук. Тук. Тук.

И родной голос: «Это я тут. Ехал мимо. Десять минут свободных выпало. Дай, думаю, заскочу. Сашка, поставь чайник, пока я руки мою. И включи „Маяк“. Как там мой ЦСКА вчера сыграл?»

Глава вторая. «Ремесло»

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...
Сан Сергеич, конечно, прав, но...
Учились ведь!
Хоть и как-нибудь...

Как я в артисты подавался

Когда-то в добрые советские времена в журнале «Крокодил» была любимая всеми нами рубрика «Нарочно не придумаешь». Я к чему? А к тому, что мой рассказ можно смело включить в эту рубрику. И вообще, это даже не рассказ, а некое откровение. Или очередная попытка посмеяться над собой. В назидание другим. Речь пойдет о ситуации, которая была в жизни у каждого из нас. У одних это было тихо-скромно, как само собой разумеющееся. У других это было болезненно. А у меня всё не как у людей. Итак, по порядку.

У меня растут года, будет мне семнадцать. Кто из нас не учил эти стихи? Помню, в первом классе мы инсценировали это стихотворение. Режиссура была незамысловатая: каждый ученик читал про ту профессию, которую он представлял. Своего рода это была презентация. Нарядили нас соответственно профессии. Колька Куприн был столяр. Он стоял в фартуке и с настоящим рубанком. А Наташка Усова была доктором в белом халатике и колпаке с красным крестиком на лбу. В руках огромный такой градусник. А я... Вот с этого всё и началось. Я был очкарик. Долговязый не по годам. «Анжинер» – ни дать ни взять!.. В черном костюмчике и в маленьком галстучке. Помню, как мамка мне его примеряла, когда шила. Но это была постановка, а в жизни... Кто из нас не мечтал о том, кем он станет, когда вырастет? Вот и я. Все пацаны вокруг мечтали стать солдатами, космонавтами или, на худой конец, шоферами, а я.. А я... Никому я не говорил, кем я мечтаю стать в будущем. Никому! Мне было стыдно. Стыдно! Потому что я мечтал стать артистом, сколько себя помню. Вот такие были времена. Шахтер, летчик, тракторист – пожалуйста! А быть артистом считалось неприличным. И если другие мечтатели, особо не заморачиваясь и не рассуждая, играли в войну или в машинки, то я шел к своей мечте целенаправленно.

Мои родители, как и многие тогда, увлекались грампластинками. У нас была полная этажерка этих черных, тогда еще костяных даже, пластинок. С них пели Шульженко и Мондрус, Магомаев и Горовец, Кобзон и Ухнарев, Ободзинский и Рашид Бейбутов. Но я, когда оставался в доме один, включал радиолу. Включал ее на малый звук, чтобы не слышали за стеной соседи по бараку: я же никому не говорил о своей мечте. И наступало волшебство. И я, затаив дыхание, слушал Аркадия Райкина, Тарапуньку и Штепселя, Мирова и Новицкого, Рудакова и Нечаева, Миронову и Менакера. Это был мой мир. Я погружался в него с головой.

Зима. Мне в школу во вторую смену. Уроки сделаны еще с вечера. За окном еще даже не рассвело. А у меня в гостях такие люди! Стоит ли говорить, что я знал наизусть всё, что было на наших пластинках. Я воспроизводил по памяти все их скетчи и монологи со всеми их паузами и интонациями. Я знал всё! Весь репертуар, что был записан на этих пластинках. Но никому-никому никогда-никогда я не признавался в своей мечте. Ни-ко-му!

В пятом классе у нас в школе стали проводить кавээны. Тогда в Сибири по ночам транслировали по телевизору эту передачу, ведущими которой были молоденькие Светлана Жильцова и Александр Масляков. Трансляции шли в прямом эфире до двух часов ночи, и мои родители позволяли мне всё это смотреть. «Смотри, Сашка, – предупреждал отец, – до первой тройки!» И я ради Юлия Гусмана и Ярослава Голованова готов был учиться хоть на шестерки. И вот тут уже я был заводилой, лидером и автором всей этой школьной кавээновской камарильи. Но всё равно о своей мечте я никому не говорил.

Учителя шустрого, способного мальчишку заметили, конечно, и нагрузили меня в самодеятельности по полной программе. И однажды проявилась во мне, как я сейчас понимаю, звездная болезнь. Да-да! А иначе как понимать тот фортель, что я выкинул в шестом классе? Поручили мне на городском школьном смотре самодеятельности прочитать стихи о Ленине. Со мной занималась учительница литературы. Показывала, подсказывала, где какую руку мне поднять, где опустить. Всё как у больших. И вот – смотр! Городской Дом культуры!

Согнали в этот день все школы города. Народу – тьма. Учителя устали-охрипли нас собирать-вылавливать по углам-закоулкам огромнейшего здания. А в это время в зрительном зале одна школа про Ленина поет-говорит-пляшет, другая, третья... Подошла наша очередь. И картина еще та! Спел хор. Ведущий торжественно объявляет: «Стихотворение „Портрет Ленина“ исполняет...» Выхожу я. Полный зал народу. И я должен был начать: «Есть портрет в колхозной хате скромной». Но я посчитал, что стихи эти, как бы сказать, неинтересны они зрителю. Полдня уже идет эта серая тягомотина. Скучно. Устал народ. А вот это подойдет. Сам для себя я так решил.

Поменял я самовольно номер в программе в последний момент. Такое даже представить страшно! Шестиклассник в пионерском галстуке выдал зрителям и комиссии гороно в первом ряду на школьном смотре, посвященном столетию В. И. Ленина – внимание! – лекцию о вреде самогона Аркадия Райкина. Не вру! На школьном смотре. К столетию Ленина. Как гороновскую комиссию не хватил удар, я до сих пор не понимаю. Стоит пацан в пионерском галстуке, изображает пьяного дяденьку-лектора, который читает лекцию про самогонку полному залу пионеров. Такое тогда даже по телевизору не показывали, а тут я стою, тарыхчу. А они... А что они могут поделывать? Не за ноги же меня со сцены тащить? А номер идет минут десять. Целых десять бесконечных минут вселенского ужаса! Какое столетие вождя к чертям? Армагеддон! Ученики ржут. Учителя хватаются за голову и за сердце. А я... Звездный час у меня! Минута славы! Мамку вызвали в школу. Батя даже наказывать меня не стал. Пошугал, конечно: «Дундук ты, Сашка! Ох и дундук!» А вечером слышу – ржут на кухне с мамкой. С этого момента я вообще даже думать про артиста перестал.

А тут проявился во мне еще один талант. Шибко уж я в математике соображал. Выигрывал все математические олимпиады на свою голову. На свою голову потому, что родители тут же увидели меня инженером в светлом будущем. Вот он где аукнулся мне, тот «анжинер» из «презентации» в первом классе! То есть политех уже в девятом классе замаячил передо мной конкретно. И вот тут я впервые озвучил свою мечту. Кем-кем? Артистом хочу быть!

Что тут поднялось! Да ты сдурел?! Да артисты, они же все алкаши, как наш дядя Вася. Ходи вон в драмкружок, и хватит тебе. Ни у кого из них семьи нормальной нету. У нас тут вон в клубе гармонист. Тот еще артист! Алкаш алкашом. Вылитый дядя Вася. Ни семьи, ни роду-племени. Даже думать забудь! А я... А я, друзья мои, уперся. Первый раз в жизни я осмелился перечить своим родителям. Не мог я предать свою сокровенную мечту. Не мог, хоть убивайте!

Весь год мы воевали, весь десятый класс. «Торг в дворницкой» состоялся у нас с мамкой на картошке. Сажали мы в поле картошку. Посадили. Ждем, когда отец за нами приедет. И вот: да как, да что... Да пойми, мама! Тошнит меня от этой математики уже. И мамка пошла на уступки, но... Но! Ладно, не инженер. Но никаких театральных училищ, сынок! Выбирай любой институт. Любой! Я выбрал театральный институт, чуть ли не ВГИК. Опять пошли споры. Короче, сторговались мы с ней к папкиному приезду на пединституте. Историком быть мне была уготована мамкой судьба.

И вот наступило первое августа. Сижу я пединституте. Сдаю «восточные славяне в древности», такая вот тема мне попалась. Сел к столу преподавателя. Открывается дверь. Краевое телевидение! День абитуриента! Репортаж к вечерним новостям! Ставят фонари. С камерой по аудитории туда-сюда. Берут меня крупным планом. Экзаменационный лист мой. И мне на глазах всего края под треск камеры в этот лист мой – отлично! Бац! И вечером в 19.00 я сам себя впервые видел со стороны. Скромный такой очкарик. С везучим значком на лацкане, подаренным мне на удачу одной милой одноклассницей. Спасибо тебе, Наташка!

А на малой моей родине – фурор! «Клава-а-а! Беги в квартиру-у-у-у! Сашку по телеку показывают!» И мамка из огорода, побросав тяпки-лопаты! И весь наш двор за ней. Гурьбой с криками и слезами стоят у телевизора. «Смотри-смотри! Пятерку ставят! Ну Сашка! Ну дает!

А я сразу говорила, хороший мальчик. И окно своим мячом дурацким он тогда нечаянно... А в одиннадцать еще повтор будет, Клава! Смотрите с Толей, не прозевайте!»

Это сейчас интернет в каждом телефоне, а тогда? А тогда это было событие вселенского масштаба. Вот так я стал еще раз звездой. А потом: сочинение пять, русский устный четыре. Четырнадцать баллов уже есть! Остался английский. Сдам даже на тройку – проходной бал набран. А вот теперь – нарочно не придумаешь, как я и обещал.

* * *

И все-таки не предал я свою мечту. Остался я ей верен до конца! Но то, что было дальше, – ни в какие рамки. Никакому здравому смыслу дальнейшее не поддается. Солнечное августовское утро. Иду я в институт на консультацию по английскому. Уверен в завтрашнем экзамене абсолютно. Мне и консультация-то эта – так, время занять. Присмотреться, пристреляться. Во-первых, я не боялся этого языка напрочь. В аттестате пятерка. Во-вторых, набранные за три предыдущих экзамена баллы меня тоже успокаивали. А в-третьих, мне понравилась эта дуэль. Дуэль абитуриент – экзаменатор. Кто кого, как в спорте.

Иду я с мороженым в руке. Читаю попутные афиши-плакаты – и оба-на! Стоп-стоп! Ну-ка, ну-ка! Объявляется. Дополнительно. Набор. Училище искусств. Актер драмы. Адрес. Завтра. Время начала. Я еще раз перечитал. Потом еще раз. И что вы думаете? Пошел я по этому адресу. Как это понять? А никак. Пошел и всё. Записали меня на экзамен. Без документов, так можно у них, оказывается. «Пройдете первые три тура, юноша, принесете документы. Желаю удачи!» Логично, в принципе. Подготовил я за ночь стихи, басню, прозу. Они у меня уже были в голове со времен школьной самодеятельности. Прорепетировал несколько раз. И утром – знала бы моя мамка, убила бы на месте! – вместо вступительного экзамена в институт, оценка по которому была у меня в кармане, а стало быть, и сам факт зачисления, я, идиот, пошел в это училище. Сейчас я бы своего сына за такое прибил! Ах, если бы молодость знала...

Народу в коридоре Училища искусств было – не продохнуть. И все, как один, гении. Я-то думал, что это только я гений, а тут!.. Кто-то пришел с гитарой и хрипел под лестницей что-то из Высоцкого. Девушки сверкали коленками и стреляли глазами направо и налево во все стороны. Одна краше другой. Кто-то изображал слепого инвалида. Кто-то бродил, прикидываясь пьяным. Кто-то пародировал убитую горем вдову. Кто во что горазд! Из аудитории, где шел экзамен, народ вылетал пачками. Стою, трясусь. И вот моя очередь. На ватных ногах вхожу в этот «кабинет рентгеновский». Сквозь цветастую пелену в глазах вижу знакомое лицо. Ба! Да это же диктор краевого телевидения. Еще люди и... Я не поверил своим глазам: капитан Цветаев, помните? Да-да! Сам Николай Олялин из киноэпопеи «Освобождение»! И я как-то даже успокоился. Типа, ну он-то найдет во мне талант, не ошибется. Ну я и выдал этой комиссии такое!.. «Казнь Стеньки Разина» Евтушенко я выдал. В манере а-ля Юрий Левитан. С какого-то смотра в голове осталось. Слава богу, не лекция о вреде самогона. «Над Москвой колокола гудят. К месту Лобному Стеньку ведут, – молотил я кулаками воздух. – А над Стенькой, на ветру полоща, бьется кожаный передник палача». Комиссия застыла в едином порыве. Даже Олялин не шолохнулся. «А в руках у палача над толпой голубой топор, как Волга голубой. И бегут по топор...» Спасибо! Следующий! «К-к-к-ак с-с-следующий? Как же так?!» Результаты потом, юноша. До свидания! «Да я же. Да вы же. Да я еще могу. А басн...» Пригласите там следующего, пожалуйста.

Я не знаю, как там Наполеон под Ватерлоо, но я в ту минуту... Я вышел, убитый наповал. В голове стучало только одно: как?! Вы же... Я же... Как же басня?! А народ в коридоре гудит! И стало мне всё ясно. Провал самый настоящий. Всё, Саня! Бесталанный ты человек. Забудь о сцене раз и навсегда! Но надежда умирает последней. Стал я ждать итоги. Короче, к вечеру только все наконец-то прошли эту экзекуцию. Вышла девушка, зачитала список тех, кто про-

шел во второй тур. Моей фамилии, естественно, нету. Кого зачитала, завтра в десять на второй тур. И всё?! Всё! Вздох разочарования по всему коридору. Тишина. И тут произошло невероятное. Непостижимое никакому разуму! Так не бывает! Я до сих пор не знаю, что это было. И вот кто меня дернул спросить: «А Волков?» Она уткнулась в листок. «Ах, да! И Волков еще, извините. А разве я не назвала?» Не вру!

Что это было? Как это объяснить? Но всё было именно так! Сейчас я бы, конечно, напился от радости, а тогда... Спортсмен, артист – какой алкоголь, вы что?! Я по улицам летел, а не шел. И плевать мне теперь на этот пединститут с его английским. Что будет дома, после моего триумфа с пятеркой на весь экран по телевизору я даже не думал. Я был даже не на седьмом небе от счастья, нет! Я был... Я был во Вселенной! В бесконечной Вселенной во времени и пространстве. «Я один на белом свете. Волосы и мысли спутал ветер». Душа пела. Я до сих пор помню то свое состояние. Даже сейчас помню, когда всё это пишу. Счастливейшая бессонная ночь! Мечты-фантазии!!!. Где-то там замаячила Таганка. Забрехал Театр сатиры. Владимир Высоцкий и Андрей Миронов махали мне из ближайшего будущего рукой.

Короче. Пришло нас, счастливых, на второй тур уже человек двадцать из вчерашней огромной толпы. Пустой коридор. Меня вызвали первым. Всё те же за столом, но без Олялина. Ладно, мне уже ничего не страшно. Пройти первый тур означало быть практически зачисленным. Помешать могло только нечто такое, что...

– Садитесь к столу, молодой человек. – Женщина указала мне на пустой стул напротив комиссии.

– Как, а... Это, ну...

– Читать ничего не надо. Повторяйте за мной. Ложка.

– Не понял?

– Повторяйте. Ложка.

– Ну, ложка.

– Лошадь.

– Лошадь.

– Лодка.

– Лодка. Я никак не въеду, а в чем дело-то?

– Юноша. А вам никто не говорил, что у вас дефект речи?

– ?!

– Вы не выговариваете звук «л». Вы знаете об этом?

Я сначала вообще не понял, о чем она. Я прошел на второй тур, а вы мне тут...

– Так что, извините, Александр, но с таким дефектом речи мы вас принять не можем.

– И что мне теперь делать?!

– Ну не знаем. Исправите дефект – приходите. Будем только рады.

– А его можно исправить?

– Можно. Наверное. Но я таких людей не встречала.

И побрел я по улице с двойным чувством. С одной стороны, я прошел огромный конкурс и вышел во второй тур. Значит, талант у меня есть, оказывается. А с другой, и что из этого толку? А вот теперь, друзья, вспомните, что я читал комиссии в тот день. Про «Казнь Стеньки Разина». А теперь представьте, как всё это звучало для комиссии при моем дефекте на звук «л». С интонацией Юрия Левитана: «Над Москвой ковокова гудут. К месту Вобному Стеньку ведут. Перед Стенькой на ветру повоцца, бьется кожаный передник павача. А в руках у павача над товпой говубой топор, как Вовга говубой». А теперь попробуйте всё это прочесть вслух. Попробуйте! Похочете лишний раз. Попробовали? Ну и как вам? А каково это было свушать народному артисту Николаю Олялину и его компании?! Кто бы знал, где упадешь. Вот тебе и «нарочно не придумаешь»...

Как я отбивался, оправдывался, изворачивался и отбрехивался в разборках с родителями, это тема отдельной беседы. Мать – ее на мякине не проведешь! – поехала в пединститут и узнала, что я не явился на последний экзамен. Потом от тетки, у которой я проживал тогда – вот где Штирлиц отдыхает! – она узнала, что ночью перед этим экзаменом я бубнил какую-то басню про «Квартет». А вычислить Училище искусств оставалось делом мамкиной техники. Закончилась вся эта моя эпопея ссылкой на работу в службу связи местного предприятия, где я лазал по столбам-опорам и таскал бревна в мороз и слякоть до самой весны.

Но самое главное в этой истории стало то, что я вылечил свой дефект речи, друзья! Исправил-таки свое произношение звука «л». Чего мне это стоило, знаю только я. В один момент я стал заикаться. Прежде чем произнести слово со звуком «л», я делал паузу. Я учился говорить практически заново. Знакомые, что знали меня с детства, обалдевали. А я продолжал эту борьбу и победил! И мои родители, глядя на все мои героические мучения, отступились. Смирились. Батя махнул рукой. А мамка: «Ты только не пей, Саша! А то будешь, как дядя Вася». И поступил я летом безо всяких проблем в театральное училище. Правда, уже в другом городе. Но это без разницы. Вот так!

Это я про мечту. Она есть у каждого, я уверен. Только вот не каждый находит к ней дорогу. Единственную дорогу! Ну а что со мной было дальше? Была сначала любительская, а потом уже и профессиональная сцена. В перестройку дорос я уже и до сольных программ. А потом ГКЧП. Ваучеры. Расстрел Белого дома. Где и как я только ни агонизировал вместе со страной, чтобы прокормить семью! Но это, как говорится, уже совсем другая история.

А уже в двадцать первом веке на мой юбилейный концерт пришел мой отец. Мамки уже не было с нами. Сел батя скромно в уголке зрительного зала. Всё было торжественно, как и положено в таких случаях. В один из моментов я представил переполненному залу своего отца. Поднялся батя. Поклонился во все стороны. Овация! Аплодисменты! На сцену он, правда, не пошел, но я видел, что ему приятна вся эта процедура. Вручили ему девчонки цветы, расцеловали. Он стоял, как именинник! И уже по дороге домой, в машине, я услышал самые дорогие моему сердцу слова в своей жизни, когда-либо сказанные мне. Мой батя мне и сказал:

– А знаешь, Сашка, о чем я подумал, сидя в зале?

– О чем, пап?

– Я подумал, – он хмыкнул по своей привычке. Помолчал. – Я подумал вот о чем. А хорошо все-таки, что ты тогда на тот английский свой экзамен не пошел.

Папка! Как я тебя люблю!

Судьба культработника

*«Нам не пишут песни и сонеты,
Не слагают оды в нашу честь,
Словно и не слышали поэты,
Что на свете культработник есть...»
А я вот и решил восполнить этот пробел.
И вы узнаете много очень интересного.
То, что остается, как правило, за кадром...*

Как я культуру в массы носил

Я никогда не страдал манией величия, и вот... Даже как-то неловко сравнивать себя с классиками, но... Достоевский изучал великую русскую душу, типа «тварь я дрожащая или право имею?» Горький заявлял, что «человек – это звучит гордо!» Чернышевский изучал сны Веры Павловны. Шолохов всё больше по колхозной части. Игорь Фесуненко всё больше про бразильский футбол. У каждого своя тема. И я вот. Со своей клешней. Клубная художественная самодеятельность. Вот такую тему я решил застолбить! Не помню я, чтобы наши классики обращались в своем творчестве к этому всенародно-массовому явлению. Единственное, что приходит на ум, – это песня Тихонова-Матвеева с баяном на клубной сцене фильма «Дело было в Пенькове» и режиссер народного театра в фильме «Берегись автомобиля», блистательно сыгранный великим Евстигнеевым. Впрочем, в литературе этой темой отметился Сергей Довлатов, написав про то, как на зоне ээки поставили пьесу о Ленине. И всё вроде.

Не знаю, как насчет писательства, но уж профессиональное отношение к этому явлению я имею полное и основательное. Чисто символически, например. В 1978 году я ступил на эту стезю, и через сорок пять лет, помотавшись по свету белому и сменив кучу профессий, от аккумуляторщика до дирижера духового оркестра (ого!), я завершил свою творческую деятельность на той же сцене, в том же Доме культуры того же села, выпуская на сцену уже внуков моих первых воспитанников из далеких 70-х. А если говорить серьезно, то я совсем не собираюсь писать трактат или, не приведи господи, диссертацию на эту тему. Просто решил я окунуться еще раз в ту атмосферу, что сопровождала меня в первые годы моей творческой жизни. Вспомнить друзей. Погрустить. И, конечно, посмеяться. Посмеяться вместе с вами, дорогие мои собеседники-читатели. Благо, всё уже позади и есть повод расслабиться.

Абсолютное большинство из нас ходили в разные кружки в школе. А я вообще впервые вышел на крупнейшую сцену местного Дома культуры в пять лет. Помню и сегодня, как сверкали искры в глазах и стучало в висках, когда я орал со сцены непонятное для себя: «Николай объелся меду, а касторку дали мне!» И пошло-поехало. Кружки, кавээны. Школьный хор. «Слышишь, идут барбудос!» А всё определила музыкальная школа, которую я люто ненавидел все пять лет обучения. А кто полюбит? Сажу, пилю. А за окном футбольный мяч хлопает. И так все пять лет! Стадион под окном.

А потом благодаря диплому занесло меня в клуб. Со своим сельским ВИА мы в деревне были популярнее «Битлов». Начинили играть на танцах где-то в 23.00, а заканчивали... Женщины и бабульки выгоняли утром коров в стадо и, возвращаясь, плясали под нашу музыку в шесть утра. Специально для них мы даже разучили кадрили и цыганочку в довесок к «Шизгаре». Все деревенские свадьбы были наши. Причем совершенно бесплатно! Какие могут быть деньги, вы что?! И понеслась, родная.

Был у нас довольно приличный ВИА. Любили нас, как и других музыкантов, в каждом селе. На наши танцы приезжали автобусами строители КАТЭКа за пятнадцать километров по ночам. Нас это подхлестывало. И мы отвечали публике ответной любовью, учили самые-

самые свежие новинки. Еще по телевизору нету, а мы уже поем. Ловим с «голосов» и пр. И вот подошла очередь «Бони М». Он тогда гремел по всему Союзу. Выскочили мы на летнюю эстраду в далеком сибирском селе и как выдали знаменитую «Санни»! На. английском. Шесть куплетов. Как мы говорили, толпа на ушах. Все подходили. Восхищались. Руку нам пожимали. Типа, как вы умудрились выучить ажно целых шесть куплетов?! Вот это вы профи! Дорогие миленькие наши тогдашние поклонники! Братья и сестры! Рабочие и колхозники! К вам обращаюсь я через сорок лет. Простите нас за то, что мы вводили вас в заблуждение. Простите! Это был один и тот же куплет. Да-да. Один куплет, исполненный шесть раз. Простите нас! Мы честно зубрили, как могли. Записали русскими буквами непонятно про что. Зубрили по ночам. А ведь пели мы вчетвером. Синхронность должна быть фантастическая! А где ее взять на чужом языке? Вот и пришло мне в голову: а кто там разберет в общем крике и экстазе, о чем мы поем? И смогли мы осилить только один куплет. До сих пор не знаю, о чем мы пели, но текст этого единственного куплета помню до сих пор. Не верите? «Санни. Естедэй май лайф о смолдриф зее». И так далее.

И еще маленькая тайна. Ни один музыкант на моей памяти не умел танцевать. Всё объясняется просто. Каждый из нас имел всего одну паузу во время танцевального вечера. Только один танец! Отпускали друг друга танцевать по очереди, поскольку у каждого была девушка. Всего один «медляк» на каждого за вечер. У меня это были «Белые крылья». Всего один танец! Когда тут научишься?

На базе нашего ВИА мы создали Театр юмора и пародий. Одиннадцать молодых парней, нечто вроде «Уральских пельменей». За двадцать лет до Димы Соколова! Выступали с юмористической программой. Нас везде на КАТЭЖе знали. Репутация юмористов ходила за нами по пятам, и однажды мое руководство потребовало от меня на торжественный концерт ко дню рождения Ленина 22 апреля подготовить номер с оркестром народных инструментов. Куда денешься? Половина моих артистов были музыканты, обучить их русским мелодиям мне не составило труда, но... Но шесть человек – это не оркестр! Для массовости я ввел в состав «оркестра» остальных юмористов из театра. Раздал им ложки, чечки, маракасы, трещотки. На этих погремушках любой сыграет. Всё отрепетировали. Концерт. Объявляют нас: оркестр русских народных инструментов под управлением... Выходим. Сапоги. Рубахи. Кушаки. Картузы с цветком. Походка соответствующая. И в полном зале на триста пятьдесят человек начинается дикий хохот. Весь зал ржет. Аплодисменты. Представьте, что на сцену с балалайками выходят «Уральские пельмени». Ваша реакция? А тут мы, юмористы. Буквально три недели назад мы феерили на этой сцене в «Юморине». А тут... Сели мы. Начали играть. Хохот-грохот в триста глоток! Всё это передалось нам. Мы тоже начали хохотать. А номер идет минут семь. До сих пор не могу понять, что это было. Мы играем – они ржут. Мы играем – они ржут. Хохот стоит бешеный! На концерте к юбилею вождя мирового пролетариата! В первом ряду ржет весь президиум во главе с первым секретарем горкома КПСС.

Кое-как закончили. Под гром аплодисментов и хохот ушли за кулисы. Ведущий объявляет: «Стихи о советском паспорте исполняет...» И на сцену выходит один из наших юмористов, что не был в оркестре. Зал как его увидел – и под сиденья сполз. Я волком бы выгрыз бюрократизм! А в ответ из зала улюлюканье, визг, всхлипы от смеха. Он сам ржет. Они ржут. Уполз он со сцены со своим паспортом. Короче, прервали концерт. Антракт!

Впервые в истории человечества на торжественном концерте ко дню Ленина был объявлен антракт. Такого даже в Кремлевском дворце не было!

* * *

Как ни странно, профессия культработника – дело зависимое. Мало того, что требуется какой-никакой талант, но еще хотелось бы иметь какую-никакую коммуникабельность.

Почему? В советское время главный упор в любой области делался на массовость. Всегда и везде. Миллионы тонн. Миллионы литров. Миллионы квадратных метров. А в сельской самодеятельности это проявлялось наиболее уродливо. В каждом клубе обязан быть хор. За его малочисленность спрашивали по полной. И если в бумагах еще можно было что-то приписать, то весной, как правило, на отчетном концерте хор обязан стоять на сцене. И не просто стоять, это еще куда ни шло. Хор обязан был петь. Песни три минимум. Директор сельского Дома культуры сгонял в хор всех, кто числился у него в штате. Кочегаров. Уборщиц. Библиотекарей. И членов их семей. В первых рядах стояла, естественно, вся родня самого директора. Жена. Теща с тестем. Свояк. Шурин. Жена шурина. Деверь (кто такой?). Жена деверя. Теща шурина. Свекровь шуриновой жены. Свекровь тещиной свекрови. И так до седьмой воды на киселе. А сзади уже мы со своей родней. Под угрозой увольнения или расстрела. Ну и, конечно, большую поддержку ДК имел в лице совхозного парторга. В совхозе вопрос решался просто и гениально. Не ходишь в хор – хрен тебе с маслом, а не комбикорм или солома. Накося выкуси! Споешь – приходи, подпишу заявку.

И вот наступал момент. Начинались репетиции. И вот тут худрук проявлял чудеса дипломатической эквилибристики. Как ты можешь сказать человеку, что ему петь категорически противопоказано, ведь его без комбикорма жена на порог не пустит. И начинается взаимное мучение. Один делает вид, что поет, другой делает вид, что ему это нравится. Как будет всё это терпеть зритель в зале, не волнует никого. На карту поставлены четыре (четыре, Карл!) мешка комбикорма! Не хошь – не слушай. Ничего личного.

Но надо отдать должное руководству совхоза: своим личным примером они звали за собой на сцену из окопов, как в бой. Замдиректора. Парторг. Комсорг. Рабочком. Женсовет. Весь совхозный Олимп. Исключение делалось только для директора. Правда, добросовестный и мудрый директор отправлял в хор свою жену. А уж за ней были вынуждены тянуться и все остальные. Главбухша. Кассирша. Завхоз. Плюс к этим хористам и хористкам подключался местный сельский совет. Секретарша. Бухгалтерша. Паспортный стол. Хошь не хошь – запоешь! Это целая наука была, поверьте. Каждый, кто работал в клубе в советское время, может это подтвердить. Каждый!

А вот тут я бы хотел сделать небольшое серьезное отступление для тех читателей, кого миновала судьба участника самодеятельности. Во-первых, человек так устроен, что он хочет быть интересен для окружающих. Даже если он обладает фантастической скромностью. А поскольку места под солнцем Мельпомены или Терпсихоры хватает не всем, для этого и придумали люди художественную самодеятельность. И не просто придумали, а поставили ее на поток в государственном масштабе. А во-вторых, из миллионов самодеятельных артистов мы имеем гордость нашей страны в лице того же Владимира Винокура или Романа Карцева. Геннадия Хазанова и Льва Лещенко. И Галина Вишневская, и Валерий Золотухин, и еще тысячи ярких звезд начинали свой творческий путь на клубной сцене. И не каждому зрителю приходит в голову, что у того же Владимира Машкова, скажем, когда-то был первый наставник. Простой культработник, руководитель самодеятельности. Может даже, пьющий. И матерящийся. И если говорить откровенно, то таким великим режиссерам, как Юрий Любимов или Олег Табаков, было проще. К ним приходили тот же Высоцкий или Хабенский уже возмужавшими актерами, прошедшими горнило театральных вузов. А вот мы, культработники, мы-то и делали всё возможное для того, чтобы вот этот способный вихрастый пацаненок не потерял интерес к тому делу, которому он решил посвятить свою жизнь. Ни много ни мало!

У меня в конце восьмидесятых был в студии шестилетний некто Эдик. Пацаненок пел всё, что слышал. Голос был такой, что в хоре Локтева ему не было бы равных. Я молился и ждал, что вот-вот он чуток подрастет – и мы с ним!.. Но... Расселили наш аварийный поселок кого куда, и больше я о нем не слышал до сих пор. Обидно по сей день.

Как и в любой профессии, у культработников тоже были свои издержки. Любой работник культуры в связи с пресловутой массовостью холил и обхаживал каждую живую душу, забредшую к нему на репетицию. Он был вынужден не только терпеть все капризы и выходки какой-нибудь дамы – солистки хора, но и выпивать и опохмелять незадачливого танцора или артиста. На один из моих новогодних утренников буквально приполз тракторист – Дед Мороз, не соображающий, где он, кто он и кто мы ему. Кто эти дети? И зачем тут елка?.. Побежали срочно в сельмаг. Принесли спасительную жидкость. Похмелили-обрядили и пинком в зал. И он целых час-пять – один час и пять минут, государственный стандарт, временной период мероприятия, принятый для приличия у всех халтурщиков страны – говорил одну и ту же фразу каждые пять минут: «А теперь, дети, давайте походим вокруг елочки». И больше ни слова он не помнил из сценария на тридцать страниц! Месяц репетиций кобелю под хвост.

И это еще далеко не всё в отношении руководителя кружка к своему участнику. Ты вынужден ублажать не только артиста. Ты еще заискиваешь перед его женой. И умоляешь его не пить после репетиций. «Коля! Умоляю, пей по другим дням! Мне что, опять к твоей Нинке в ножки падать?!» А тема ревнивых мужей – это самая больная тема. Сколько же мы потеряли народных талантов от этого страшного чувства! Мы буквально молились на каждого участника. Но не только потому, что это был наш хлеб, наша работа. Мы ведь еще и творческие люди. Сами талантливы по-своему. И было очень обидно, когда человек не понимал, насколько он талантлив. Как-то подошла ко мне на танцах женщина. У нее день рождения. Разрешите мужу спеть для меня. Почему нет? На, парень, гитару. Вот микрофон. Он взял гитару и выдал «Клен» так, что сам Сергей Дроздов позавидовал бы. Я его потом долго уговаривал. Не столько его, сколько супругу. Тщетно! Так и уехали они куда-то.

И еще надо отметить. Атмосфера отношений в коллективе была порой похлеще, чем в Большом театре. Пуанты к полу, правда, не приколачивали, но тоже... Моей жене, солистке нашего ВИА, однажды перед концертом в гримерке порезали концертное платье прямо перед концертом. О как! Зависть женщин-хоровичек к молодым солисткам ВИА была обычным делом, и не всякий руководитель умел держать эти страсти в рамках приличия. Бедный руководитель хора метался, как Фигаро, чтобы удержать лодку.

И еще я не могу обойти одну очень деликатную тему – тему отношений мужчины и женщины в творческом коллективе. Поскольку в таких коллективах собираются люди яркие и неординарные, то и отношения между ними выстраиваются соответствующие. Так что ревность домочадцев народного таланта иногда имеет под собой основания. Да и как не быть, если и ваш покорный слуга нашел себе жену в своем ВИА. Правда, мы тогда были оба молоды и только-только познавали жизнь. Но в молодежных коллективах конфликтов на подобную тему я не помню. А вот в хорах и вокальных группах!.. Самая хрестоматийная ситуация. Он баянист. Худрук. Видный. Веселый. Обходительный. У него семья. Проходит время, и он уходит из семьи к одной из своих певуний. Развод и прочая. Живут они с этой певуньей душа в душу, но проходит время, и в хор приходит новая, приезжая, певунья. Роман. Скандал. Развод. И так по кругу, по кругу, по кругу. До семи раз порой. Но хватит о грустном. Дальше будет веселей.

* * *

Ну а теперь то, ради чего я, собственно и затеял эту оду культработникам. Как сказал поэт, «вы хотите песен? Их есть у меня!» И они у меня действительно есть. Не песни, конечно. Песен полно в моем репертуаре. Речь пойдет о том, чего не видит зритель. Так называемая кухня. В каждой профессии она своя. Но от этого никуда не деться. То, о чем сейчас пойдет речь, тоже есть одна из составляющих нашей профессии. Например. Середина восьмидесятых. Пришел к нам в Дом культуры работать совсем еще молодой режиссер народного театра.

Народный театр – это термин для солидности и важности, честно говоря. А в жизни – обыкновенный драмкружок для взрослых. Ходят в него ткачихи-поварихи, мечтавшие в детстве о большой сцене, но жизнь всё расставила по местам. Семья. Работа. Дети. Но мечта-то осталась! А вот для этого мы в клубах и работаем. Милости просим! Но, согласитесь, народный театр! Звучит? Звучит! Не то что какой-то там драмкружок.

И вот он приехал, режиссер народного театра. Весь еще полон идей Станиславского, Захавы и Немировича-Данченко. И замахивается он в своей первой постановке если не «на нашего с вами Вильяма, понимаете ли, Шекспира», то на нашего с вами Антона Чехова это уж точно. Раневская. Гаев. Лопахин. Фирс. Бредит этими именами наш доморощенный Константин Сергеевич. Идея. Сверхзадача. Сценический образ. Всё, как учили. Набирает он труппу. Уговаривает. Обещает. Ублажает. Кое-как в рабочем поселке собрал он актерский состав. Полгода репетировали вечерами параллельно с пьянками, скандалами в семьях, разводами и сводами. Наконец премьера! Запах кулис. Огни софитов. Театр уж полон! Ложи блещут! Ага, щас... Как же... Кому в конце восьмидесятых нужен, скажите мне, Чехов со своим «Вишневым садом», когда в магазинах шаром покати? В холодильниках мышь ночевала. В очередях за водкой люди ходят по головам друг друга в прямом смысле этого слова. Всё по талонам. Сахар. Колбаса. Одеколон. На витринах только хлеб, соль и желатин. По телевизору сплошные съезды и разоблачения тех, на кого мы еще совсем недавно молились и чьи морды таскали первого мая и седьмого ноября на парадах и демонстрациях... Понятно, что в зрительном зале собрались только близкие родственники артистов и члены их семей. То есть зрители сидели, как мухи на стекле. Двадцать человеко-штук. Или что-то вроде того. А если учесть, что само действие идет часа два, то к финалу поклонников Мельпомены осталось не больше пяти. Человеко-штук, естественно. Жены. Чтобы тащить потом на себе волоком незадачливых актеров после традиционного премьерного банкета.

Наутро, опохмелившись, провели анализ спектакля. Рефлексия, по-нынешнему. После чего пришли к выводу, что о повторном показе не может быть и речи. Но играть-то хочется! Зря, что ли, они полгода мучались, репетировали, пьянствовали и ругались? Что делать? А не поехать ли нам на гастроли?! Даешь тур по окрестным деревням и поселкам! Поехал наш местный Мейерхольд и договорился о спектакле в соседнем селе. Километров тут двадцать, не больше. Мигом домчимся, товарищи! Народ ждет. Ох мы и врежем!.. Правда, есть одно «но»: начало в девять часов вечера. Огороды у людей. Хозяйство. Пока польешь-подоишь, вот тебе и вечер. Можно и Чеховым любоваться.

Автобус привез артистов часа за полтора до начала. Как во МХАТ. Пока установили декорации. Загримировались. Вот и девять часов. Тишина вокруг. Ни души. Одна завклубша желваками играет. А куда ей деваться? Работа такая. Тоже бы удрала к чертовой матери: огород, корова, дети. Да еще стирка. Да тесто поставила. А тут еще внуков завтра обещали подвезти. Надо ж чего-то еще вкусенького где-то достать. А тут эти клоуны, чтоб им повылазило! «Вишневый сад» какой-то им понадобилось нам показать. Тут у каждого такой сад, что залюбуешься. Вон, огород соток тридцать, горбатиться надо до белых мух сутками, не разгибаясь.

Подождали артисты еще с час. Что делать? Зря, что ли, гримировались-мазались? Не пропадать же добру. Отправили завклубшу собирать зрителей по стайкам и огородам. Сами в другой конец улицы пошли – уговаривать народ прийти и полюбоваться творением великого классика. Прямо как были, в костюмах и париках. Отбивался народ, как мог. Дескать, какой тут, к чертям собачьим, театр. Тут каждый день театр. Вон, главный театрал у сарая колодой валяется, видите? Третью неделю не просыхает, скотина алкашная. В другом дворе их потащили за стол. «Да зачем вам театры какие-то? Вон у нас Санька из армии вернулся! Давайте с нами посидите, места хватит. Мы тут прям щас и закатим, и накатим! Коля, налеп артистам». Еле отбились. Вернулись в клуб. Завклубша, как оказалось, не зря зарплату получает. Наскребла по деревенским сусекам человек десять. Ладно, че. Будем начинать. Может, еще кто подойдет.

Но никто больше подходить не собирался. На финальном монологе Фирса про многоуважаемый шкаф даже завклубша куда-то исчезла. Доигрывали артисты уже друг для друга. Реплики бросали. Мизансцены соблюдали. Сверхзадачу пытались донести друг другу. Так и не закончили. Впервые за сто лет с момента первой премьеры Фирс остался живым.

Закончили. Собрали костюмы, реквизит. Вынырнула откуда-то из темноты завклубша. Ну, че? Че? Автобус где, че? Ждем. Пуще прежнего заиграли желваки на лице завклубши. А как им не заиграть, если время первый час ночи. Что там дома творится, кто знает? А с утра завтра в город. Гостинцы для внуков искать. Этим-то что?.. Артисты, одно слово. А эти на часы поглядывают: нет автобуса, а время уже час. Простите, Наталья... э-э... Павловна?.. Павловна, ага. Наталья Павловна, а откуда можно позвонить? Из райцентра. Там ближайший телефон. Тут всего сорок восемь километров. А у нас рация только у агронома, но где его сейчас искать? Час ночи, товарищи. Надо клуб замыкать. Можете здесь переночевать, я не против. Стульев на всех хватит. Во сколько утром подойти? Куда подойти?! Где переночевать?! Меня муж прибьет! Раневскую поддержали Аня и Варя. А мой, если я ночевать не приду... А мой, тот вообще...

Гаев отвел в сторону Наталью Павловну. А у вас тут, часом, ничем бабульки интересным не торгуют? Настойка. Ликер. Какой к чертям ликер? Раньше торговали, милок. А как только сделали из нашей деревни зону трезвости, всё, затаился народ. Кому охота штрафы платить? Ра-зо-ча-ро-ван. И как-то сразу даже стал Гаев пониже ростом. «Что будем делать», – спросил молодой и начинающий режиссер. Не пешком же идти? А куда деваться? Пospорили. Пошумели. Поматерились и... И пошел «Вишневый сад» пешком в родные пенаты. Волоча на себе подотчетный реквизит и костюмы. Мебель, правда, пришлось оставить. Не тащить же на себе тот самый многоуважаемый шкаф!

Долго ли, коротко ли шли народные артисты из народа в народ. Как говорится, быстро сказка сказывается. А они шли по ночной дороге часа три. С рассветом заморосил дождь. По проселочной дороге, чавкая белоснежными туфельками по скользкой глине, молча шли истинные народные артисты. Именно народные, потому что ближе их к народу в этот миг не было никого. С середины восемнадцатого века, со времен самого Александра Сумарокова, кочуют по Руси артисты, но никогда еще не были так уместны строки известной песни группы «Веселые ребята»: «Мы по всей земле кочуем, на погоду не глядим, где придется заночуем, что придется поедим». И кочуют наши истинно народные артисты многочисленных сельских клубов и домов культуры по сей день. Настоящие фанатики своего дела. Отдадим им должное. Пожелаем им удачи на деревянных подмостках. Снимем перед ними шляпу. И. И позавидуем им! Мы великие таланты, но понятны и просты, мы певцы и музыканты, акробаты и шуты.

* * *

В советское время к каждому государственному празднику культработники любого местного учреждения культуры были обязаны подготовить концерт. К каждому празднику. Самым любимым концертом у артистов и зрителей был концерт на Восьмое марта. Во-первых, праздничное настроение всех женщин передавалось окружающим. Атмосфера в зале была доброй, открытой и непринужденной. А во-вторых, в программу концерта можно было включать те номера, которые были неуместны и нежелательны в течение года. Исполнялись песни, которые нравились и зрителям, и самим артистам. Монологи и репризы были на любые темы. Хор? Тот вообще был никому не нужен, слава богу. И, конечно, в этот праздничный вечер зал был всегда полон. А были и другие концерты. Официальные. Как в Колонном зале Дома союзов. Прежде всего, концерт на Седьмое ноября. Во где начиналась морока! И если в городах еще можно было согнать в зал народ с предприятий с помощью угроз и увещаний, то в селе народ плевать хотел на все эти церемониальные выкрутасы. И действительно, кому охота полтора часа сидеть и слушать в сотый раз хоровую тягумину про великую партию, бессмертного вождя и светлое

будущее? Учителей еще с горем пополам сгоняли в селе в зал, куда без них. Что на выборах, что на субботниках, что на концертах. Концерты на праздник Великого Октября или на день рождения Ленина несли в себе всю силу и мощь Дома культуры. В обязательном порядке присутствовали все штатные работники. Художники. Вахтеры. Рабочие. Ну а про творческие силы я уже и не говорю.

Итак, друзья! Опять же восьмидесятые. КАТЭК. Концерт, посвященный Великому Октябрю. За неделю ажиотаж невообразимый. Чистка кресел в зрительном зале. Чистка полуразвалившегося, из празднично побеленных досок, туалета на семи ветрах. Люстры. Рамы. Шторы. Кулисы. Всё должно быть доведено до идеального лоска. Сама программа концерта. Хор школы искусств. Оркестр народных инструментов. Ансамбль скрипачей. Танцевальные студии. Солисты и чтецы. Пианисты. Баянисты. Все участники концерта проверены комиссией по сотому разу, невзирая на прошлые заслуги. Такое ощущение, что это последний концерт в жизни человечества! Суматоха такая, что мужикам и выпить-то некогда, прости господи. А это уже самая верная оценка ажиотажа.

И вот оно, шестое ноября. 19.00. Зал битком. Тут не деревня, не открутишься. Партбилет на стол – и все дела! На сцене стол. Скатерть. Графин. Трибуна. В глубине сцены за всем этим строго наблюдает позолоченный вождь мирового пролетариата. Доклад. Мы за кулисами знаем, что минут сорок у нас есть. Кто-то в уголке тайком разливает легендарные сто грамм для храбрости. Кто-то травит анекдоты. Кто-то цыкает и шикает на ребятишек-артистов. Ваш покорный слуга со своей постоянной партнершей, красавицей Галей, сверяет текст ведущих и в очередной раз вычеркивает ненужную тяготию, делая слова более-менее съедобными. В углу скромно стоит спецбригада из тех самых штатных рабочих и художников. На подхвате, так сказать. Их главная задача – вынести скамейки для хора и пару раз выкатить-закатить на сцену рояль. Огромный такой. Черный. На трех ножках. Вчетвером не увезешь! Не пианистке же его тащить? Они в одинаковой униформе: в кепках и белых перчатках. Не хухры-мухры! А вы как думали?

Слышим, как доносится долгожданное: «Да здравствует Великий Октябрь! Да здравствует великий Ленин! Да здравст...» Всё, ребята! Тс-с-с-с-с. Начинаем. И в тот момент, когда президиум под аплодисменты покидает сцену, спецбригада под шумок выносит скамейки для хора и освобождает сцену для концерта. Столы, стулья, Ленин – всё это исчезает в кулисах. Отработано всё до мелочей. Занавес давно вышел из моды. Всё делается на виду, открыто. Народ и партия едины, как говорится. Нам нечего скрывать от народа. И до нас дошла перестройка! Все всё понимают, так что... Фанфары. Гаснет в зале свет. «Добрый вечер, дорогие товарищи!» Красивый Галкин голос до сих пор греет душу моих воспоминаний, честно говоря. «Добрый праздничный вечер!» – подхватываю я. И понеслась, родимая. Хор. Танцы. Стихи о Ленине. Всё по программе. И уже почти в середине концерта началось то, ради чего я всё это и пишу.

В программе стоит номер: ансамбль скрипачей. Под аккомпанемент рояля, конечно же. Спела предыдущая певица. Под аплодисменты спецбригада выкатывает на середину сцены рояль. Выкатили. Глянули мужики в программу на стене – ансамбль играет три пьесы. Ребята опытные: три номера – это десять минут у них есть. Сверили часы и пошли курить куда-то на улицу. Через десять минут придут и уберут рояль обратно. Всё как всегда. И только я выхожу объявить этот чертов ансамбль скрипачей, как: «Саша! Погоди!» Я таких глаз у Галки давно не видел... Солиста ансамбля скрипачей найти не могут! Исчез куда-то юный Паганини со своей скрипочкой. Дети есть дети. И что делать? Там за ними в программе танцевальный номер – объявляй, а мы пока скрипача поищем. Объявляй танцоров! Каких танцоров?! А рояль?! Посреди сцены стоит! А где мужики? А я откуда знаю? Пьют где-нибудь, как всегда. Убирай рояль, Саша! Танцоры вон уже в кулисе! Рояль?! Да ты предс... Убирай давай!!! Да вы

че, охренели?! Там весу... Убирай, сказала! Или я за себя не отвечаю. Да я сдохну под этим роялем! Санька, ты меня знаешь!..

Санька знал. И пошел Санька обреченно к роялю. Стоит такая огромная черная дура на трех ножках посреди сцены. С хорошую вагонетку весом. Уперся я рогом. А куда деваться? А он ни с места. А мужиков нету. Им что? Они видят, что десять минут еще не прошло, и не торопятся. Курят где-то. И пьют, наверное. Что им? А я... Мама дорогая! Репинские бурлаки отдыхают. Уперся я в этот рояль, будь он неладен. И, согнувшись параллельно полу... Помните, «цыгане шумною толпою толкали ж... паровоз»? Вот и я так же. Еле как его сдвинул. В зале послышался легкий смешок. Кулис-то нету! Мода, твою мать. И тащу я эту махину. Смешок переходит в откровенный хохот. Четыреста пар глаз видят, как... Вот представьте себе: Кремлевский дворец. Концерт. Политбюро сидит. Брежнев. Косыгин. И ведущий Игорь Кириллов толкает ж... рояль со сцены. Вот так же, как вы сейчас, ржал надо мной тогда весь зал! Я не знаю, сколько это продолжалось, но... Упер я этот рояль в угол, и... И! И!!! Скрипач нашелся. Чтоб ему пусто было! Да что б он гамму до мажор всю жизнь на одной струне играл!

Саша! Поставь рояль на место! А танцоры? Их собрать не могут по закулисью. Они скрипача увидели и разбежались. Они же тоже знали, что у них еще десять минут до выступления. Саша, ставь рояль обратно! Ага. Ставь. Это ж не табуретка. Ставь, говорю! Галя!!! Я сдо... Санька! Ты меня знаешь! А куда деваться? О-о-о-ой-й-й-й. Что творилось в зале, описать просто невозможно. Такого успеха я не имел никогда в жизни. Плюнув на все приличия, я уперся в этот рояль, чем только мог, и... Друзья! Я чувствовал себя Михаилом Шуйдиным, толкающим вместе с великим Юрием Никулиным то самое знаменитое «бревнышко» на арене Цирка на Цветном бульваре. Под вой, визг, хохот и крики Галки водрузил я этот проклятый рояль на прежнее место. А тут и спецбригада выскочила. Поправили рояль. Перчатками погладили. Крышку заботливо подняли. Играй – не хочу.

Но самое главное было впереди! Как только я уполз, пошатываясь, со сцены, раздался шквал аплодисментов. Зал требовал меня на сцену. Честно говоря, я даже растерялся. Глазами хлопаю. А зал аплодирует, не смолкая. Вытолкнула меня Галка на сцену. Стою. Кланяюсь. О-бал-деть! А ведь концерт еще не закончился. И каждый раз, как только я, ведущий, выходил объявлять следующий номер, зал аплодировал. Представьте картину. Выходит ведущий – шквал аплодисментов. И ведущий под общий хохот объявляет: «Стихотворение Маяковского „Разговор с товарищем Лениным“». Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Такой крамолы советская власть не видела никогда за все свои семьдесят лет. И смех и грех, иначе не скажешь.

Лет двадцать еще после этого я работал в культуре. И когда, приезжая с концертом в какой-нибудь дом культуры, я видел в углу сцены рояль... Ну, вы меня поняли.

Каждый мой коллега в своей памяти найдет массу подобных историй. Поэтому, друзья, делитесь этими байками-шедеврами с родными и близкими. Не стесняйтесь. Посмеемся. Поплачем. Нам есть что вспомнить. Есть чем гордиться. И, перефразируя Владимира Высоцкого, «нам есть чем оправдаться перед Ним».

* * *

Ни для кого не секрет, что клубы и дома культуры являются славной отдушиной для творческих людей, так и не ставших профессиональными артистами. Сколько я знал таких славных, милых и наивных братьев по разуму! И вот сейчас хочу представить читателю необычный шуточный хит-парад, составленный «по волне моей памяти». В этот хит-парад я включил наиболее запомнившихся моих воспитанников и подопечных. Вспомним молодость. Улыбнемся. Взгрустнем. Встретимся с друзьями. Итак, начнем. Погнали!

На пятом месте хит-парада... Назовем его Толя. Обладал Толя великолепным голосом, абсолютным слухом и яркой внешностью настоящего артиста. Одевался всегда с иголки:

шляпа, бабочка, плащ. И всё было бы хорошо, если бы не попал Толя в самые невероятные истории. То у него во время исполнения песни разойдется молния на брюках. То во время поклона с треском на весь зал лопнут штаны на заднице. А то и вообще... Как-то раз едем мы по городу с концерта в маршрутном автобусе. Толя весь в белом. В самом прямом смысле – в белом концертном костюме. Почему Толя его не снял в гримерке, непонятно. Вероятно, хотел продлить атмосферу праздника. Едем. Автобус посреди дороги останавливает контролер. Входит. Проверяет билеты. Двери открыты. Автобус стоит. Только что прошел дождь. Веет свежестью. Кругом лужи. Толя стоит на задней площадке прямо перед открытой дверью. Между автобусом и тротуаром огромная лужа. Как раз перед дверью. Толе говорят: «Отойди от двери, мало ли: грязь, лужа. А ты в белом костюме». Толя такой отвечает: «А что такого? Кто по тротуару поедет? Тут же ездить нельзя». Не успел он договорить, пл-л-лю-у-у-ух-х-х-х, ш-ш-ш-ш-у-у-у-у. Отмороженный на всю голову «запорожец» вылетел, как черт из табакерки, с правой стороны между автобусом и тротуаром и прямо по луже решил объехать стоящий автобус. П-пл-л-л-л-лю-у-у-ух-х-х-х. И нету больше у Толи белого концертного костюма за двести пятьдесят рублей.

Или еще хлеще. Большой ответственный концерт к Первому мая. Идет доклад, как обычно. Артисты ждут начала концерта. Бегодня. Суета. Бигуди. Утюги. Толя в самом начале концерта, сразу после хора, должен петь песню «Я люблю тебя, жизнь». А я ему аккомпанирую на баяне. Номер уже испытан и проверен, так что... И, как обычно, перед концертом пьем мы где-то под лестницей. Я, Толя и танцор какой-то. Бутылку выпили – Толе мало показалось. Давайте еще одну? Толя! Тебе же петь. Да ну, что я, в первый раз? Ну смотри, Толя. Мне-то без разницы. Я тебе в любом состоянии сыграю. Сбегал танцор. Быстро! Ноги-то тренированные. Выпили еще бутылку, короче. Начался концерт. Спел хор. Чтец отбарабанил свое. Выходим мы с Толей. Полный зал. Фонари. Красота! Даю вступление. И Толя начал. «Ах, как го-о-оды летя-а-а-ат. Мы грустим, седину замечая». Хорошо начал! Лихо! Сразу с последнего куплета. «Так лику-у-уй и верши-ы-ы-ысь». Я на него смотрю, он на меня. Шары по семь копеек. «И наде-юсь, что это взаи-мно!» Всё. Песня вся. Песня вся. Песня кончилась. Надо уходить. А мы только вышли. Толя начал понимать, что выдал что-то не то. Не уйдешь ведь сразу после одного куплета. Даю еще раз вступление. И Толя выдает: «Ах, как го-о-оды летя-а-а-ат. Мы грустим, седину замечая». По второму кругу поет последний куплет! На меня смотрит – глаза, как у бешеного поросенка. «И надеюсь, что это взаимно!» Я даю проигрыш: может, придет в себя. Ага. Пришел. «Ах, как го-о-оды летя-а-а-ат. Мы грустим, седину замечая». И я помочь ему ничем не могу, главное. Даю еще проигрыш. Ору ему в ухо. А он свое: «Ах, как го-о-оды летя-а-а-ат. Мы грустим, седину замечая». Короче, восемь раз он эту пластинку крутил. Восемь! И каждый раз последний куплет. Это даже не «папа у Васи силен в математике». Долго он в себя прийти не мог. Всё недоумевал: как так могло получиться? Одно хорошо – выпивать перед выступлением с того дня прекратил. Даже заветные «сто грамм для голоса».

На четвертом месте нашего хит-парада – Галя. Даже не Галя, а – Хала. С придыханием. Хала. Откуда-то из-под Черновцев занесло ее в свое время на КАТЭК. И надо же было ее так угораздить, что полюбила Хала петь. И не где-то в ванной у себя дома, а непременно на публике. И не просто на публике, а именно на сцене. Чтобы кулисы. Фонари чтобы. Зрители, само собой. Я не знаю, за что меня так наградила судьба, но мне довелось быть ее аккомпаниатором. Как все это выглядело? Концерт. Объявляют нашу Халу. Выходим. Она – вся сплошная мисс Украина. Ленты. Косы. Рушники. И я с баяном. И начинает Хала петь. Не дождавшись обязательного вступления. Не дождавшись тишины. «Пид ви-и-и-ишнэю, пид га-а-а-арнэю». Не обращая абсолютно никакого внимания на сопровождение. Хала поет, закрыв глаза. Отрешившись от этого брэнного мира. Впадает в своеобразный транс. Голос у Халы звонкий. На слезе, как говорят. С надрывом. Внешность подходящая. Вот только с чувством ритма у нее проблемы. Точнее, нет проблем с чувством ритма у Халы никаких. Потому что

и самого чувства ритма у Халы не ночевало никогда! То есть поет Хала, не соблюдая никаких пауз и остановок. Пидвишнэюпидгарнонэсэтьдэвчинаводу. Выдает текст, как мальчик-первоклассник читает стихи. Помните в школе? Как пулемет. Пидвишнэюпидгарнэюнэсэтьдэвчинаводу. Быстро и захлебываясь. Каждое слово Хала сопровождает яркими выразительными жестами и такой же мимикой. Сплошной китайский театр, образно говоря. А точнее, пародия на индийское кино. «Зита и Гита» прям.

Но самая фишка заключается в том, что поет всё это Хала на своем родном, украинском, языке. То есть зритель не понимает абсолютно ничего. А у меня из-за этого вообще профессиональная проблема. Если в русской песне я по словам определяю, когда дело идет к финалу, то тут... Невозможно догадаться, когда всё это надо заканчивать и выходить на код. По-украински я ни бельмеса. А Халу абсолютно не волнуют мои проблемы. Она поет! А я ловлю ее вздохи, чтобы хоть как-нибудь соблюдать ритм и размер сопровождения. Пидвишнэюпидгарнэюнэсэтьдэвчинаводу.

Но. Но, друзья! В работе с Халой был громаднейший плюс. Громаднейший! Хале были абсолютно не нужны репетиции. Они, репетиции, не имели никакого смысла. По одной причине: Хала никогда не повторялась. Она не имела никакого понятия про тональность и пела так, как ей захотелось, допустим, в среду. А в пятницу она пела совершенно в другой тональности. А в субботу в третьей. Какой смысл в этих репетициях?

Но окончательно меня добил тот факт, что где-то на пятом выступлении я стал замечать, что в одной и той же песне меняется количество куплетов. То есть сегодня у нее настроение только на три куплета, и она исполняет песню с тремя куплетами. А завтра у нее другое настроение, и она выдает одиннадцать куплетов. Вот так я и аккомпанировал, не спуская с нее глаз, как рыбак с поплавка. Заткнулась – значит всё, кода. А про что она там поет, попробуй разбери!

Мотались мы с ней по окрестным селам. Публика ее уже знала и встречала соответственно. Как только объявляли Халу, народ толпой валил из зала на улицу. Покурить. В туалет. А она пела. Пидвишнэюпидгарнонэсэтьдэвчинаводу. Самозабвенно жестикулируя и отрешаясь от всего земного. И работал-то я с ней не больше года, но вот запала она ко мне в память навсегда. Еще бы не запасть. Пидвишнэюпидгарнэю... Вот такой уникал!

На третьем месте нашего хит-парада некто Жора. В начале восьмидесятых создал я театр миниатюр при районном Доме культуры. Одиннадцать молодых парней. Ни одной девушки. Шутки. Пародии. Сценки. Типа «Уральских пельменей», только в те годы. Вот там мне и достался настоящий самородок в лице этого самого Жоры. Сказать о том, что у Жоры не было музыкального слуха, – это ни о чем не сказать. Складывалось впечатление, что у него со слухом был не просто ноль, а была абсолютная отрицательная величина. Пресловутый медведь не то чтобы наступил на Жорино ухо, он построил в его ухе берлогу и жил в ней безвылазно круглые сутки. Жора не мог правильно спеть песенку «В траве сидел кузнечик». Он не мог спеть даже «Маленькой елочке холодно зимой». Леонид Агутин как-то сказал про свою жену, что Анжелика Варум, мол, может повторить любой случайный набор звуков. А это уже космос! Но я даю голову на отсечение, что и она не смогла бы повторить набор звуков за нашим Жорой. Он пел одну и ту же песню каждый раз с новой мелодией. А с другой стороны, у меня хватило ума сделать из этого Жориного недостатка такую конфетку! Ему не надо было объяснять, как эпизод делать смешным. Он, сам того не зная, делал это гениально! Главное – ему не мешать. И когда Жора в одной из музыкальных пародий выдавал всего лишь одну строчку «и забросят на луна-а-а», зал лежал под креслами от смеха. Спасибо тебе, Жора! За то, что ты был в моей жизни.

* * *

На втором месте моего шуточного хит-парада вне всякой конкуренции Митя. Вице-чемпион. Вице-бог. Первый после Бога. Вызывает меня директор. Так, мол, и так. Очень хочет

петь в твоём ВИА один парень. В чём проблема, пусть приходит. Послушаем. «Ты пойми, – пытается до меня донести какую-то загадочную мысль шеф, – этот парень очень стеснительный». Что ж там за артист такой, думаю, если стесняется? А как он на сцену собирается выходить? Он завтра придет. Только ты ничему не удивляйся. Парень он хороший. Все мы хорошие, и что? Но необычный. Не понял? Загадками шеф говорит. Странно. Ну-ну. Наступило завтра. Тук-тук-тук. Да-да, войдите! В студию входит парень. С чемоданчиком. Высокий. Метра под два ростом. Статный. Лет двадцати. Митя? Очень приятно! Что да как... Спеть-то сейчас можешь? Митя молча кивает на каждый мой вопрос. И достает из чемоданчика музыкальный инструмент полубаян. То есть баян, но полу. Миниатюрный. Для начинающего. Чуть побольше книжки. В первом классе музыкальной школы это еще куда ни шло, но на сцене? Ну да ладно, слушаем. И запел Митя. И как запел! «Я бьядий по бею светю, знайся сьумными юдьми. Сяся есь и сяся нету. Есью бовь и не ябви». Это не опечатки! И я еще с ума не сошел. Это текст песни «Верасов»! Помните, Александр Тиханович пел: «Я бродил по белу свету, знался с умными людьми. Счастье есть и счастья нету. Есть любовь и нет любви». А теперь перечитайте, что там Митя спел. Я был в шоке!

Допел он эту песню. И что тут скажешь? «Оригинально», – пробормотал я, глядя в пол. Ну, шеф, ну погоди. Митя смотал свои удочки, спрятал свой коронный инструмент в чемодан. Руки пожали. До встречи! Сидел я, тупо глядя в стену, и не мог понять: то ли мне это привиделось, то ли в отпуск пора. Пошел к шефу. Вы кого мне подкинули? Ну и шуточки у вас, Сан Саныч! Мало того, что у него ни слуха ни голоса. Он сорок шесть букв не выговаривает! Это не шуточки, Саша, это Митя! Сын зампредисполкома! Слышал про такого? «Да мне хоть сын Андропова», – говорю. Не понял ты, Саша. Молодой ишшо. Тебе аппаратура хорошая нужна? Микрофоны чешские? «Амати»? Это уже была замануха конкретная. Удар ниже пояса. И что вы предлагаете – на сцену его выпускать? Значит, установка «Амати» тебе не нужна. Так и запишем. Ничего больше клянчить ко мне не приходи.

И куда девалась моя профессиональная гордость, когда через неделю мы разгружали долгожданную барабанную установку «Амати», мечту всех музыкантов страны? А потом еще и пару усилителей подвезли. И тесловские микрофоны. Так что ваш покорный слуга был куплен на корню. Со всеми потрохами. Прав был классик: все мы продаемся, только цена у каждого разная. Еле-еле я уговорил и убедил своих музыкантов, что... Ради искусства. Высокие цели. Ну, споет он одну вещь. Зато остальные как здорово будут звучать! На новой-то аппаратуре! И выходил я потом перед каждым выступлением Мити, и объяснял я публике, что, мол, начинающий артист (в двадцать два года?!). Подающий надежды. Скромность, мол. Оригинальность. А потом выходил со своим полубаяном двухметровый Митя и выдавал свой второй шедевр: «Ты забаеться, я пиду. Бой язвиду юками. Се я сумеи, се магу. Сейса мае и ками».

Друзья мои! Уверяю вас, что у меня и мысли нет посмеяться над человеком и его природными недостатками. Боже упаси! Я и сам не без таких изъянов. Просто в этих заметках я пишу про человеческую мечту. Про то, как люди мечтают стать знаменитыми артистами и что из этого получается. А они хотят. Во чтобы то ни стало. Невзирая, как говорится. Мечтать не вредно. У кого-то же получается! Вон, Валерий Золотухин сумел победить свою болезнь. До окончания школы ходил на костылях и мечтал стать артистом. А Зиновий Гердт, непреклонный?! Поэтому я сам лично встречал на вступительных экзаменах в театральное училище ребят со страшными дефектами. Речи. Внешности. Врожденными проблемами. А вдруг проскочит? Более того, открою страшную тайну: при первом моем поступлении в театральное училище приемная комиссия определила дефект речи у меня. Честное слово! А я даже не догадывался. Более того, я был в шоке! И пришлось мне этот дефект исправлять. И ведь исправил же! Вот так.

А Митя... Митя стал у нас любимцем в коллективе. Как сын полка. Скромный, во-первых. Дисциплинированный, во-вторых. Исполнительный, в-третьих. Надежный друг и това-

рищ, про таких говорят. Мы даже на частых застольях ему наливали стаканчик-другой. «Только папке не говори! На вот, зажуй, чтобы не пахло». И, выпивая вместе с нами, Митя чувствовал себя настоящим артистом! Сбылась его мечта, выходит.

Надо сказать, что зрители принимали Митю тепло: для них-то он был настоящий артист. Приехал в их село на настоящем автобусе. Играет на настоящем баяне. Костюм. Бабочка. Чего еще надо? Как-то на одном из концертов... И смех и грех, ей-богу... Митя забылся и пропустил в песне один куплет. Зрители прервали концерт. Стали требовать спеть пропущенный куплет. Выскочили на сцену и спели всю песню целиком вместе с Митей. Вот это был успех!

Этот Митя запал в мою душу с каким-то теплым-теплым чувством. А если б вы знали, как он относился ко мне! Ведь это же я помог воплотиться в жизнь его мечте. Я был для него тогда вторым после отца. А он для меня в тот миг был вторым сыном. Так что не зря я поместил Митю на вторую строчку моего хит-парада. Он этого вполне заслужил. Второй?. Нет. Первый после Бога. Ну и...

* * *

Первое место в нашем хит-параде! Встречайте! Несравненная! Неповторимая! До сих пор приходящая в сны – Мария Ивановна Ханаева! Я убежден, что все, кто был с ней знаком, сейчас улыбнулись, прочитав эти строки. Даже незамысловато завуалированную мной под этим именем, все вы ее узнали, друзья. Я в этом уверен. Человек-улыбка! Человек-настроение! Человек-праздник! И это всё о ней. Главная богиня нашего Олимпа.

Даже и не знаю, с чего начать. Занесло Марь Иванну в наш РДК каким-то уникальным сказочным ветром на радость всем нам – ее коллегам, соседям и односельчанам. Внешность была у нее наиколоритнейшая. «Я не красива – я чертовски мила», – это было ее излюбленное выражение. Ее девиз! С ним она и шла по жизни. Порядка двух метров ростом. Как в длину, так и в ширину. Как-то, забыв дома ключи от Дома культуры, она, не мудрствуя лукаво (не возвращаться же), просто содрала с двери замок вместе с пробоем и прочими прибабасами. Директор неделю матерился и цокал языком, приговаривая: «Раз пошли на дело я и Рабинович». Если нужно было передвинуть пианино, то лучше помощника, чем Марь Ванна было не сыскать. Главное было не мешать ей в этот момент.

Дебют Марь Ванны как актрисы на нашей сцене получился поистине незабываемым. Когда ее объявили и она пошла к микрофону, было такое впечатление, что в клубе наступило солнечное затмение. Нависнув над публикой, она перекрыла собой все фонари. Зал замер. И читала она стихотворение про танцора, потерявшего ноги на фронте. И на фразе «лукаво им подмигивал Пашка и улыбался во весь рот белозубо» Марь Ванна пустилась в пляс. А на сцене стоит барабанная установка. Она подпрыгивает при каждом движении актрисы чуть ли не до потолка. Звенят тарелки. Подпрыгивают микрофонные стойки. Подпрыгивают звуковые колонки. Казалось, что и рояль пустился в пляс вместе с Марь Ванной. Вся эта какофония перекрывает и заглушает текст. В зале творится что-то невероятное! Зрители вжимаются в кресла. Дети начинают плакать. Старушки начинают неистово креститься. Наверное, вот так и выглядел последний день Помпеи.

На краевом конкурсе чтецов. Ее объявили. АплодIMENTы приветствия. Марь Ванна выплывает из левой кулисы. С грациозностью лебедя из балета Чайковского плывет к микрофону и... Мимо него уплывает в правую кулису. Всё! Весь конкурс. Полгода готовился человек... Когда мы ее потом пытали, что случилось, она спокойно ответила: «Помню, как волновалась. Помню, как стакан водки накатила. Больше ничего не помню».

В быту Марь Ванна была тоже уникальна. Она в нашем селе самолично и без ассистентов кастрировала поросят, прости, господи. Узнав об этом, всё мужское население Дома культуры впало в депрессию и глубоко задумалось. Даже курить расхотелось, не то чтобы... Первое при-

шествие Марь Ванны к нам в гости закончилось крайне плачевно: она своим весом развалила мой диван, месяц назад купленный в кредит, до такой степени, что его не смогли восстановить ни я, ни мой тесть, ни даже всеобщий сельский любимец и факир подобных дел Порфирьич, местный кудесник – золотые руки. Целый год я выплачивал кредит за несуществующий диван.

Для полной гармонии с окружающим миром Марь Ванне был подарен и даден богом и природой ее супруг – легендарный кочегар Ромка Ханай. Внешностью он напоминал персонажей известной телепередачи «Деревня дураков». Длиннющий. Худющий. Усы на нем напоминали ни много ни мало рею на морском паруснике. Длинными кочегарскими вечерами Ромка Ханай рассказывал своим слушателям-собутыльникам о своих незабываемых встречах: с министром обороны во время службы в родном стройбате. С министром здравоохранения, когда ему в госпитале ставили очередную клизму. Но апофеозом его воспоминаний и размышлений была встреча с легендарным Фиделем Кастро, когда...

Стою я, мужики, в почетном карауле у Мавзолея. Ленина охраняю. Послали меня как лучшего стройбатника. Стою я час. Другой. И вдруг приспичило мне! Ну сил моих нету! То ли съел че-то в столовке тут у Мавзолея прям. А куда сбежишь? Главный пост государства! Хотя бы кого знакомого встретить, чтоб подмениться на пару минут. А кого ты там встретишь, в Москве той... И вдруг гляжу – идет знакомая рожа. Где-то я его видел. И вспомнил я, мужики! Это же Фидель Кастро! И говорю я ему: «Товарищ Фидель! Не подмените меня на пару минут? Очень уж мне срочно надо. По быстренькому делу». А он мне так отвечает: «Ну, это... Иди, говорит, товарищ камарад! Дело-то житейское. С кем не бывает. Только побыстрому, – говорит. – А то некогда мне. Брежнев ждет». Даю ему автомат – и под елку. Их там много за углом растет, елок-то. Синие такие. Вернулся я – все на месте. Мавзолей. Фидель. Ленин. Автомат. Ничего не пропало. Фиделю руку пожал я, как знак дружбы между народами.

И таких рассказов у Ромки Ханая были тысячи. И про встречу с инопланетянами. И про погружение в Марианскую впадину. А уж про охоту и рыбалку – тут уж вообще! Полная гармония царил в их отношениях. Любила она его беззаветно. И когда в ночь перед выборами в самый что ни на есть Верховный Совет СССР клубного кочегара Ромку Ханаева попутал бес, и он умудрился через окно похитить из привезенного накануне в клуб буфета целых ажно четыре бутылки «Экстры», то именно Марь Ванна спасла «сваво мужа» от тюрьмы и позора, упав публично в ноги приехавшему наряду милиции, каждому милиционеру персонально. Чем и пробила до слез как милицию, так и большое число первых утренних зевак-избирателей.

Во время уборочной страды вывозили нас, клубных артистов, в поле – выступать перед комбайнерами. И там был один нюанс: на период концерта стогнали всю технику в одну кучу, поближе к автоклубу. Но глушить двигатели было чревато: потом комбайн можно было и не завести. И вот такая картина. Работающие комбайны. Сидят работяги. Никаких певцов в этом грохоте не слышать. И только Марь Ванна! Только Марь Ванна своим громоподобным голосом могла переорать весь этот ужас. «Лукаво им подмигивал Пашка и улыбался во весь рот белозубо». И кидалась она в пляс перед обалдевшими хмурыми лицами комбайнеров, выбивая облака пыли со стерни, самозабвенно отдаваясь искусству. Человек-праздник. Человек-улыбка. В любой компании коллег, кто ее знал, стоит только произнести «а помните, как однажды Марь Ванна...» И сразу улыбки, смех и хохот. Всех бы так вспоминали! И как хорошо, что есть на свете такой человек – Мария Ивановна Ханаева.

Прошли годы. Десятилетия. И стоят они у меня перед глазами. Толя на задней площадке автобуса, с ног до головы обляпанный грязью в своем белоснежном костюме, отплевываясь и матерясь. Хала с простертыми к небу руками. Пидвишнэюпидгарнэюнэсэтьдивчынаводу. Жора с алюминиевой шарманкой и обалдевающей улыбкой. «И забросят на луна-а-а-а». Витя – двухметровый красавец с малю-у-усеньким баяном на груди. «Ты забоеесь, я пиду». Марь Ванна, огромная и добрая, как родина, в пыли у грохочущих комбайнов. «Лукаво им подмигивал Пашка и улыбался во весь рот белозубо». И еще много-много-много моих участ-

ников. Моих учеников. Моих помощников. Моих единомышленников. Моих друзей. Всех тех, с кем мы делали одно общее дело, – несли культуру в массы. Безо всякой иронии. Спасибо вам, мои милые друзья! За то, что вы были в моей жизни и сделали эту жизнь такой яркой и красочной. И я очень надеюсь, что и мне удалось хоть как-то разнообразить вашу жизнь. Помочь вам хотя бы на те четыре минуты, что вы стояли на сцене, почувствовать себя настоящим артистом и приблизить вас к мечте.

* * *

А теперь другой хит-парад, в котором все его участники занимают только одно место – первое. И самое главное. Место в моей жизни. Я хочу сказать огромное спасибо всем тем, кто был со мною рядом весь этот период длиною в сорок лет. Всем тем, кто стоял рядом со мной на сцене и в жизни. С кем делили мы наши успехи и неудачи. И с кем одновременно учились мы друг у друга тому мастерству, которым и обладаем по сей день. Серега. Мимо его дома я до сих пор никогда не проезжаю, когда еду в гости к детям в Шарыпово. Он забыл, конечно, а я помню как однажды... Трясет меня перед концертом на КАТЭЖе. Он подошел. Хлопнул меня по плечу: «Успокойся, Пианист! Что мы, играть не умеем?» И так мне стало спокойно в одно мгновение. И потом всю жизнь, как всегда, волнуясь перед концертами, я всегда вспоминал этот его хлопок и взгляд. Хитрый такой взгляд. Как у кота.

Кроме его музыкального дарования, я всегда восхищался его любовью к спорту. В отличие от меня, очкарика, Серега классно играл в футбол и хоккей. Именно ему я однажды подарил из своей домашней библиотеки все книги о его любимом Валерии Харламове. И еще. Дискуссии о спорте, нежели о музыке, составляли основное время в наших пьянках в легендарной «хомутарке», как окрестил остроумнейший до безумия Сергей нашу гримерку. А еще я горжусь тем, что именно при мне Сергей стал главным вокалистом нашего ВИА «Удача». И первую его песню тоже «продюсировал» я. «Плывет, словно лебедь, по улицам сонным последний троллейбус, троллейбус влюбленных». А потом уже был бесконечный караван песен с его неповторимым голосом: «Просто не верится», «Рано прощаться», «Это, наверно, судьба». Легендарные «Плывут туманы белые» соединили навек не одну влюбленную пару. И опьяняющая всех трезвых и отрезвляющая всех пьяных на танцах в его неповторимом исполнении «У беды глаза зеленые»...

Апофеозом нашей дружбы стал мой прошлогодний телефонный звонок ему в час ночи. В тот самый исторический миг, когда Акинфеев отбил свой главный пенальти в жизни. Именно ему я тогда позвонил! Вот так. Сергей – это вся моя жизнь. Вместе с ним мы прятались по кустам и переулкам от наших жен после получки. И выбирали на пару с ним им же подарки на Восьмое марта. Отмазывали и прикрывали друг друга за «косяки» перед начальством. И, как Ильф и Петров, сочиняли смешные миниатюры в концертную программу. И надо признаться, что Сергей был единственным человеком на свете, перед кем я открывал свою душу до конца. Вся моя жизнь. Ни убавить, ни прибавить.

Костя. Я всегда поражался его хладнокровию. Спокойный. Ироничный. Талантливый во всем, уверенный в себе парень. Однажды вот так же уверенно он сел за баранку нашего автоклуба, когда мы по дороге на концерт в соседнее село завязли в грязи по самые окна. Шофер сдался после многочисленных попыток выбраться. Мы все в панике. А Костя, пассажир: «Можно я попробую?» Садись, какая разница. Сел Костя за баранку. Тырк-тырк. Тырк-тырк. И выехали мы! Откуда это мастерство? А с Байконура! Там всех научат. Армия!

А через год – осенняя битва за урожай. Колесим по концертам на полях перед тружениками полей. И однажды переезжаем мы, сокращая путь, прямо, через рельсы. Кругом поля – почему бы и нет? Ни светофоров, ни ГАИ. Полный автоклуб артистов. Всё спокойно. Тихо. Только взобрались на полотно, как... «Костя, поезд!» – кричит его жена. Глянули мы и ахнули:

из-за поворота выползает состав. «Да вижу я». И уверенно переваливаемся на другую сторону. Спокойствие водителя передалось даже бабушкам из фольклорной группы. Все довольны, все смеются. А через неделю Костя буквально убил меня признанием: «Да не видел я тогда никакого поезда. Хорошо, что Танька крикнула». У меня стакан из рук выпал.

Именно Костя предложил однажды спеть под фонограмму. В 1984 году. Про Киркорова или Баскова тогда еще никто и не слышал. Записали мы прямо с голосом свой коронный «Каракум» и на танцах врубаем. Народ скачет, а мы... Стоим, как идиоты. У микрофонов. С гитарами. Рты открываем. Ладно мы – у гитары звук убрали, и всё. А барабанщик делает вид, что барабанит. Барабаны не отключишь! Первый и последний раз мы так делали.

И с его любимой Татьяной фактически его познакомил я, сосватав и уговорив его идти работать на наш полуживой архаичный «Кубанец», автоклуб, после его службы на КамАЗах в былинном Байконуре. Скрепя сердце он согласился тогда. И «скрипят» они с Танюшей уже почти сорок лет. Счастья им!

Отдельной и самой чистой и светлой страничкой в моей творческой биографии является свидетель всех моих творческих побед и всех моих позоров, самая красивая ведущая всех времен и народов, Галя. Галина Семеновна. Галка. А в самых тяжелых жизненных ситуациях: «Ну Галечка. Займи пятерку до аванса. Ну очень нужно! Видишь ведь, подышаем. Последний раз!» Познакомился я с ней, когда она, будучи школьницей, пришла ко мне, мэтру родниковской эстрады, Пианисту, записываться в самодеятельность. «Вечер коснулся крыш. Тороплюсь за водой, за водой». Кто бы знал тогда, в тот осенний день бабьего лета, что эта стройненькая тонкая девчушка займет в моей душе самое теплое место. Сотни концертов, пьянок, банкетов и других мероприятий провели мы с ней. Сотни спетых-перепетых песен. Галка – единственная в мире женщина, которой я делал массаж. На городском пляже. В присутствии всего нашего коллектива. И об этом вечером с довольной рожей, будучи полным идиотом, рассказал своей жене. За что и огреб по полной в первый и единственный раз.

А сколько дельных своевременных советов она дала нам, когда мы обращались к ней за помощью со своими семейными проблемами! Понятия «семейный психолог» тогда еще не существовало, но Галя-жилетка уже была. Так, как умеет слушать собеседника Галина Семеновна, не умеет слушать никто на планете, за что мы ее и любим.

Единственный на моей памяти человек, у кого не было недругов, – это Галя. К ее обворожительной красоте гармонично добавлялось такое же обворожительное чувство юмора. Только ее ирония позволяла достойно пережить многочисленные ляпы на сцене и за кулисами. Именно на ее красивейших глазах я таскал рояль по сцене тудым-сюдым в гордом и беспомощном одиночестве на одном из ответственных концертов. На ее глазах я издевался над начальством, когда на концерте сорок минут визжала запавшая клавиша синтезатора. Именно ее я не узнал в кемеровском автобусе, когда мы параллельно учились там в одном и том же институте. И именно о ней я могу совершенно честно и откровенно сказать: Ее Величество Женщина. Ведь так оно и есть!

Ну и самое сокровенное. Галка – единственный человек на планете Земля, который... Для кого-то я Саша. Александр. Александр Анатольевич. И только Галя до сих пор называет меня таким родным и теплым именем – Санька.

* * *

Если бы мне доверили однажды вручить приз «Самый скромный», то безо всяких сомнений и колебаний, абсолютно не задумываясь, я вручил бы его моему партнеру, товарищу и другу Олегу. Вот уж действительно! Простой водитель автоклуба и – обладатель государственного титула «Золотая маска России». И вручил ему эту «Маску» кумир миллионов, народный артист Евгений Миронов! А следующим получал такую же «Маску» Данила Козлов-

ский. Впечатляющая компания! И всё так просто. Мне про это Олег рассказал этим летом, когда мы с ним встретились в Шарыповском театре, как о чем-то совершенно обыденном. Тридцать пять лет между этими событиями, а Олег так и остался скромным другом и товарищем для всех, кто его знает. Другим его и представить-то невозможно.

1985 год. Наша первая встреча. Познакомили нас. Как вы к Высоцкому относитесь? А как вы к Жванецкому? Всего две фразы на «вы». А тут еще Черенков! И Дасаев! И мое «Динамо»! И КВН! И Войнович! И Довлатов! И пошли «встречи на нейтральном поле», как нарек наши подзаборные пьянки в кустах Олег. Остроумие его – на грани фантастики. Эрудиция его превышает все мыслимые и немыслимые уровни. А надежность – вообще запредельная. В самые страшные и тяжелые минуты моей личной жизни Олег был самым надежным моим плечом. И ту самую страшную ночь после похорон моей жены Олег нянчился со мной до утра. И только во многом благодаря его поддержке я сейчас всё это и пишу.

Причем я сознательно не говорю об Олеге как о талантливом актере. «Золотая маска» всё это оценила и без моих характеристик. На сцене лучшего партнера, чем Олег, трудно себе представить. Его невозмутимость и актерская фантазия сражали наповал. А расколоть, рассмешить его на сцене было делом практически невозможным. Ну и, конечно, личное обаяние! Сам Олег из театральной семьи. Его отец был режиссером Норильского драмтеатра. И вот эту театральную культуру, театральный шарм Олег до сих пор с честью несет. Повезло мне в жизни, если в ней были такие ребята, как Олег!

Профессионал. Вот этим одним словом можно определить такое яркое явление в моей жизни, как Володя. Если вы с ним назначили встречу в 4.53 пятого ноль пятого 2029-го у Никитских ворот, то не извольте беспокоиться: встреча обязательно состоится. Владимир Алексеевич придет без опоздания. Главное, чтобы вы пришли. Самый ответственный и креативный во всех наших творческих начинаниях. И когда более-менее в стране утихомирился кризис в середине девяностых, именно к Володе я и пришел. Все расписания гастрольных графиков удерживались в его светлой голове без косяков и сбоев. Каждый точно знал свой маневр – где, когда, с кем и во сколько он должен быть. И поэтому я до сих пор поражаюсь тому фантастическому эпизоду, когда Володя забыл вашего покорного слугу, выезжая на очередной концерт. А вот с этого места поподробней!..

1998 год. Лето. Сотовых телефонов еще нету. Как по расписанию меня ровно в 9.00 забирает прямо из дома наша бригада артистов. Так было всегда в то лето. И вот однажды... 9.00. Я оделся, обулся. Жду. Тишина. Бывает. 9.15. Никого. Легкое удивление. 9.30. Странно. 9.45. На Вовку это не похоже. 10.00. Всё. Отменяется. Жаль. 10.15. 10.30. Позавтракал. Строю планы на день. 10.45. Звонок в дверь. Открываю. Быстрей! Бегом! Давай-давай! А что случилось? Я жду, жду. Давай, не разговаривай! Всё потом. Я уж думал, что... Мы тоже думали. Всё потом! Прыгай в машину! Дай хоть квартиру замкну. Бегом, я сказал! Сели в машину. Едем. Что случилось-то? Потом, Саша, всё потом. Сижу, молчу. Ладно. «Да вы можете объяснить...» – начинаю я минут через двадцать. Потом-потом! Проходит час. Володя дает команду: «Леша, останови машину!» Леша встал. Ну? Вот в этом самом месте, Саша, мы вспомнили про тебя. За тобой-то заехать забыли! Восемьдесят километров они отмахали. Восемьдесят! Не три, не пять – восемьдесят! Как?! Что ж вы делали все эти восемьдесят километров?! Спали?! А вся концертная программа на мне завязана. Это то же самое, если бы «Битлы» забыли на свой фирменный концерт взять с собой Джона Леннона, простите за нескромность. Как хорошо, что у тебя есть такой друг, правда? Который хоть через восемьдесят километров, но о тебе вспомнит!

Любой советский человек знал с пеленок одну из главных заповедей, а именно: в нашей стране не соскучишься. Вот и в моей трудовой книжке есть записи на любой вкус, от аккумуляторщика до дирижера духового оркестра. И есть там такая популярнейшая запись, как слесарь-сантехник. Смена государственного строя в стране не только меня заставила сменить

сцену на тепловую камеру и вантуз. (В поисках пропитания даже Вадим Мулерман работал таксистом. Правда, в Америке. Но тоже не сахар. Это тебе не «Ладу» на эстраде петь.) А начальником всех наших алкашей-сантехников был некто Геннадий Петрович, который, не гнушаясь, лез и в канаву, и в трубу, и к черту на рога. Мужик он был свойский. Звали его запросто даже Генкой. Остроумный до безумия! Даром что выправкой и лицом очень похож на молодого Юрия Никулина с довоенных фотографий великого артиста. И рассказчиком был таким же, как Юрий Владимирович. Заслушивались мы и умирали со смеху на перекурах.

И тут летом замутил я проект с выездом на курорты с сольными концертами, возобновив прерванные когда-то неразберихой в стране. И предложил я этому Гене подработать у меня шофером. Ничего не подозревая, я повел с ним откровенный деловой разговор, мол, подзаработаешь у меня. Пока идет концерт, часа полтора можешь поспать, и так далее. Шибко я тебя напрягать не буду. Заплачу достойно. Твое дело – крутить баранку. Барин этакий я, одним словом. И с барского плеча ему: можешь еще подзаработать – быть билетером, чтобы мне на месте не нанимать. Ничего не ответила рыбка. Только в гости пригласила: «Приходите сегодня, Саша, в гости с женой. Там и обсудим». Пришли мы. Познакомили жен. Выпили. Ну, что, споем? А гитара-то есть? Я свою не взял. Что-то не подумал. Есть. На, сыграй. Сыграл я. И спел. Добрынина на трех аккордах. А теперь можно я? Вытащил Гена из-за шкафа «комбик», усилитель маленький для домашних репетиций. Воткнул шнур. Установил микрофон. И как врезал! И «Битлов». И «Роллингов». И Элвиса Пресли. И много еще чего. Я сидел ошарашенный, с выпученными глазами, сгорая от стыда. И этому человеку я предложил быть у меня шофером (!) и билетером (!). Вот так ответил на мое предложение Геннадий Петрович. Я был в шоке! И ни разу мы не вернулись больше к этому разговору.

С этого момента мы подружились, и я узнал, что Гена работал в возрасте семнадцати лет лидер-гитаристом центрального ресторана «Баку» и имел высокую репутацию у самого Муслима Магомаева. Я видел их общие фотографии. А там, ребята, надо играть! Одних лезгинок Гена знал штук тридцать: у каждой народности она своя, оказывается. Мы-то только две и знаем. Его и на КАТЭК-то занесло вместе со всеми «за туманом, за туманом». И стал он моим дядькой-наставником. Много ночных бесконечных разговоров мы с ним провели за бутылкой и даже без нее. О культуре, музыке, спорте и политике. Научил меня Гена играть в такую игру, как преферанс. Рубились мы с ним на равных в шахматы, а потом решили устроить «гамбургский счет». И было в жизни у меня два самых счастливых дня. Первый – когда я стал отцом в восьмидесятом. И второй – когда я выиграл у Геннадия Петровича шахматный матч по гамбургскому счету. И я не лукавлю, нет! Какой я тогда счастливый шел домой! Как в восьмидесятом году в последний день сентября. Не передать словами!

О его порядочности говорит эпизод, поразивший тогда меня тогда до безумия. Наша бригада выполнила левый заказ, калым, по-простому. А оплату в те годы задерживали. А потом я уволился и напрочь забыл, что я там работал вообще и как туда дверь открывается. И вдруг через полгода – звонок в дверь. На пороге Гена. Протягивает мне деньги: «Возьми свой гонорар». Какой гонорар? А помнишь, полгода назад... Оно б ему надо было? Пропили бы всей бригадой, и всех делов. Я бы и знать не знал. А вот. Вот в этом эпизоде весь Гена и был.

А потом, когда я опять вернулся на эстраду, на каком-то корпоративе в ресторане совершенно случайно мы встретились, и Гена взял в руки гитару и выдал! Нет, не «Роллингов» и не Пресли. И даже не «Битлз». Он спел «Клен». Тот самый, простой, на трех аккордах. «Там, где клё-о-он шуми-и-ит над речно-о-ой волно-о-ой». Никто не танцевал. Весь зал стоял завороженным. Казалось, что сам Сергей Дроздов стоит у микрофона на эстраде этого провинциального ресторана, так Гена вошел в образ. И превратился наш корпоратив тогда в творческий вечер Геннадия Петровича.

Гена будет единственным в моих записках, чье настоящее имя я с удовольствием и уважением называю полностью. Геннадий Петрович Бондаренко. В 2010 году в междугороднем

автобусе в Красноярске я совершенно случайно встретил его жену Татьяну. Мой первый вопрос был, конечно, как там Гена. Никак, Саша. Гены больше нет. Ступор. Гром среди ясного неба. Сел я у окна и заплакал. Горько-горько, как не плакал уже целую вечность. С самого детства. Зарыдал, уткнувшись в дорожную сумку. Светлая тебе память, Петрович. Геннадий Петрович. Гена...

Ирина

А был в моей жизни еще один участник самодеятельности... Но по порядку.

И все-таки в практике КПСС были и жемчужные зерна. Был у них такой термин «бросать на прорыв». Спасать ту или иную жизненную ситуацию в стране. Передовика производства отправляли на зытюканый-занюханый завод – вытаскивать его в передовые. Или знатного агронома партия посылала в забытый богом совхоз с той же целью. Николая Дмитриевича партия отправила в очередной раз спасать очередную сельскую школу. Дали ему квартиру. Положили жалование. Спасай нас, товарищ директор! Привез он семью и молодую дочь, только что закончившую педучилище. И каким-то своим профессиональным нюхом директор нашего Дома культуры, легендарный Георгий Федорович, честь ему и хвала, учуял в ней вокальный талант. Где он с ней общался? Как про это узнал? До сих пор не знаю, но пришел к нам на репетицию. Предупредил: без шуточек чтобы. Без приколов ваших дурацких. Чтобы постригли-причесали свои патлы косматые. И чтоб ни запаха у меня! Прибью! Да мы уже недели две... Знаю я вас. Недели две они. На дурака рассказ. Значит, так. Завтра в 14.00. Зовут Ирочка, запомнили? Ну Ирочка да Ирочка. Мало ли их тут.

Апрель 1979 года. 14.00. Входит девушка. И какая! О мы забежали! Вот стул. Погодите, сейчас другой принесу, который не шатается. Вот микрофон. Этот лучше. Что споем? Она смущена, конечно. Из Пугачевой что-нибудь знаете? Чуть-чуть. Ну, хоть что-нибудь. И она запела. «За окном сентябрь провода качает. За окном с утра серый дождь стеной». Она поет. Серега играет. «Этим летом я встретила с печалью». И такое состояние вдруг, что... Хочется сделать так, чтобы это никогда не закончилось. Чтобы вот оно было – и всё. Чтобы... Чтобы... Чтобы держать вот это всё на ладошке и не дышать. И чтобы никто не смог спугнуть это чудо. И ваш покорный слуга это сделал! Не спугнул. Не дышал. Удержал и сохранил. В ноябре у нас с этой Ирочкой состоялась свадьба! И пошли мы с ней рядом и по жизни, и по сцене, и по судьбе.

Мне сегодня седьмой десяток. Много чего я видел в жизни. И людей талантливых повидал не мало, но такого, чтобы вот так запросто на кухне у меня дома пела живая Пугачева. Или Марьяля Родович. Или Лили Иванова. Но это было! Ирина пела на всех языках всех певиц мировой эстрады. На французском у нас на кухне пела Мирей Матье. На сербохорватском – Радмила Караклаич. И даже неведомая японка Наоко Каваи мне пела по ночам что-то свое, японское. И это всё на моих глазах! Не где-то там, в Москве или Париже, а здесь и сейчас. И настолько Ирина была скромной, что о ее таланте знал только я. Ее папа и мама обалдели, когда их двадцатилетняя дочь спела на нашем концерте «Звездное лето». В пугачевском балахоне! С такой же гривой волос! С такими же полетами по сцене! Я до сих пор помню выражение их лиц, когда они, сидя в первом ряду, не верили своим глазам. Как?! Это их Ирина?! Да такого быть не может!

Только я один знаю, как она ставила себе голос в глухом поселке с символическим названием Лесной, где ее папа выводил из прорыва очередную школу. Она запиралась в бане и пела в тазик. В тазик, господа! В простой цинковый тазик. Чтобы слышать свой голос. Это была вся ее «аппаратура». Вот где была ее судьба – в этом самом пении в тазик в деревенской бане. А не в педучилище.

Это только один из ее талантов. А как она пародировала всё, что видела и слышала! И очень этого стеснялась. Как я ее ни уговаривал, какие только тексты я ей ни писал, – нет! Так она и не вышла ни разу на сцену с пародиями на Пугачеву, Толкунову, Лайму или Пьеху. Никогда она этого не делала. Один раз только подшутила на какой-то «Юмореине» над Кларой Румяновой, чем привела публику в неопишуемый восторг. И лишь мне одному повезло видеть эти шедевры.

Она не любила шумные компании, и поэтому мы все праздники отмечали вдвоем. Дети спят, а мы на кухне. Чуть захмелев, Ирина поддавалась на мои уговоры, и шествовал передо мной по нашей маленькой кухне настоящий парад пародий. Ах, какие это были личности! Мирей Матье и Глория Гейнор. Мадонна и Эльза Фитцджеральд. И наши: Алла. София. Эдита. Жанна Агузарова. А потом еще по рюмочке и... И! И!!! Адриано Челентано с его неповторимой походкой из фильма «Блеф» помните? Это надо было видеть! А за ним: Муслим Магомедович. Иосиф Давыдович. Лев Валерьянович. Леонид Осипович. А после третьей рюмочки – родные и близкие. Музыканты из нашего ВИА. Соседи. Сослуживцы. И даже родители. И я всё это видел, друзья мои! Я самый счастливый зритель на свете. Я самый счастливый на свете фанат. Я самый счастливый человек. Я ви-дел всё!

Мы разучивали с ней самые-самые новинки нашей эстрады. На моей малой родине она стала первой исполнительницей песни «Миллион алых роз». Да-да! На какой-то ночной радиостанции я эту песню записал. Мы ее выучили. Тогда как раз входили в моду электробаяны – моя стихия. И на каком-то большом гала-концерте Ирина ее спела в переполненном зале. Народ не дышал. Кто-то, по их рассказам, пытался даже записывать за ней текст песни прямо в зале. А она пела! Это был фурор, без ложной скромности. Море цветов! И это в те годы. А только где-то через неделю по телевизору в каком-то шоу в Цирке на Цветном бульваре вышла Алла Борисовна и... «А Ирина наша спела лучше!» – хором говорили мне все родные, знакомые и коллеги. Вот что значит первое впечатление! Вот так мы утерли нос самой Пугачевой. А если серьезно, ее природная скромность да и наше пуританское воспитание не давала нам раскрепоститься, как это делает сейчас молодежь. И не наша это вина, а наша беда. Дети. Семья. Быт. Так и осталось всё это только в моей памяти.

Если человек талантлив, он талантлив во всем. В эту премудрость я верю безоговорочно. Отец мой был, кроме всего прочего, еще и первоклассный художник. Я даже помню его картины-репродукции в моем далеком-далеком детстве. «Утро в сосновом бору». «Витязь на распутье». «Аленушка». И через год после нашей с Ириной свадьбы я увидел на его столе рядом с шахматной доской рисунок-кадр из «Ну, погоди!». Один в один. Спросил, мол, чего ты вдруг? А это не я, сынок. Это невестка моя. Ее работа. Кто-о-о-о? Какая еще невестка? Моя невестка. Ты забыл, что ты женат? Я был в шоке. Так она еще и рисует?! Так я узнал еще про один талант Ирины. Через год после свадьбы!

Она не просто рисовала. Она оформляла все группы детского сада, в котором тогда работала. По детсадовским стенам скакали и прыгали все эти винни-пухи, зайцы – волки, царевны-лягушки, курочки рябы... Она изумительно копировала любой шарж из журнала «Крокодил». Однажды, так же ее немного подпойив на какой-то праздник, я увидел, как она минут за десять нарисовала на моих глазах четвертной. Двадцатипятирублевую купюру простой шариковой ручкой! И окончательно она меня добила, когда цветным мелком на стене детского сада нарисовала, не отрывая мелок от стенки, одним росчерком, силуэт котенка. левой рукой. Она рисовала с обеих рук! А это уже космос.

Я сейчас всё это пишу, и меня дрожь берет, а тогда... Один из ее талантов проявился в последние годы жизни. Ирина самоучкой освоила английский язык. Без Илоны Давыдовой и прочих кудесников, сама! И преподавала его, как и русский, кстати, в средней школе. Где-то там, на коллегии в Красноярске коренные британцы определили у нее какой-то ирландский говор. О как! И опять же. Только я один знаю, как она всё это покоряла по ночам. В ее характере главной чертой была основательность. За что бы она ни бралась, всё делалось профессионально. Поэтому, работая в школе, она оставила сцену. «Всё должно быть профессионально, Саша!» – так она отвечала на мои уговоры выйти и спеть со сцены. Вот такой она и осталась в памяти знавших ее людей. До болезни.

В последний путь ее пришли проводить, несмотря на мороз, множество народа. Знакомые. Коллеги. Ученики. Соседи. И это было знаком уважения к памяти замечательного чело-

века. А у меня сегодня Ирина стоит перед глазами. С пышнейшей шевелюрой. В балахоне с крыльями-рукавами. «Вы в восьмом ряду, в восьмом ряду. Меня узнайте, мой маэстро». Или в образе проходящего по нашей кухне Адриано Челентано своей неповторимой походкой из фильма «Блеф». А также стоит в моих ушах ее залиvistый и завораживающий смех, который я слышал со сцены на своем сольном концерте, где-то там в зале, за фонарями и софитами, среди семисот смеющихся голосов и перекрывающий их своей заразительностью. Смех до всхлипа. До плача. Навзрыд. А в спальне моей до сих пор висит ковер. Старенький такой. С ободранной бахромой. И бахрому эту когда-то, целую жизнь тому назад, своей маленькой талантливой ручонкой обрывала вечерами перед сном моя пятилетняя будущая жена. Моя Ирина. Ирочка.

Послесловие

А в самом начале двадцать первого века случилось то, о чем я даже боялся мечтать. Я вышел на одну сцену с моей дочерью. И стоя в кулисах, я, зачарованно и совершенно обалдевши, слушал песни, написанные моей дочерью. С ее текстами. С ее музыкой. С ее аранжировками. Исполняемые ею же. Про Ваенгу тогда еще никто и не слышал. А дочь уже пела свои неповторимые авторские песни. Пела дочь, но звучал в моих ушах неповторимый голос ее мамы. И никак я не мог избавиться от этого наваждения. Не мог. Да и не хотел. И этот голос до сих пор звучит в моей душе. «Этот мир придуман не нами. Этот мир придуман не мной». А время идет своим чередом. Уже внучка моя пытается собрать какой-то ансамбль из подружек во дворе. И внук уже заказал мне к будущему лету привезти ему в подарок гитару. И... «Дай бог им лучше нашего сыграть!»

Вот, Ира, я и рассказал всем о тебе. Первый раз за все эти двадцать лет, что тебя нет рядом. Я знаю, что тебе это не понравится, но... Прости меня. Я так решил. Не сердись, Ир. Ладно?

И вновь продолжается бой!

Кто бы что ни говорил сегодня про советскую власть, надо признать: праздники наше руководство тогда умело отмечать с размахом. Начиная от первых парадов тачанок на Красной площади и заканчивая митингами у сельсовета заброшенного сибирского села, где лично я сообщение ТАСС про выход в открытый космос Алексея Леонова прочитал при керосиновой лампе. Праздники обставлялись с такой помпой, что казалось именно Первое мая и есть тот самый последний день Помпеи. По главной площади каждого населенного пункта страны проходили в торжественном марше школьники, наряженные велосипедистами, футболистами или былинными богатырями. С неба белоснежными гроздьями падали парашютисты. Ну а вечером – праздничный салют во всех городах-героях. Всё это делалось для того, чтобы каждый советский человек ощущал на себе заботу КПСС и запомнил эту заботу навсегда. Чтобы сохранилась эта забота не только в памяти, но и в голове, печенках и селезенках. И плевать, что на демонстрацию этого человека гнали под страхом лишения премии или очереди на квартиру. Главное – чтобы был праздник! И никаких гвоздей!..

Вот таким гвоздем в моей памяти и в моих печенках осталось празднование 70 лет Великого Октября у нас на КАТЭЖе. 70 лет! Событие было вселенского масштаба. За неделю до этого события из горкома по пять раз на дню прибегали секретари-инструкторы справиться, как проходят репетиции предстоящего концерта. Не криво ли висят шторы. Заменили или нет цветы в горшках на подоконниках. Не мало ли посыпали песочку в деревянном сортире во дворе Дома культуры? Не дай бог, кто-нибудь поскользнется в туалете в такой праздничный момент. Ноябрь все-таки. Короче, забот у них было полно. От них еще требовалось, чтобы мы, работники Дома культуры, так сказать прониклись. Чтобы почувствовали ту ответственность момента, который подобает великому событию. И не приведи господь, если от нас будет исходить запах даже недельной давности перегара.

В общем, шестого ноября в 19.00 всё было готово. Полный зал народа, попавшего в зал исключительно по пригласительным билетам. На сцене длиннющий стол для президиума. Ска-терть. Графин. Сзади сверкает блесками из бронзы великий вождь с протянутой рукой. Ленты. Цветы. И висит на заднике огромный транспарант: «И вновь продолжается бой!» Сейчас будет доклад. Потом награждение. Вон уже и почетные грамоты лежат на уголке стола волнительной стопкой. А за сценой... В одной кулисе толпится хор ветеранов, человек шестьдесят. Уже накрашенный, напомаженный и снявший бигуди. В другой тоже хор, но уже воспитанников школы искусств. Этот хор тоже накрашенный, но без бигудей пока, слава богу. В третьей кулисе сверкают коленками молодые танцовщицы. Девушки хихикают что-то свое, поглядывая в соседнюю кулису. А в соседней кулисе над чем-то ржут волосатые балбесы-эстрадники. Они до сих пор не верят, что им разрешили спеть на таком высоком собрании шлягер «Не сыпь мне соль на рану». Перестройка все-таки сказывается. Сосредоточенно парами и поодиночке степенно ходят солисты, поглядывая в бумажки и повторяя текст. И среди всего этого великолепия ходит ваш покорный слуга. Художественный руководитель всего этого безумия. И царь. И бог. И козел отпущения. Я в ответе за всё!

И вот в зале гаснет свет. На сцену поднимается почетный президиум во главе с первым секретарем горкома КПСС. Рядом с ним лавирует представитель крайкома. Да-да! У нас всё, как у больших! Семьдесят лет (семьдесят!) советской власти – это вам не конь начхал. Аплодисменты. На трибуне докладчик. Всё! Понеслась, родная. «Гхе-гхе. Дорогие товарищи! Семимильными шагами идет по стране перестройка. Благодаря Центральному комитету...» И вдруг ко мне подходит директор нашего ДК, красавица наша Инна Вадимовна. «Какая она все-таки красивая», – успеваю подумать я, и... И говорит она мне такое, от чего у меня озноб даже сейчас, когда я это пишу. «Саша! Ты только не волнуйся и не кричи». Я замер. «Перед хором

в самом начале выступит детский вокально-инструментальный ансамбль». Я думал, что я ослышался. Чего-чего? «Саша, перед хором споют дети». У меня столбняк. «Ты только не ори. Я понимаю, что так не делается, что так нельзя. Но есть мнение...» И она ткнула своим красивым пальчиком в сторону бюста Ленина. «Они проездом. Им некогда. Они должны срочно ехать дальше. Они дипломанты детского конкурса!» И тут я начинаю понимать, что от меня хочет мое начальство. «Инна, – кричу я, – ты же понимаешь, что раньше хора нельзя выпускать ВИА, хоть и детский! У тебя же институт культуры! Это же против всех законов искусства! Это же как должностное преступление! Это же диверсия, Инночка! Хоть стреляй, хоть вешай меня, не пушу их на сцену раньше хора». Она что-то мямлит. «Нет, я сказал!» Она уходит. Меня трясет от возмущения, но я знаю, что я прав.

А на сцене всё идет своим чередом. Докладчик. Дескать, перестройка. Дескать, гласность. Дескать, плюрализм. Кто-то меня по плечу – хлоп. Заведующая отделом культуры. «В чем дело?.. Почему вы отказываетесь выполнять указания горкома?» «Да вы поймите», – уже более спокойно пытаюсь убедить я. Понимаете, мол. Законы жанра. Режиссура массовых мероприятий. Нас учили в институте. Станиславский. Мейерхольд. Кацман. Хор всегда во всем мире, мол, открывает любой концерт. А если бы в Кремле... «Первыми будут петь дети». И тон у нее такой приказной, что я завелся. Как говорится, закусил удила. Нет! Сам поразился своей смелости. Пока я тут главный. Она обалдела от моей наглости и ушла.

Я успокоился немного. На сцене уже выступает представитель крайкома. Дескать, перестройка. Дескать, гласность. Дескать, плюрализм. Заслушаешься! «Кто тут самый главный?» Оборачиваюсь – третий секретарь горкома партии. Третий. Второй после бога, как принято говорить. И сразу мне в лоб: «Вам что, квартира не нужна? Вы, по-моему, второй или третий на очереди?» Против этого лома у меня приема не нашлось. Перед глазами проплыли тесть с тещей. Подъем в шесть утра. Куры. Гуси. Коровы. Быки. Пчелы. Стайки. Огород. Покос. Вспомнилась фраза из фильма «Тени исчезают в полдень»: «Никуды ты, милоч, не денисси».

Ну че. Объявили технический перерыв. Стали таскать на сцену аппаратуру. Потом минут двадцать настраивали инструменты. Дергали за струны. Бим-бим. Бям-бям. В зале народ дисциплинированно ждал начала концерта. Я стою в сторонке. Мне стыдно. Я пошел на преступление против искусства. Я нарушил все законы всех правил. Для меня, молодого идиота, казалось, что мое преступление – это как... Это как... Это как бы яблоко у Ньютона падало бы вверх. Это как бы у Менделеева в его таблице водород был бы записан как металл. Против всех законов физики я выступал. Как еретик. И так мне было стыдно. Но что поделаешь? Аргумент с квартирой был убойный. Теща. Куры. Пчелы. А я думал, что это Троцкий был последним представителем первой древнейшей профессии.

Взял себя в руки. Успокоил себя, мол, ради семьи иду на такие жертвы. Подошел к руководителю этой ребятни. Как вас объявить? Он глянул на меня, как на пустое место. Никак. Они сами все знают. Дипломант, не хухры-мухры! Кто я для него? Он там где-то сам себя видит на уровне Пола Маккартни, а я тут... Наконец разобрались. Утих зал. Утих недовольный народ за кулисами. Девочка лет десяти вышла к микрофону. Объявляет. Выступает. Дипломант. Песня «Я у бабушки живу». Ушла. Выскочили ребяташки, ее ровесники. Дети на сцене – это всегда мило. Запели они, заиграли. Руководитель из-за кулис показал им ободряюще большой палец и исчез. Они поют. Хорошо или плохо поют, это уже другой вопрос. Дети не виноваты, что мы, взрослые, ради своих больших амбиций...

Вдруг! На словах «шоколадок полный дом» застряла у синтезатора клавиша. Не выключается. Запала. Такое бывает, но... Это же дети. Их учили быть на сцене невозмутимыми, что бы ни стряслось. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Клавиша режет по ушам, как бензопила. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. «Папа с мамой ходят в гости к нам». Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. «У меня сестренки нет». Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. «У меня братишки нет». Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Я кинулся к руководителю. А его нету. Нигде! А на сцене бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. Песня

кончилась! Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Я думал, всё на этом и закончится, ан нет. Выходит девочка и объявляет сквозь бз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з: «Песня первоклассника!» Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з. Дети есть дети. Они не растерялись. «Нагружать всё больше нас». Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Я побежал искать руководителя. По всем подсобкам и сортирам. Нету! Как сквозь землю! Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Они поют сквозь это бз-з-з-з-з-з-з-з-з-з. Со стороны это выглядело, как пение под аккомпанимент «болгарки» или «циркулярки». Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Спели они вторую песню. Девочка объявляет: «Песенка крокодила Гены». Бз-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з.

Прилетает бешеная Инна-директор. Саша, убери их! Умоляю! А этот наглец Саша вежливо так отвечает: «А это не я их туда выпускал». И этот тварина, иначе не скажешь, Саша, то бишь я, вкрадчиво так спрашивает у девочки-ведущей: «А сколько всего у вас песен на бумажке написано?» И девочка выдает как последний гвоздь в последнюю крышку гроба: «Двенадцать». Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Чтобы тут же не упасть в обморок, Инна-директор убегает. Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. А клавиша пищит, не умолкая. Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. «Облака – белогривые лошадки», – кричит девочка в одуревший от этого звука зал. Бз-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з.

Что творится за кулисами – это невозможно описать ни-ка-ки-ми сло-ва-ми. Ветераны хватаются за голову. Эстрадники ржут самым вызывающим образом. Танцоры подпрыгивают то ли от радости, то ли от нетерпения. Я тупо сижу в углу. Жду я. И я знаю чего, вернее кого, я жду. Подлетает вся в мыле заведомо культуры. Это что такое?! Бз-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з. Сделайте хоть что-нибудь. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Я, нахал, развожу руками. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з. Вы же специалист! Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з. «Не я их руководитель», – кричу ей сквозь бз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з. «А он где?» – орет она мне в ухо. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Понятия не имею. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з. Она что-то еще кричит. Я показываю жестом, мол, не слышу. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з-з. А ребяташки поют: «Уголок Росси-и-и-и отчий до-о-о-ом». Бз-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з-з. Она еще что-то пытается кричать. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. Потом машет куда-то рукой и убегает. А я сижу. Жду третьего пришествия. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з. «Взвейтесь кострами», – опять кричит сквозь бз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з девочка. Руководителя этого гвоздя программы ВИА уже никто и не ищет. Все обреченно ждут финальной двенадцатой песни. Бз-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з-з. И тут появляется по мою душу третий секретарь горкома. Идет ко мне такой походкой, что в ушах у меня произвольно звучит «Сцена нашествия» из бессмертной Ленинградской симфонии Шостаковича. Па-а-па-а-па-а-па-па. И только он открыл рот, как девочка крикнула сквозь бз-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з-з: «На этом наш концерт окончен! Спасибо за внимание!» Бз-з-з-з-з-з-з. Бз-з-з-з-з-з.

Тут же всплыл откуда-то руководитель. Мужики из хора в одно мгновение вышвырнули аппаратуру вместе со шнурами и инструментами куда подальше, как ненужный, отслуживший свое хлам. Оборвали шнур у синтезатора, и он наконец-то заглох. Наступила такая тишина, что казалось, сама природа взяла паузу после пережитого кошмара. Третий секретарь, забыв про меня напрочь, стал выносить на сцену вместе со всеми скамейки для хора. Все оживленно и возбужденно шептались, типа, ну наконец-то. Встал хор. Я вышел объявлять и... Меня встретили такими бурными овациями! Как, наверное, в древние времена дикие племена встречали своего великого шамана, спасшего всё племя от бубонной чумы! И я торжественно произнес самые желанные для всех в тот миг слова: «И вновь продолжается бой!» И грянул хор! И я до сих пор уверен, что никогда и нигде в мире не слышал ни один, даже пусть самый-самый народный-народный хор, таких бурных оваций после исполнения своей песни, как услышал наш хор ветеранов на торжественном концерте к 70-летию Великого Октября. А когда со сцены зазвучал эпохальный припев «И вновь продолжается бой», весь зрительный зал, все четыреста человек, в едином порыве встали со своих кресел и... «И Лени-и-и-и-ин такой молодо-о-о-й. И юный октябрь впереди!»

Обратная сторона медали

Есть такой кинорежиссер Юрий Мамин. Мы все восторгались его фильмами в годы перестройки: «Окно в Париж», «Фонтан», «Бакенбарды». Помните? А есть у него еще один фильм. Фильм – редкость! Фильм – раритет! Фильм – уникам! Фильм уникален тем, что впервые, пожалуй, в истории нашего кино отчетливо и остро показал изнанку такой профессии, как клубный работник. И фильм этот называется «Праздник Нептуна». Про то, как в сельском Доме культуры перепутали дату мероприятия для иностранцев и что из этого получилось. Тем, кто этот фильм не видел, я завидую, потому что после этого моего рассказа они обязательно захотят посмотреть фильм Юрия Мамина и получат полтора часа истинного наслаждения. А я его уже получил когда-то. Когда смотрел и утирал слезы от смеха.

Я к чему это вспомнил? А вот к чему. У любой профессии есть невидимая миру сторона. Как говорится, обратная сторона Луны. Например. Выпивал я как-то впервые с цирковыми. Весь вечер они в промежутках между тостами занимались своим ремеслом. Жонглер Степа кидал кольца, надоел своим мельканием хуже горькой редьки. Выпьет. Крякнет. Закусит – и за кольца свои дурацкие. Фокусник Семеныч всё время чего-то клеил и занюхивал водяру своим вонючим клеем. Девушка-каучук Наташка извивалась на соседнем столике со стаканом в руках, мешая нам, мужикам, сосредоточиться. Силовик Жора часа три «крестился» двухпудовыми гирями, не отходя от стола. И только мы с клоуном Кешей, как люди, выпили, закусили, поговорили. И понял я тогда, почему эти трудяги с такой легкостью выполняют свои трюки.

И в сельских домах культуры есть своя изнанка, та самая кухня, о которой не принято говорить. Да и профессия «клубный работник» до сих пор считается вроде как несерьезной. Хотя как сказать, друзья мои. А я вот и скажу. И покажу, как сумею. На примере всего лишь одного мероприятия. Возьмем, скажем, праздник «Проводы зимы». Деревня. Воскресное утро. Солнце. Тепло. Вы пришли на праздник к местному клубу часам к 11.00. Всё вроде нарядное кругом. Помост, на котором поют для вас артисты. Буфет. Столб с призами. Костер. Всё изумительно для вас, не правда ли? Вы посмотрели концертную программу. Перекусили в импровизированном буфете. Потянули канат. Взяли с ходу зимний городок. Покатали ребятшек на лошадке. Выпили с друзьями. Может, даже и, раздевшись до трусов, слазали на столб и сняли с него приз. Сапоги или там, скажем, мясорубку. И, довольные собой, под ручку с красавицей-женой отправились догуливать праздник дома. Всем спасибо, все свободны!

А теперь, как сказал классик, невидимые миру слезы. Проводы зимы на селе в советское время, как правило, проводились в начале марта. Если совпадет этот с праздником по календарю с Масленицей, то хорошо. А не совпадет? Да и так ладно. Был бы повод. За неделю начинается беготня. Сценарий. Репетиции. Это всё само собой, но ведь необходимо подготовить место действия. Расчистить от снега площадку. Соорудить помост для артистов. Приготовить дрова для костра. Привезти столы для буфета. Дел полно, если честно. И всё это висит тяжелым грузом на шее директора клуба, в простонародье завклуб. С музыканта-худрука какой спрос? Этот очкарик играет на всех инструментах, кроме молотка и ножовки. Правда, дело свое он знает, не придерешься, но... Лишь бы трезвый был, главное. На него и дунуть боишься. Вдруг заболит или запьет, не дай бог! Где другого найдешь? И бегаешь завклуб в гордом одиночестве, матерясь, из одного конца деревни в другой весь в мыле и пене, хоть попоной накрывай, чтоб не простудился раньше времени.

Первое. Идет завклуб к парторгу совхоза. Затем они оба-двух идут к директору этого совхоза. Вылавливают его с утра, а это надо встать ни свет ни заря. Прийти в контору раньше всех и сесть в приемной с одной мыслью: лишь бы Петр Иванович появился хоть на минуту. А если удалось его подловить, то подгадать под его хорошее настроение. Не дай бог он не в духе или с похмелью. Боже упаси! Хорошо. Поймали. Подгадали. Объяснили, для чего им нужен

бульдозер. Понял директор с четвертого раза. Позвонил на МТМ. Отматерил кого следует. Когда нужен трактор? В четверг. В четверг будет. Ждите. Еще что? Да ничего, Петр Иванович, вы что? Боком-боком из кабинета. Слава богу, сами живы.

Теперь что? Второе. Нужно сколотить помост. Опять эта сладкая парочка, завклуб и парторг, ловят с утра пораньше директора совхоза насчет пиломатериала и других прочих гвоздей. Опять он понимает с четвертого раза. Опять звонит. Опять материт кого следует. Когда вам нужно? Завтра. Будет завтра. Что еще? Всё-всё-всё. Боже сохрани, Петр Иванович, мы и так зачастили. Теперь машина, столы привезти для буфета. Тут я сам, открещивается завклуб. Кольке-соседу чекушку дам, на коне привезет. Нет, чекушки мало будет. Надо же еще и дров на костер. Бутылку налью тещиноного самогона, будет у меня на подхвате весь праздник.

Третье. Остались когти. Х-х-кто-о-о-о? Когти. Монтерские. А это-то на хрена? Парторг вообще не в теме. А на чем я на столб полезу призы-подарки вешать? Петуха, сапоги да спасательный круг надувной. Когти надо искать где-то. «Свои-то еще не отрасли до такой степени, – первый раз улыбнулся за день завклуб. – Пойду связистов ловить». Носится по деревне завклуб с утра до вечера. То связистов ловит. То плотников караулит, чтоб не разбежались и не перепились. Помост не ждет, три дня осталось. Главное, чтобы за день управились. На ночь доски оставь, ага. Растащат по дворам за милую душу. Пошел проверил худрука. Трезвый! Поди ж ты! Поют чего-то. Всё нормально? Нормально, Михалыч! Ну, я побег! Трактор площадку расчистил. Главное, чтобы к воскресенью ее опять не задуло. С буфетом договорился. Марь Иванна, методист, завтра призы закупит. Что еще? Подушки соломой набить для бума этого дурацкого. Ну, люди! Друг друга по башке подушками на морозе колотить – редкое удовольствие. Канат достать, проверить, не изгрызли его за зиму мыши в кладовке...

Четвертое. Провода прокинуть до помоста для озвучки. Где же у меня проводка? Водка, водка, водка – родным эхом отзывается в голове знакомое слово. Да, кстати! Не забыть водки купить для артистов. Чтобы бабульки на морозе спеть могли. Молодежь-то себе сама купит, не стоит беспокоиться. А вот бабулькам еще и закуску надо соорудить. Галька, жена, опять ворчать будет. А куда деваться? Можно и побегать пару-тройку раз за год. Много ли таких праздников в клубе? Новый год да Седьмое ноября. Да Первомай еще. Ну и смотри, будь он неладен. Чего ж не работать? Всё не кайлом махать. Значит, водки купить. А то выйдет, как в прошлом году. Так все позамерзали, сам чуть в больницу не загремел. Доверил купить водку этому кочегару Ханаю. Денег дал, как путному. Смотри, Ромка, четыре бутылки – и не больше! Сдачу принесешь. Понял? Понял, Михалыч! Взял деньги Ромка Ханай и исчез вместе с деньгами и водкой до среды. Чучело гороховое! Кстати, о чучеле. Надо ж тряпку с соломой да краску – морду ей, зиме этой, нарисовать. Сам нарисую в этот раз. А то в прошлом году худрук-очкарик нарисовал, обормот. Вылитая главбухша наша получилась. Всей деревней ржали на костре. А его хоть убивай! «Я не зна-а-аю, – ныл в кабинете потом, – как так вы-ы-ышло. Я не хоте-е-ел, Михалыч!» Не хотел он! Полгода я грехи отмаливал: ни копейки на клуб не выписывала – обиделась. Шторы в фойе на свои кровные к смотрю покупал. Галька чуть не убила, когда узнала...

Осмотрелся завклуб вокруг себя. Всё ли готово? Перечитал еще раз список свой. Помост. Трактор. Когти. Чучело. Призы. Всё вроде. Ничего не забыл. Надо еще музыканту хвоста накрутить, чтобы не расслаблялся. Всё готово. Лишь бы погода завтра не подвела.

* * *

Нет! Не хочу я быть синоптиком! И не уговаривайте. Лучше сразу удавите. Это ж сколько проклятий каждый день сыплется на их головы со всех уголков страны! В одном месте они людям пообещали солнечные дни на сенокос, а пошел дождь. В другом наоборот. Человеку пообещали дождь – он и нажрался с утра. А в небе ни облачка. Куда его, скотину такую, на покос?! А кто виноват? А синоптик и виноват! Вот и завклуб Михалыч начал материться

в воскресенье еще часа в четыре утра, когда услышал за окном звуки метели. А когда вышел на крыльцо, уже и материться смысла не было. К метели добавились градусов тридцать мороза! Вот тебе и проводили зиму. А ведь обещали вчера по радио. Клялись. Минус пять будет, вот увидите. И ветер будет совсем-совсем слабый, мамой клянусь! Вот тебе и минус пять.

И побежал Михалыч чуть свет по деревне к трактористу. Еле достучался. «И в выходной покоя никакого, твою мать», – ворчали из-за двери в темноте. Кого черт принес? Да понимаешь, Митрич. А чего мне понимать?! Башка после вчерашнего раскалывается, да ты тут еще. Чего опять? Дак это. Разгрести бы у клуба. Метет нелегкая, чтоб ей. Знаешь что, Михалыч? Знаю. Вот и принес. Тещина. На орехах. Градусов сто. С гаком!

Вот так начался праздник проводов зимы для завклуба Василия Михалыча и всех его подчиненных, от хударука до кочегара. Пока бульдозер разгробал нанесенный за ночь снег, сам Михалыч, вооружившись монтерскими когтями, залез на высоченный столб и развесил там призы, от кирзовых сапог и до надувного матраца. Ветер при морозе в минус тридцать. Не знаю, как там на станции «Северный полюс-13», но в Сибири это тоже хорошего мало. Какой, к черту, праздник? Работники, конечно, пришли все до одного. Они на работе, куда денутся. А зрителей как ты затащишь? Пришли певуны-бабушки из вокальной группы. Этим лишь бы петь. Хоть на Северном полюсе, хоть на Южном. Отдал им Михалыч припасенное средство от мороза. Молодые музыканты сами по себе разогреваются в углу. Прошла, дефилируя, королева бала – огромнейшая Марь Ванна Ханаева. «Я не красива – я чертовски мила!» – прокричала она свой жизненный девиз куда-то в метель и пургу, подтвердив тем самым легкое подозрение Михалыча насчет средства от мороза. Ей-то зачем? Она ж не поет. Ох, Михалыч! Не торопи события, дружище!..

А в клубе тепло. И выходить не хочется. Пришел, отплеываясь и отряхиваясь, верный боец парторг. Тоже никуда ему не деться. Партия сказала: надо! Ох и мороз! Тридцать два! Чего делать будем? А чего делать? Провожать зиму будем. Столько сил потрачено! Призы куплены. На столбе уже висят. Чучело зимы приготовлено. Вон и канистра с бензином стоит, воняет. Водка уже наполовину выпита. Я их что, этих бабуль, зря поил, что ли? Собрал завклуб свое войско для последнего наставления. Все в сборе? Вперед робко шагнул хударук: Митрофановны нету, Василь Михалыч. Приболела, говорят. Замена нужна. Две ее песни надо заметить, а некем. Та-а-ак. Началось! Ты мне предлагаешь спеть, что ли? Так я тебе выдам, ты знаешь. Обоих нас с тобой после моего пения попрут к чертовой матери отседова. Может, Марь Иванна? Она как-то пробовала. А Марь Иванна, услышав эти слова... У нее аж дух захватило! Стоит вся такая, как купчиха на картине художника Кустодиева. Или прям как девочка с персиками. Только вместо персиков кулаки пудовые сжимает. Словно всю жизнь ждала она этого звездного часа. А чего? Я могу! И по ее нетвердому голосу стало ясно, что она «может». Помните, я тогда на крестинах у Кошкиных? Помним, Марь Иванна. Вся деревня помнит. Рады бы забыть. Иди гримируйся-наряжайся. Споешь свою «Субботею». Ту, что у Кошкиных тогда. Только без матюгов! Может, и не побьют на этот раз.

А тут и буфетчица заскочила погреться. Хоть бы кто один пирожок купил. Четыре стола нагрнула, идиотка! А народ-то хоть есть там? Бабушки-певуны уже топчутся в нетерпении у выхода. Ага. Полно! Целых восемь человек. Да ребятишек штук десять. Ахшланг! И какой идиот в такую погоду праздники устраивает? Глянула грозно в угол, а там стоят парторг с завклубом, помалкивают. С ноги на ногу переминаются. Глаза в пол. Вроде как бы ни при чем.

Ну чего? Начинаем? Вышли артисты из теплого клуба. Взобрались на помост. Мама родная! Ветер с ног сдувает. Где-то в снежной пелене прямо перед помостом стоит стайка зрителей-челюскинцев, сбившаяся в кучу, чтобы не замерзнуть окончательно. Ну чего? Поехали? И поддатые бабульки-певуны выдали для начала «Ох, снег-снежок!» и «Виновата ли я», а потом, соответственно, «Ой, мороз-мороз» и лихую «Три белых коня» с визгом-свистом, притопом-приплясом. Вроде как стало веселей. А тут еще и Кошкин-старший завернул «Выйду

на улицу». Да так он выдал эту песню, что малочисленные зрители кинулись в пляс – то ли от азарта, то ли от безысходности, то ли для сугрева. И, видя такое дело, поменял худрук тут же программу всего праздника. Прямо на ходу поменял. Сделав как бы антракт: опять же для сугрева в теплом клубном кабинете приняли очередную дозу спиртного. А зрителям в это время было предложено попытать счастья в лазании на праздничный подарочный столб.

Много чего видела сибирская земля-матушка. И нашествие Батыя. И освоение ее, Сибири, Ермаком. И бесконечные замерзающие колонны декабристов. Но... Но чтобы... Но чтобы в метель и в пургу, в тридцатиградусный мороз, сибирский мужик в одних трусах в светлом уме и при памяти полез на какой-то столб за надувным матрасом!.. А когда, встреченный, как герой-папанинец, этот мужик, хлебнув тут же из фляжки, полез уже за сапогами непонятно какого размера, то... То, казалось, сама погода смилостивилась, и выглянуло солнышко. Сначала робко-робко. А потом уже заиграло всеми своими цветами на перламутровом снегу. И под общий эмоциональный всплеск на помосте появилась Марь Иванна!

«У нас но-о-о-онче суббо-о-оте-э-эя-а-а-а-а». Вот с таким же примерно гулом взлетал Ил-62 в моем детстве с нашего аэродрома каждые шесть часов что днем, что ночью. «Э-э-э-э-эххх!» Рывкнула громободобным басом. Наверное, вот таким же вот басом в романе «Двенадцать стульев» Воробьяниновская теща раскачивала чугунную люстру. А Марь Иванна раскачивала этим басом невидимую чугуняку над толпой зрителей, испуганно шархнувших куда-то в сторону. «А на за-а-автра воскре-е-е-есень-э-э-э-э». Казалось, что ее голос, усиленный динамиками, был слышен не только по всей деревне, но и в знаменитом фестивальном итальянском Сан-Ремо. «Э-э-э-э-эххх!» Зрителей не спасали от этого ужаса даже завязанные шапки-ушанки. Перепуганные ребятишки забились от страха под помост. А Марь Иванна, огромная в своем пальто, как мультяшная Черная Гора, засунув от холода руки в карманы, накренившись вперед, как идущий в последний бой красноармеец, раскачиваясь на ветру, как средневековый баобаб, в огромных серых ромки-ханаевских кочегарских валенках с галошами, подпоясанная разноцветным кушаком толщиной чуть поменьше каната, в торчащей по сторонам своими ушами мужской шапке-ушанке и... Апофеозом всего этого великолепия был красный кокошник. Привязанный к подбородку Марь Ивановны синей изолентой. (Кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда!)

«Ба-а-арыня ты моя-а-а-а. Сударыня ты моя-а-а-а». Опасаясь за аппаратуру, худрук кинулся сломя голову к микшерному пульта. Выдернул из гнезда микрофонный шнур от греха подальше. Но Марь Ивановну уже было не остановить. Она и без микрофона перекрывала все звуки в радиусе двести километров. «Ко мне нонче друг Вань-ю-ю-юша приходил». И, не дожидаясь, зачем «друг Вань-ю-юша» приходил к Марь Ивановне, музыканты побросали инструменты и бросились в пляс, сотрясая доски неструганого хлипкого помоста! «Ба-ры-ня ты мо-я! Су-да-ры-ня ты мо-я!» А народ, глядя на это дело, ломая ноги, поднялся на переполненный эмоциями помост. Окружив Марь Ивановну и музыкантов, устроил такой грандиознейший хоровод, что знаменитый танец с саблями и бразильский карнавал потеряли свой престиж раз и навсегда. «Ба-ры-ня ты мо-я! Су-да-ры-ня ты мо-я!»

А потом сжигали чучело уходящей зимы, подозрительно похожее на завклубовскую тещу, спаивающую своим самогоном всю деревню уже которое десятилетие. А потом раскупили у обалдевшей от торгашеского счастья буфетчицы все ее замерзшие пирожки. А потом допили вместе с артистами остатки водки. А потом... А потом с баяном и весельем пошли в припляску по деревенским улицам навстречу завтрашнему дню. «Ба-ры-ня ты мо-я! Су-да-ры-ня ты мо-я!» Сквозь пургу и метель. Сквозь ненастья и невзгоды. Навстречу завтрашнему счастью. Навстречу очередному празднику.

Прошли годы. Жив, слава богу, и здоров завклуб Василий Михалыч. И клуб всё так же стоит на том же месте. И даже всё те же бабульки поют до сих пор на всеобщих праздниках всё те же песни. Значит, есть и сегодня праздники. Значит, жизнь продолжается! А это главное.

P. S. А фильм «Праздник Нептуна» вы все-таки посмотрите. Не пожалеете, уверяю вас!

Прорвемся, опера!

Каждый уважающий себя артист, а я имею наглость тоже причислять себя к этой славной когорте, имеет в своем заглавнике массу невероятных историй, случившихся с ним на скользком, но увлекательном творческом пути. Знаменитый Роман Карцев рассказывал, как на одном из концертов в Ленинграде во время известной миниатюры «Авас» про тупого доцента, на сцену из зала поднялся поддатый зритель и заорал, засучив рукава, на Виктора Ильченко: «Ты щас у меня всё поймешь. Я те щас всё объясню. Ты щас у меня поймешь, кто Горидзе, а кто Авас». И кинулся на артиста с кулаками. Сначала зрители подумали, что это подставное лицо. Засмеялись. Заплодировали. Но вскоре, поняв в чем дело, кинулись разнимать уже буквально дерущихся на сцене популярного артиста и яркого поклонника Мельпомены. Пришлось сделать незапланированный антракт и успокаивать Витю Ильченко коньяком, завершил Роман Андреевич свой рассказ.

Народный артист СССР Сергей Юрский рассказывал, как однажды на новогоднем детском утреннике (опять же в Питере) вышел огромный Дед Мороз на огромных ходулях и крикнул в толпу детей: «Здравствуй, добрый мой народ». И тут же детский голос из толпы в ответ: «Здравствуй, ж..а, Новый год». И всё! Карьера артиста – Деда Мороза была угроблена раз и навсегда, потому что, когда он потом уже у себя в БДТ выходил на сцену в образе Лопухина или Ивана Грозного, из-за кулис нет-нет да и произносили: «Здравствуй, ж..а, Новый год». И пришлось уехать этому талантливому парню куда-то чуть ли не на Курилы.

Что касается нас, грешных. В середине девяностых был у нас маленький мобильный дружный театр миниатюр и пародий. Мотались мы по городам и весям с веселой пародийной программой. Села, города, курорты. Но особо любимыми и желанными мы были на всевозможных пьянках и банкетах, которые потом стали называться столь модным и красивым словом «корпоратив». Другими словами, пьянка всем коллективом в честь профессионального праздника. Открою небольшой секрет: каждый режиссер в своей программе обязательно на таких мероприятиях имеет какой-то ход для расположения к себе зрителя. У нас это был трюк, называемый «бомж». Как это выглядело? Начинается концерт. Выходит ведущий. Красивый и неотразимый наш фронт и щеголь Владислав. И торжественным, хорошо поставленным голосом произносит: «Добрый вечер, дорогие друзья!» Идет вступительный монолог. Владик своим обаянием старается настроить публику на соответственный лад. Все слушают. Ведущий говорит обычные в таких случаях слова: «Разрешите мне от имени нашего коллектива поздравить вас...» И где-то на третьей минуте в зал входит бомж. Треники. Сланцы. Жеваная майка. Кепка из газеты. В пакете гремят пустые бутылки. Плюс грим, конечно. Вид еще тот. И... А вот тут уже всё зависит от состава публики. Если мы работаем для медиков, то бомж начинает искать в зале начальника санэпидстанции, называя его по фамилии, имени и отчеству (данные мы узнаем заранее). В зале оживление, смех. Типа, а зачем он вам? Бомж достает из пакета банки с анализами. «Передайте Николаю Ивановичу по рядам. Я с утра его ищу. Говорят, что сюда куда-то ушел. Пьянка тут у них где-то. Вот моча в этой банке. А в этой...» Что творится в зале – не передать. Смех. Хохот до слез. До колик. Бедному Николаю Ивановичу передают эти банки под общую бурную овацию. Бомж уходит. И всё! Публика наша. Успех концерту гарантирован! И когда минут через десять на сцене появляется в костюме-тройке с гитарой только что бывший бомжом наш артист Гоша Шестеркин, в зале творится что-то ну просто невероятное. И концерт проходит при взаимной радости и взаимном вдохновении артистов и зрителей. Каждый выход Гоши сопровождается бурной овацией.

Так было всегда. Менялась только тема. Если это были строители, то наш Гоша-бомж доставал из какого-нибудь мешка пару кирпичей и вручал их сидящему в зале известному всем прорабу. Если это были работники почты, то уже в ход пускали посылку с какой-нибудь

крупой. Короче, вариант был беспроектный. И вот концерт ко Дню милиции. Полный зал народу, называемого тогда еще милицией. Ведущий начинает. На третьей минуте в зале появляется наш Гоша-бомж. И начинает, как обычно, у публики выспрашивать нужного ему человека. На этот раз жертвой был избран начальник местного ИВС, изолятора временного содержания. По-старому КПЗ. Звучит имя, фамилия. Смешок. Ропот. Всё как всегда. Гоша достает из пакета пачку чая, пачку сигарет и просит начальника ИВС Василия Степановича: «Слышь, братан. Ну че тебе, в падлу? Передай Лехе. Он у тебя на пятнадцать суток закрыт. Без курева и без чая. Скажи, от меня». Хохот. Встает Василий Степанович. И уходит с Гошей-бомжом из зала. Смех, оживление. Ведущий говорит свой текст. Проходит первый номер. Владик готовится объявить ставший уже привычным выход Гоши Шестеркина. А Гоши нет. Влетает за кулисы вся взлохмаченная и очумевшая наша директриса Люба. Кричит благим матом: «Гошу арестовали!» Как арестовали?! Очень просто. Вон уже в воронок поволокли. В наручниках. А концерт идет. Что делать?! Вышел Димка с незапланированным монологом выручать программу, а мы бежим на улицу.

Гоша уже в воронке, через решетку что-то орет. Мы к начальнику, дескать, это наш артист. Начальник уперся. «Да какой он артист? Вы на него посмотрите! Таких артистов у меня полный подвал». А концерт идет. Димка, наверное, на пузе уже пляшет. Развлекает публику, пока мы тут Гошу выручаем. Шофер воронка подошел: «Товарищ майор, че-то от бомжа этого шибко дорогим одеколоном пахнет». Притащили Гошу. А ну-ка дыхни. Как будто наш артист мог выпить дорогой одеколон. Дыхнул Гоша. И спасло нас всех только то, что Гоша и в самом деле не успел хряпнуть перед концертом. Начальник посмотрел на меня. На Любу. «Говорили же мне, уходи на пенсию. Нет, не послушал умных людей, идиот». Плюнул смачно и пошел куда-то вдаль, как Горький по Руси.

И вот совсем измочаленный наш спасатель программы Димка облегченно и радостно объявил: «Встречайте – Георгий Шестеркин!» И когда на сцену с гитарой и в изумительном костюме выскочил только что арестованный бомж, в зале повисла гробовая тишина. В этой звенящей тишине Гоша исполнил пару песен и ушел под звук собственных каблуков. И только уже где-то на третьем или четвертом Гошином выходе до нашей доблестной милиции стало что-то доходить, и Гоша все-таки удостоился жидких и жалостливых хлопков. А потом была уже сама, собственно, пьянка. Корпоратив то есть. Уже через час в ближайшем ресторане. И когда совсем не бомж, а великолепный певец Георгий Шестеркин лихо исполнил с эстрады захватывающий хит тех времен «Прорвемся, опера!», то первым к нему бросился именно Василий Степанович, тот самый начальник ИВС. Долго нашего Гогу обнимал. Хлопал по плечам. И, в конце концов, увел к себе за столик. Практически арестовал бывшего бомжа на целый вечер. И выпускал Гошу «из-под ареста» только для того, чтобы тот в очередной, двадцатый по счету, раз исполнил бессмертный хит, а сам он мог вместе с Гошей крикнуть в зал последнюю строчку: «Прорвемся, опера!»

Р. S. Этот рассказ я посвящаю моим друзьям и коллегам. Володе, у которого я учился профессиональному отношению к делу. Леше, который поддерживал меня в самый страшный период моей жизни. Людмиле – красота этой женщины спасала весь наш маленький мужской актерский мир. И, конечно, благодарен я обладателю «Золотой маски России» Олегу. Я горжусь тем, что мне выпала честь быть его другом. Спасибо вам, ребята, за все! Спасибо.

Это сладкое слово «халтура»

В конце восьмидесятых была у нас команда «бродячих артистов». Халтурили мы вчетвером по детским утренникам для детей работников предприятий и организаций нашего города на КАТЭЖе. Сценарий был продуман и прописан так, что мы исполняли по две-три роли в течение представления. Молодые были, креативные. Если б я знал тогда, что через тридцать лет буду об этом писать! Я бы уже тогда всё фиксировал, но... Молодо-зелено, увы. Хотя... Именно сейчас с высоты прожитых лет можно посмотреть на те события спокойно и отстраненно. И улыбнуться! А улыбнуться есть чему. Сколько там было удивительного!

Работали мы несколько лет подряд и уже где-то на пятый год обнаглели до того, что не стали писать сценарий. Вообще! Сейчас такое дико даже вспоминать. А тогда... Нет, ну, Дед Мороз и Снегурочка – это святое, конечно, а там... Каждый решал для себя, кем он будет еще. Мол, по ходу дела под елкой разберемся. Наглеж полный! Но, во-первых, мы были молоды и талантливы. А во-вторых, это хоть как-то привносило свежую струю в избитую годами тематику. И вот... Да, еще напомним, что это было время всеобщего дефицита, и с нами расплачивались, кто чем мог. Кто деньгами. Кто селедкой. Кто гречкой. Пуховиками. Сахаром. А кто и спиртом. Вот такой тогда был гонорар. Кошмар, короче.

И вот накануне первого утренника нам выдали этот самый спирт. А сценария еще нету. И мы уломали директоршу нашей команды обмыть несуществующий сценарий. Обмыть то, чего еще нет. Типа, мы сейчас выпьем – и одним махом такого наваяем! В вечность уйдет этот сценарий! Уговаривали-умоляли-клялись. Сдалась она. После третьего стакана мы совершенно охладели к сценарию: а, будь что будет! Хорошо сидим! Директорша и кричала, и стыдила. А мы, наглецы: «Да успокойся, Танюха. Ты меня знаешь! Да чтоб я!.. Да чтоб мы!.. Да мы завтра!..» Отобрала она у нас остатки, а что толку? Сценария-то нет.

Наступил первый утренник. Премьера, так сказать. В каком-то красном уголке какой-то ПМК в 8.00 утра. Куда-то привезли нас в утренних потемках. После вчерашнего спирта настроение в восемь утра было, сами понимаете... Так вот, о сценарии. Елочка. Родители. Дети зайчики-белочки-снежинки. Выпустили мы на первой же минуте, чтоб не заморачиваться, к детям Деда Мороза. За ним вышла Снегурочка. Идет действие. Хороводы, загадки, игры. Должен появиться герой типа Бабы-яги, как обычно принято, для контраста. Режиссура, куда от нее денешься? Самое интересное заключается в том, что находящийся в зале Дед Мороз понятия не имеет, кто к нему сейчас выйдет. Не вру! И вот появляется этот герой. Это нечто! На голове перья. Усы намалеваны. Хвост длинный, как у коровы. «А вот и я!» Дед Мороз и так после вчерашнего спирта плохо соображает, а тут... Кто это? Что это? «А вот и я!» Дед Мороз обернулся, и ужас застыл в его глазах. Кто перед ним? Как это чудо в перьях зовут? Как к нему обращаться?! На лбу же не написано... Секундная пауза, и... И Дед Мороз – Серега, остроумнейший человек! – все-таки нашелся, что сказать. Помните, на приеме у психиатра в кино? Вот и Серега спросил с такой же интонацией психиатра: «И кто-о-о-о мы сего-о-одня?» Мы за кулисами попадали от смеха! А это чудо отвечает: «Я – воробушек». С коровьим хвостом... Еще лет десять, встречаясь где-нибудь в магазине, мы приветствовали друг друга этой фразой: «И кто-о-о-о мы сего-о-одня?»

На одном из утренников в таком же красном уголке какого-то учреждения фурор произвел мальчик, пришедший в костюме пожарного. Костюм был просто изумительный! Сапоги-бахилица. Скафандр, как у космонавта. Краги-руковицы. Шлем с забралом и с защитной оболочкой. Родители потрудились на славу! И для полного правдоподобия у него был огнетушитель. Огромный такой. Красный. Пока мальчик скакал-хороводил, огнетушитель был у родителей. А у нас был режиссерский ход – «защита костюма». Каждый герой, прежде чем получить подарок от Деда Мороза за костюм, должен был изобразить-оправдать свой костюм. Снежинки

кружились в танце. Собачки гавкали. Рыцари размахивали мечами и так далее. И вот подошла очередь Пожарного. Вышел мальчик с этим огнетушителем, и Серега – Дед Мороз не успел и слова сказать, как мальчик хряс-с-с-сь огнетушителем об пол. И как шибанет пена в морду Деду Морозу! Дед Мороз – с копыт. Дым. Вонь. Весь зал ломанулся, кто куда. Пацаненок стоит, машет этой душой налево-направо. Дымище! Где там папа? Где мама? Паника! Ничего не видать вообще. Гости врассыпную, все в белом. Крик! Рев! Какой утренник к чертям, тут бы живым остаться. Жаль, не было в то время телефонов. Очень жаль. Вот было бы видео на память! С месяц потом этот зал отмывали-отскабливали. До весны в конторе было не продохнуть, вонища стояла.

Ну и напоследок немного пикантного, так сказать. Работали мы утренники в одной из школ. Это очень удобно. Во-первых, никуда не надо мотаться. Классов много, как конвейер, с утра до вечера дети идут чередом. Тяжело, но... Дня три-четыре всё идет в одном помещении. Во-вторых, дети организованы – учителя рядом. И вот в спортзале на первом этаже установлена елка. Тут же гримерка рядом. Директор школы, красивая элегантная дама, великодушно уступила нам свой кабинет на это время. Идут утренники. По сценарию начинают действие Баба-яга с Кикиморой. В этих ролях занята наша семейная пара артистов Серега и Лена. Бегают среди ребятишек. Играют, прыгают с ними. А потом мы с Несмеяной их меняем, и они уходят переодеваться в Деда Мороза и Снегурочку в кабинет директора-гримерку. Всё уже отработано до мелочей. Всё рассчитано по секундам. И вот однажды идет утренник. Серега с Леной заводят зал. Игры, шутки, загадки. Всё как по нотам. Всем весело. По сценарию появляемся мы и прогоняем эту нечисть прочь. Они с криком убегают в гримерку, а мы дальше играем с публикой. Заполняем паузу, пока они переоденутся в Деда Мороза и Снегурочку. И вот они переодеваются в кабинете директора. Муж и жена. Быстро скидывают с себя всё мокрое от пота одеяние персонажей. Серега в плавках. И Лена соответственно. Давай-давай! Быстрей-быстрей! Как Никита Михалков в купе поезда с Гурченко в «Вокзале для двоих», помните? Давай-давай-давай! Сама-сама-сама! Быстрей-быстрей-быстрей! «Сережа, застегни мне...» Сережа начинает застегивать жене-Снегурочке бюстгальтер, и в это мгновение открывается дверь. «Вызывали, Наталья Петро...» Мужик в дверях на пороге! За руку пацана держит. Немая сцена в «Ревизоре» – это вообще ни о чем, тьфу. А тут! В кабинете директора школы. Голый дяденька. С голой тетенькой. Это ж надо! А меня вызвали из-за каких-то двоек?.. Мужик подобрал с пола свою челюсть. Посмотрел еще раз на дверь. Перечитал табличку на ней: «Директор Морозова Н. П.» И тихо-тихо, бесшумно-бесшумно прикрыл дверь и уплыл в небытие. А о чем подумал пацаненок, история умалчивает. Занавес...

Глава третья. «Какие люди!»

Какие люди в Голливуде!
У нас тут хоть и не Голливуд, но...
Милости просим!

Геракл

Любит у нас шутить матушка-природа. Ох, любит! Порой даже не знаешь, как к ее шуткам и относиться-то. Одноклассница моя Люба Курочкина вышла замуж и стала Петушковой. Даже не мадам Петуховой, а Петушковой! Курочкина Люба. На первой парте сидела. А Витька Петушков на камчатке все десять лет. А Лева Задов? Историческая, неординарная и даже в чем-то героическая личность, а фамилия?.. Ну как герой революции может носить фамилию Жо... Задов?! Так и остался Лева ярым махновцем. Первый секретарь Ленинградского обкома партии Григорий Романов всю свою карьеру мечтал стать генсеком. Ага, щас! Управлять страной развитого социализма с такой-то фамилией?! Еще один Романов у власти?! Повторение истории в виде фарса?! Один Романов у нас уже был, спасибо! С одной стороны, вроде и смешно, а с другой?..

Или взять вот Яшку нашего. С фамилией у него всё было в порядке Иванов, не придерешься. А в остальном... Кто его в четвертом классе на уроке истории за язычок дергал? Учительница Мария Александровна рассказывала на одном из уроков про Геракла. Про подвиги его и прочая. Весь класс слушал и не дышал. Яшка наш тоже поначалу молчал и не дышал. А потом взял и выдохнул: «Хочу быть Гераклом!» И всё. Хана пришла парню. С тех пор его не иначе как Геракл и стали звать в округе все, кто хоть как-то умел разговаривать. Мария Александровна первая и начала эту эпопею. Как говорится, учительница первая моя. Ну, Геракл, иди к доске! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

И еще ладно бы ростом своим более-менее соответствовал прозвищу, так нет же. Сложилось впечатление, что после той злополучной фразы в четвертом классе про «хочу быть Гераклом» Яшка так больше и не вырос. Видимо, матушка-природа решила развлекаться по полной программе. Если про людей с маленьким ростиком принято в народе говорить, мол, от горшка два вершка, то про нашего Яшку смело можно было сказать, что он и ростом-то был с этот самый горшок. Вот такой вот Геракл! Парни уже за девчатами бегали, а он всё на велике «Школьник» рассекал. Одноклассники Яшкины уже по пятому разу «Анжелику» пересмотрели, а его тетки-контролерши за шкварник с крыльца кинотеатра в тот же пятый раз выкидывали, как нашкодившего котенка. И паспорт летел в догонку с воплями типа «в милицию сообщим за подделку документов». Ишь, фотокарточку еще приклеил! Геракл, тоже мне!

Дело дошло до того, что Яшку-Геракла и в армию не взяли из-за маленького роста. Но автошколу он успел-таки закончить, и дали ему старенький «газон» в местной АТК. Всем гаражом по утрам ржали мужики-шофера, наблюдая картину, как Яшка рукояткой – кривым стартером заводил своего четырехколесного друга. Висел-брыкался он на этой рукоятке до тех пор, пока, устав хохотать, кто-нибудь из коллег не подходил и не проворачивал рукоятку вместе с повисшим на ней незадачливым водилой. Гаишников в то время на дорогах было не так много, как сейчас, но и те, что были, поражались, останавливая машину, ехавшую без водителя. Яшку просто за баранкой было не видно через лобовое стекло, поэтому казалось, что машина едет самостоятельно. И как Яшка умудрялся доставать ногами до педалей, осталось загадкой на веки вечные.

Шло время. Яшка-Геракл потихонечку шоферил, отвлекаясь от этого занятия только на рыбалку и на танцплощадку. Причем на танцплощадку Яшка ходил чисто символически: партнерши для медляка в местном парке ему просто не было опять же по причине маленького роста. А скакать шейки в общей массе наш Геракл считал занятием ниже своего достоинства. В редких драках Яшка тоже не участвовал, так как из-за роста его бойцы тупо отшвыривали в кусты, брезгуя врезать этой малявке, как следует. Кое-какие кодексы чести в те времена еще соблюдались хотя бы через раз.

Шло время. Когда мы слышим фразу «любовь нечаянно нагрянет», то у нас возникают, как правило, ассоциации в двух вариантах. Первый – это всё, мол, заезженная фраза. Так не бывает, мол. И второй вариант: а я вот помню у кого-то из моих знакомых... Если же подходить с этими вариантами к нашему Яшке-Гераклу, то любовь нагрянула к нему настолько нечаянно, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. Но мы описать всё же попробуем.

В те почти былинные времена каждый год шоферов отправляли на уборку. То есть из краевых и районных центров отправлялись массово автомашины с их водителями в окрестные – и не совсем – колхозы и совхозы на битву за урожай. Расселялись эти водилы на квартирах местных селян и селянок с соответствующими бытовыми условиями. Столовались они тоже в этих же селах. Без отрыва от производства, в прямом смысле слова. Всем было удобно: и хозяйевам за это государство что-то там платило, и квартиранты кушали домашнюю пищу. От рассвета до заката возили с полей зерно или кукурузный силос, в перерывах между пьянками и практически поголовном бл... гулянии, простите, по чужим местным разведенкам.

И о погоде. Если шли дожди, то битва за урожай автоматически перерастала в битву за разведенков. В дожди какая уборка? А вот гульнуть вдаль от жены – самый сезон! Что может быть лучше плохой погоды? Яшка наш, стоит заметить, пьянок не пропускал, а вот в бл... гулянии, простите, по бабам замечен не был. Хотя гулять по разведенкам у него в ту осень и смысла-то не было. Поскольку к одной вот такой разведенке его и поселили. Имя у этой сельской дамы было просто уникальным. Звали ее... Минуточку!.. Звали ее Домна. Домна Ивановна. И, глядя на нее обескураживающую комплекцию, вопросов и сомнений насчет имени не возникало. Размером эта Домна Ивановна была почти что с настоящую доменную печь где-нибудь в Магнитогорске. А тут Яшка с его метром с кепкой. У нее только один кулак был вдвое больше головы нашего с вами Геракла! Но, друзья! Но!.. Не подумайте плохого. Напомню, времена стояли почти былинные, и чтобы мужик выбрал себе в жены, скажем, или для иных забав, женщину вдвое старше себя... Вы что? Не наши это были времена! Не сегодняшние, когда сплошь и рядом. Впрочем, не будем отвлекаться. Так вот, у этой Домны Ивановны была дочь. До мамы ей было далеко, конечно, но дистрофией она тоже не страдала. Плюс была она беременной. И «плюс» этот сидел у нее практически на носу. Вот-вот уже, мол. И, как в те же былинные времена, ни мужа у нее, ни парня заваливающего. Вот примерно такая картина.

И в одну из ночей просыпается Яшка от крика бабьего и визга. Яшенька, спасай! Спасай, миленький ты мой! А?! Кого? Кому? Нюрка рожает! В роддоме надо. Как? Кого рождает? А до утра никак не... Какое утро, милый? Щас роды принимать будешь! Давай, заводи свою колымагу. В район надо, в роддом. А то не ровен час. Ну че, делать нечего. Повез наш Геракл Домны Ивановну дочку в роддом. А потом как по писаному. Уболтала-уговорила Домна Ивановна Яшку забрать молодую мамашку с новорожденным из роддома. Помогли, Яшенька! Нужно, чтобы всё было как у людей. Что люди подумают? Спросят же, кто отец. Разговоры пойдут. А народ у нас сам знаешь какой! Нюрка же не виновата. Я ее, дуру, предупреждала тогда. Как сына прошу, Яшенька! Хочешь, на колени перед тобой встану?

Куда деваться бедному Гераклу? Нарядили его, как путного. Сапоги-прохаря. Кепка. Рубаха «с петухами». Цветок в петлице пинджаса. Вылитый Петр Алейников – Ваня Курский! Только маленький. Всунула Домна Ивановна ему в последний момент коробку с конфетами и шампанское. Приняли роддомовские акушерки Яшку, как всамделишного папашу. Вручили ему сверток: вот, держи! Вылитый батя!

А потом зарядили дожди и... Днями делать было абсолютно нечего. По бабам Яшка не гулял. Ехать домой на побывку было не к кому. Домна Ивановна времени зря не теряла и, включив всю бабью и материнскую мудрость, то и дело отправляла гулять с младенцем дочь свою с милым и безотказным постояльцем. Причем, настолько безотказным, что... И так Домна Ивановна к нему, и этак. Короче, женила она их! Самым бесцеремонным образом. При-

перла к стенке нашего Геракла. Яша, Яшенька, ты только меня выслушай! И разложила ему всё по полочкам. Все плюсы и минусы. А самый главный плюс был просто убойным: выхлопотала Домна Ивановна каким-то образом молодой паре комнату в бараке. Отдельную! С отдельным входом. С первых секунд нашла общий язык с Яшкиными родителями. Сулилась подарить молодым корову. А что, Яшка? Женись, чего от добра добра искать? После второй рюмки Яшкин батя становился Сократом. Девка она справная. Корову подарят. Хоть молока вдоволь напьешься. Один пацан уже есть. Потом еще своего строганешь. А любовь?.. Опрокинул батя еще рюмку и выдохнул. А есть ли она, любовь эта? Боязливо обернулся в сторону кухни, где весело хлопотали новоявленные сваты. Стерпится – слюбится, сынок! Вот увидишь. И надо признать, что батя-Сократ оказался прав. И стерпелось. И слюбилось.

* * *

Дело молодое. Все-таки не зря народ придумал эту фразу. В смысле «молодые сами разберутся». Вот и наши молодые как-то сразу нашли общий язык. Яшка принял пацаненка, как родного. Тем более что Колька действительно был на него похож. Нюра оказалась женщиной тихой и покладистой. Самое главное, что она влюбилась в Яшку по-настоящему! Сама к себе порой прислушивалась и понимала, что тоскует, когда его долго нет с работы. Выглядывает в окно. Несколько раз подогревает остывающий ужин. Ночью, проснувшись к малышу, подолгу смотрит на спящего мужа и чувствует, как в груди что-то замирает. Да и было от чего замирать! В любой ситуации Яшка-Геракл не терял присутствия духа. Веселый и жизнерадостный он заражал своей энергией окружающих. Заводился с пол-оборота на каждую шутку. Был душой любой компании, в которые молодую семью приглашали с удовольствием. Правда, душой компании он был до тех пор, пока... Хмелел он мгновенно. То ли по причине комплекции, то ли гены какие. Напившись, вел себя тихо-мирно. Не орал. Столов не переворачивал. Захмелев, Яшка тихо, как кошка, выбирал себе место. Там, где было безопаснее. Бродил по углам, примеривался. Чтобы никто его в плясовом азарте не растоптал к чертям собачьим. А потом посапывал где-нибудь под кроватью, не привлекая лишнего внимания. Лежал там до тех пор, пока жена Нюра, напевшись и наплясавшись до коликов, не взваливала себе на плечо легкое тельце своего Геракла и не отправлялась с этой ношей в ночь. Утром с помощью рассола или морса возвращала Геракла к жизни и...

Кино по выходным. Редкие походы на концерты невесть каким ветром занесенных в их края артистов. Грибы-ягоды. Свињи-куры-огород. Всё как у всех. Но не всё. И не как у всех! Отправили Яшку на уборку следующей осенью. И отправили не в соседний колхоз, а прям чуть ли не на край света – в другой конец края, за шестьсот (!) километров от родного дома. Ох и переживала Нюра! Куда его там поселят? К кому? Хорошо она помнила свою прошлогоднюю историю! Старалась вида не подавать, но плакала ночами перед отъездом мужа в три ручья. Вышли они с Колей провожать папку на рассвете, стоят. И... Ну что ты реवेशь? А у Яшки самого тоже ком в горле. Не на войну ведь провожаешь. Стоят, молчат. Колька ручонки тянет. И что вы думаете? Приехал Яшка к молодой жене через неделю на побывку. За шестьсот километров приехал! Потерял по дороге задний борт от кузова, но приехал же. И гостинцев Кольке привез – полную фуражку красных крупных ранеток. Это ли не любовь, друзья? Там дожди у них зарядили, сказал. И он, единственный из всей автоколонны... (О как! Единственный!) Пока остальные мужики... Впрочем, не будем повторяться. Вот такая у них была любовь!

Теща Домна Ивановна, надо отдать ей должное, старалась молодым не докучать и в гости приезжала редко. Идиллия, можно сказать, но... С Гераклами скучать не приходится! Это знали еще Герион и Диомед. Познала это и Нюра. Лето. Вечер. Ну нет и нет его с работы. Где пропал? Куда запропастился? Девять часов вечера. Нету Яши. Десять. Нету. Одиннадцать. Уж полночь близится, как говорится. Беспокоится Нюра. Да и не только Нюра, собака вон

на цепи в ограде беспокоится. Как чует что-то Дружок. Выйдет Нюра за калитку, постоит, послушает вой Дружка. Нехорошо как-то на душе. Пошла она в этот чертов гараж среди ночи. Благо, не очень далеко от барака. Сторож долго выпрашивал, кто да что. Светил фонариком. А, Нюрка! Чего тебе не спится? А твой ушел. Давно ушел? Давно. Еще светло было. Ушел – в смысле уполз. С Лехой.

Поплелась Нюра к Лехе. Там тоже спали не все. Наслушалась от Лехиной Зинки такого! И про Леху. Чтоб он сдох, кобель! И про Яшу своего. Ох, нахлебаешься ты, Нюрка, со своим Гераклом! Ох, нахлебаешься. Беги от него, пока не поздно. Я бы давно от своего алкаша ушла, да кому я нужна с тремя детьми. А моего не было у вас, Зин? Не было. Да он и трезвый-то меня боится, а тут. Мой на карачках приполз. Вон в сенях почивать изволит. Погоди, спрошу. Зинка загремела ведрами в сенях. Потом раздалось ворчание. Потом... Ты Геракла где потерял? Кого? Геракла где потерял, я спрашиваю? Какого Геракла? Греческого Геракла, какого... Греческого?! Яшку Геракла где потерял? Яшку?! Да, Яшку! Или Геракла? Ты дураком-то не прикидывайся! Где Геракл, спрашиваю? Какой Геракл? Яшка! Яшка или Геракл? Я тебе сейчас память налажу! Ты у меня сейчас...

Загремели ведра. Поднялся визг. Нюра поплелась домой. На часах полтретьего ночи. Яши нету. Собака воет. Что делать? Куда звонить? Да и откуда в бараке телефон?.. Вышла на крыльцо. Дружок, бедный, воем исходит. Подошла, погладила. Вроде легче стало. Всё не одна. Промаялась Нюра до рассвета. Так и не смогла даже задремать под вой да скулеж этот собачий. Решила идти завтра в милицию. Пропал муж, так и так, мол. Помогите найти, мол. Ох...

Вышла на крыльцо утром. Свернулся клубком Дружок возле будки. Умаялся за ночь, бедный. Надо ему костей вынести. Там вроде остал... Опа! Ну-ка, ну-ка? А это что такое из будки торчит? Вроде как ботинки Яшины? Ну-ку, ну-ка! Подошла Нюра к будке собачьей, а из будки храп богатырский разносится. Смотрит Нюра и глазам своим не верит. Будка собачья. Рядом пес калачиком свернулся. А из будки этой ноги торчат. И не просто ноги, а самые любимые ноги на свете. Мужнины ноги! Геракловы!

Солнце встает, сверкая банками на заборе. Где-то пропели петухи. Промычала корова. И так тепло стало у Нюры на душе! Отцепила она Дружка с цепи. Рванул пес, не веря своему счастью. А Нюра стоит, тоже счастью своему не верит. Вот оно – счастье! Самое настоящее бабье счастье. Только руку протяни! В собачьей будке это Нюрино счастье. Пес к ногам ластится. Иди, Дружок, побегай! Отведи душу за всех нас. А Яша... Яша пусть поспит. Суббота сегодня. Как говорится, у Геракла выходной – пуговицы в ряд! Ох. Где там у меня рассол?..

* * *

Людей маленького роста принято жалеть. Вот, дескать, не повезло человеку. Все большие и длинные, а он... Как же ему тяжело в этом огромном мире, бедненькому. Ну, не скажите! Вот нашего Яшку-Геракла только рост и спасал порой от крупных неприятностей. Причем не однажды. Подпил он летом как-то малёха. С кем не бывает. И на мотоцикл – прыг! Погонял по улицам, потарахтел и... Натарахтел на свою шею гаишников. Откуда они вынырнули? И ему на хвост плотно так сели. Он в переулочек – они за ним. Он по асфальту – они за ним. И давай он к спасительному дому пробираться. Вылетел на свою улицу – они за ним. Он сдуру к родной калитке в азарте – они за ним. Бросил он мотоцикл и в квартиру шмыг! А дальше-то куда? В шкаф? Смешно. В подполье? Найдут. Вон они уже в сенях сапогами гремят. Глянул по углам Яшка-Геракл. Ну! Думай, Яша, думай! Ну! Опять по углам глазами пошарил. Смотрит и... Колькин горшок стоит. Мгновенно снял Яшка штаны и... И сел на горшок. Глаза в пол. Менты влетают, видят: пацан на горшке. Папка дома? Нету. А где он? В огороде побежал. Менты топ-

топ-топ-топ и свалили. И смех и грех. Потом, конечно, разбирались, но проспаться-то он успел! Трезвому-то куда проще отбрезхаться.

В другой раз не до смеха было. Летел он с крутой горы на лесовозе в реку – тормоза отказали! Впереди река, за спиной полная машина бревен. Влетел он в воду на полном ходу, затормозил таким образом, а брёвна... Брёвна эти по инерции кабину-то и снесли. Подчистую. Успел Яшка вжаться в сиденье, как мог и... Вылез из-под бревен мокрющий и весь в смоле, но!.. Без единой царапины. Человек с нормальным ростом так никогда бы не смог, а он... Вот тебе и Геракл!

Ну а в тот день... Отправили Яшку очередной осенью на очередную уборку. Только в этот раз недалеко от дома и не силос нюхать, а прикомандировали его к дояркам. Утром и вечером возить их в летний лагерь на дойку. Работа – не бей лежачего! Утром отвез и до вечера свободен. Когда-никогда попросят конторских женщин в город отвезти, а так... Место для рыбалки за деревней подобрал себе наш Яшка, и все уже знали, где его можно всегда найти, если что. А тут дождь с утра – какая рыбалка? Выспался за день наш маленький Геракл в кабинке «газика» своего. Установил к вечеру фанерную будку в кузов от дождя. Охапку соломы бросил для сухости. Собрал к вечерней дойке доярок по всей деревне, и поехали они. И вот надо же было так случиться, что, съезжая с крутояра, понесло Яшкин «газик» по скользкой глине в пропасть. В самую настоящую пропасть в глухой сибирской тайге! В здоровенный такой обрыв.

Как так случилось, Яшка даже не понял, но... Волокет его юзом в эту бездну так, что ни тормоза, ни руль никакой роли уже не играют. Машина сама по себе – водитель сам по себе Ливень хлещет в глаза, ничего в метре от себя не видать. Гром гремит. Молнии сверкают. Мотор визжит из последних сил. Орет он девчатам, чтобы прыгали из кузова, но... Дождь градом стучит по кабинке и будке, хоть заорись. Сидят себе они там в тепле и уюте. Песни напевают. А машину безнадежно тянет в эту страшную пропасть. И видит Яшка, что всё. Прыгать из кабинки надо, иначе полный капец ему, но как ты прыгнешь, когда в кузове у тебя с десяток молодых красивых жизней? И ты, как водитель и мужчина, за них отвечаешь головой. А природный инстинкт набатом кричит в Яшкином мозгу, дескать, прыгай, дурак! Прыгай, если жить хочешь, идиот! А кто не хочет? Ну, Яшка! Ну, Геракл!

«Прыгай!» – взывает разум. «Прыгай, черт!» – умоляет организм. «Прыгай, сука!» – заклинает здравый смысл. «Прыгай, идиот!» – кричит криком подсознание. «Миленький!» – плачет в сердце Нюра. «Папка!» – кричит в мозгах Колька. Ну!!! Прыга-а-а-а-ай!!!

И Яшка прыгнул! Прыгнул. Под колеса. Под колеса своего же «газика». Телом своим, как бревном-препятствием, остановил-заклинил сползание машины в бездну. Просто и тупо. Лег под колеса – и всё. Всё! И заглох...

На Земле безжалостно маленькой жил-да-был человек маленький... Вытащили врачи Яшку с того света. Чудом, но спасли. Свинтили-собрали-склеили. Домна Ивановна – теща, мудрейший человек – выходила его своими травами-кореньями. И Нюра отогрела его своею любовью. Колька глазищами своими вернул его в реальность. Выползает иной раз Яшка-Геракл на завалинку со своим костылем. Шугает ребятишек. Щурится на солнце. Улыбается. Изредка отворачивает лацкан своего пиджака. Того самого, в котором еще Нюру из роддома забирал. И любит. Любуется медалью.

Вручили ему тогда все-таки медаль в клубе после выписки из больницы! Специально его с женой из дома в деревню эту привезли на директорской «Волге». Рукоплескал ему весь многочисленный деревенский народ! Целовали-обнимали его спасенные доярки. Плакали в уголочке Нюра с Колькой. Сам Геракл стоял посреди сцены смущенный и красный, как кумач. Прицепил ему медаль на грудь какой-то важный чин из самого крайисполкома. Потом концерт.

Млеет Яшка на солнышке. Щурится. Перебирает пальцами медаль. И надпись на ней читает-перечитывает по сотому разу: «За спасение утопающих». Каких утопающих? От кого спасение? Эх-х-х. Всё у них, у Гераклов, не как у людей. Впрочем, какая разница, как эта

медаль называется? Важно то, что есть поступок. Подвиг, если выразиться высоким штилем. Тринадцатый подвиг Геракла! А медаль... Маленькая медаль... Маленькая медаль для маленького человека всё же лучше. Пусть даже и за спасение утопающих. Всё же лучше, чем... Чем огромный памятник из мрамора в полный рост. Согласны?

Тутанхамон

За всю свою жизнь я помню всего лишь три случая, когда по вечерам в одно мгновение пустели дворы. И все эти случаи связаны с телепередачами. Первый случай, в начале семидесятых, это когда в эфир вышел легендарный фильм «Семнадцать мгновений весны». Помните, как становилось тихо во дворах в те вечера? Детвора и взрослые летели сломя голову к экранам телевизора, как только звучал голос Иосифа Кобзона. И если «Штирлицада» длилась две с половиной недели, то второй такой случай длился всего один вечер, но зато какой! Третье августа 1980 года. Да, вы правы! Это было закрытие московской Олимпиады. Тот самый вечер, когда мы все плакали, прощаясь с олимпийским Мишей. Помните те кадры? Слезы зрителей на трибунах Лужников. Проникающие в самое сердце голоса Татьяны Анциферовой и Льва Лещенко. И слеза, скатившаяся по мозаике, выстроенной из картонок. Я тогда, помню, молодой и шепотной, специально высунул в форточку голову, чтобы убедиться в пустоте улиц. Ни ребятни на качелях, ни бабулек у подъезда.

Ну а третий раз опустошение улиц происходило уже в конце восьмидесятых. Помните это «славное» время? С пустыми прилавками и талонами. С дичайшими очередями за водкой и бесконечными съездами. Время растерянности и время надежд. И единственной надеждой на светлое будущее у нас вдруг стал... Анатолий Михайлович Кашпировский! Помните такого? Помните его завораживающее «даю устаноуку»? Мы старались загодя переделать всей семьей свои дела. Усаживались у телевизора. И начиналось! Кто-то этому психотерапевту верил, кто-то нет. Но смотрели все. Потом всё это, как и любое другое поветрие, прошло и забылось, но... Лет через двадцать мне пришлось вспомнить об этом на полном серьезе. И, не поверите, самому побывать в роли знаменитого психотерапевта.

Занесло меня в очередной раз со своими болячками в одну сельскую больницу. А что такое больница, друзья? Это, прежде всего, конечно, надежда на выздоровление. Первые три-четыре дня все мысли только об этом. Уколы, капельницы, процедуры. А потом, когда стараниями врачей ты начинаешь потихоньку возвращаться к жизни, ты уже начинаешь смотреть по сторонам. В углу холодильник. На столе маленький телевизор. На подоконнике шахматная доска. Отмечаешь внешность молоденьких медсестер. Ворчливость нянечек-уборщиц. Ну и, естественно, начинаешь общаться со своими товарищами по несчастью, соседями по палате то бишь. А соседи по палате встречаются иной раз такой высокой степени колоритности, что воленс-неволенс остаются в памяти навсегда.

Вот и на этот раз моим соседом оказался дедок – божий одуванчик. Дядя Гриша. На вид ему было лет двести, если не больше. Сухонький такой старичок. Беззвучный и неслышный, как степной ковыль. Ни звука, ни шороха. Тень – не тень. Дым – не дым. Ни храпа, ни сопения, ни придыхания. Лежит себе сутками, глаза в потолок. Я первое время даже рукой перед его лицом махал, чтобы определить, жив он или уже того. Лежит себе беззвучно. Не читает, не ворчит. Тупо лежит – и всё! Поначалу я не мог понять, что мне эта картина напоминает. А потом дошло. Вспомнил! Видел я на каком-то фото, как Говард Картер сидит рядом с лежащим Тутанхамоном в только что открытой им гробнице. Та же картина! Только вместо Картера рядом сижу я. А самое главное заключалось в том, что дядя Гриша этот совершенно случайно оказался родным дедушкой моей бывшей ученицы, которая приехала на лето в эту деревню помочь бабушке по хозяйству. Она его в эту больницу и сдала, а тут я. Вот и попросила меня присмотреть за дедушкой, взять над ним как бы шефство. В качестве гонорара за мое усердие она подкармливала меня домашними пирожками, фруктами-ягодами со своего сада-огорода. И я по старой дружбе да еще и за такой гонорар... Ну и как откажешь в таком деле? Все мы под богом ходим!

И начал я добросовестно опекать своего старшего товарища. Мыл за ним посуду и уносил ее на кухню. Помогал дяде Грише одеваться-умываться. Водил его в туалет. Водил его из туалета. Когда ему было особенно плохо, кормил его из ложечки, как младенца. И всё это молча. Молча! То есть я-то с ним разговаривал, а в ответ – тишина. В свободное от этих процедур время дедок опять лежал и тупо глядел в потолок, не мигая. В такой позе он мог лежать сутками. Я же говорю, Тутанхамон, ни дать ни взять! Ну или там Рамзес какой-нибудь. Я у телевизора и звук-то не включал, чтобы его не беспокоить. Считаю, всю проходившую тогда Олимпиаду без звука смотрел. Возраст надо уважать, меня так учили.

И в такой вот атмосфере проходит день, другой. Попытался я его вытащить на свежий воздух – куда там! Пытался рассказывать ему анекдоты – никакой реакции. Расставлял перед ним шахматы – ни бум-бум. Смотрит на меня, не мигая, как Савелий Крамаров в «Неуловимых мстителях». «А вдоль дороги мертвые с косами». До жути! И вот тут-то... С чего мне вспомнился вдруг Кашпировский? Начал я с дядей Гришей проводить сеансы. Вроде как бы в шутку. А что, делать всё равно нечего. Здоровье после капельниц-уколов пошло на поправку. Да и соскучился я по своей творческой деятельности. Зря я, что ли, несколько лет пародировал Кашпировского-кормильца на концертах со сцены?

Выглядело это, не поверите, как в каком-нибудь «Аншлаге». Дед лежал на кровати в своей позе. Я ставил стул на стол таким образом, чтобы он напоминал телевизионный экран. И, просовывая голову в спинку стула, я выдавал голосом знаменитого психотерапевта. «Я начну сразу с телеграмм. Любой психотерапевт начинае с телеграмм. Вот такая терехрамма». И далее зачитывал ахиною про то, что надо, мол, двигаться-шевелиться и прочая. Потом звучало заклинание. «Даю устаноуку! Вам хочется сесть на кровати!» Дядя Гриша нагло лежал без реакции, но я не сдавался. «Даю устаноуку!» В палату на мой громоподобный голос заглядывали обалдевшие пациенты и медперсонал. Я, испытывая некоторое вдохновение, приводил главный довод. «Если вы не сядете, то у вас инурез появится». Дяде Грише энурез был по фиг, но в комнату набивалась толпа, и хоть билеты продавай, как на концерт. Смех, хохот, аплодисменты! Все смеялись, хватались за животы, и только дядя Гриша лежал не шелохнувшись. Бабулька-уборщица, утирая слезы, заикаясь и всхлипывая, выдала, что, мол, я сорок лет уже в этой больнице работаю, но увидеть такое даже во сне представить себе не могла.

И такие сеансы-концерты я, выздоравливающий и воодушевленный балбес, выдавал с неделю. В тихий час набивалась полная палата всех ходячих, сырых, больных и здоровых. Сидели-стояли, кто где мог. Дядя Гриша молча лежал на своей кровати. А я выдавал под безумный хохот свой очередной шедевр – «сеанс психотерапии». Заглянул однажды даже главврач. Постоял. Поржал. И махнул рукой.

И что вы думаете? Вы не поверите, друзья! В один прекрасный день Дядя Гриша лежит в своей обычной мизансцене Тутанхамона на кровати, не мигая. Всё как всегда. Я включаю телевизор, как раз идет очередной репортаж с Олимпиады в Пекине. Убираю, как всегда, звук, чтобы ему не мешать и... Опаньки! А сигареты-то закончились! И я бегом в местный магазин. Там пять минут ходу. Купил, бегу обратно. Тороплюсь, чтобы не опоздать к началу трансляции соревнований. Залетаю на второй этаж. Открываю дверь в палату и... Кровать дяди Гриши пуста. Не понял? Он без меня даже в туалет не ходит, а тут... Куда он мо... Поворачиваю голову, а дедок, дядя Гриша мой, степной ковыль который, сидит неподвижно в метре от экрана телевизора и что-то там на экране смотрит. Минуту смотрит. Вторую. Я обалдел! Третью минуту смотрит он в экран, пока я сигареты выкладываю в тумбочку.

Я так медленно, чуть ли не на цыпочках, подхожу к нему со спины. Мне так интересно стало, что он может смотреть на Олимпиаде с таким увлечением? Я за десять дней голоса-то его ни разу не услышал. Что он там может понимать? Что ему может там быть интересно? Футбол? Баскетбол? А он сидит – не дышит. Глянул я на экран, а там... Мама родная! А там, друзья мои, там идет пляжный женский волейбол! Видели хоть раз? Четыре красавицы-волей-

болистки под два метра ростом. Из одежды на них – только мяч. Если не считать две полоски сверху и снизу. Солнце, песок и четыре эти загорелые красотики! И такие там прыгали девахи, доложу я вам. Никакая супер-пупер-модель с ними не сравнится. Тут не только дедок, тут сам Тутанхамон, дай ему волю... И смотрит на них мой дядя Гриша, не отрываясь. Десять минут смотрит. Двадцать. Час смотрит. Час! Целый час, прикинь? Молча, тупо уставившись в экран. Я обалдел: вот это преобразование!

И что вы думаете? Закончился репортаж, и я впервые за эти дни услышал голос моего соседа. Вот если бы настоящий Тутанхамон со мной заговорил, я бы меньше поразился, честное слово! «Сашка». Вот представьте, что с вами вдруг заговорил Герасим из «Муму». Вот так и я – сел в шоке, где стоял. «Сашка. А когда они еще будут прыгать?» И первый раз я увидел в его глазах хоть какой-то смысл! До сих пор я не могу понять, до сих пор, что тогда вернуло дядю Гришу к жизни? Или мой актерский талант в образе Кашпировского, или элементарный мужской природный инстинкт. Не знаю, честно говоря. Не знаю!

А потом мы пили чай почти до полуночи. И дядя Гриша рассказывал мне про свою нелегкую жизнь. Про отца, сгинувшего в тридцатых годах где-то в лагерях. Про погибших на фронте старших братьев. Про голодное послевоенное детство. Про ужасы переезда зимой в телячьем вагоне в Сибирь через всю страну из родной Западной Украины. Про волокуши, за которыми он дневал и ночевал. Из-за которых не пошел даже в школу, и поэтому до сих пор не умеет читать. После этого признания я даже вздрогнул. Подумал, что мне послышалось. Что ты не умеешь? Читать?! Погоди-погоди, дядя Гриша. Вообще не умеешь? Не-а. И букв не знаешь? Не-а. Фигасе. Я даже не знал, как на это и реагировать. Так ты, выходит, даже и «Муму» не читал? Не-а. А что это? Я вскочил, как ошпаренный. Как?! И про Филиппка не знаешь? Не-а. А кто это? Я даже растерялся. Ну а про «Сказку о золотой рыбке» ты хотя бы слышал? Не-а. А что это такое? Я думал, что я сплю и мне всё это снится! «А Ванька Жуков?» – взмолился я. Не-а. А дед Щукар? Не-а. «А Красная Шапочка?» – чуть не плача прошептал я. Не-а.

Я носился по ночной палате из угла в угол разъяренным тигром. И «Однажды в студеную зимнюю пору» ты тоже не зубрил? Не-а. А что это? «А „Скажи-ка, дядя, ведь не даром“?» – с надеждой умолял я. Не-а. А басня «Ворона и лисица»? Не-а. А «Стрекоза и муравей»? Не-а. А «Кот и повар»? Не-а. Я завыл. У-у-у-у-у-у! Начало третьего тысячелетия на дворе! Люди уже по Луне ходят! Овечек клонируют! А про Павлика Морозова ты хоть что-нибудь слышал? Не-а. А кто это? Это был шок. Я и стонал. Я и смеялся. Я и чуть не плакал. Про Чичикова и Анну Каренину я даже и спрашивать не стал. А уж про таблицу умножения... Какие синусы? Какие правила буравчика?! Ё-ка-лэ-мэ-нэ-э-э-э-э! Вот это экспонат! Действительно, Тутанхамон доисторический. Хоть плачь, хоть смейся. Хотя с чего смеяться-то?.. Война. Голод. Волокуши. Не до учебы. Каждая вторая семья в нашей стране всё это прошла. Если не каждая первая. Еле-еле уснул я к утру в ту ночь. А дядя Гриша впервые за отчетный период храпел так, что прибежали снизу на этот грохот отбойного молотка дежурная сестра со сторожем.

Так я и не узнал, что вернуло тогда к жизни этого маленького человечка, хлебнувшего за свою жизнь столько, сколько даже и не снилось всяким там Тутанхамонам или Рамзесам. А окончательно добил меня дядя Гриша рано утром, когда растолкал ото сна. «Слышь, Сашка, – заговорщически прошептал он, оглядываясь на дверь. – Ты это... На». Сунул мне в ладонь какие-то деньги. Сбегай за самогонкой, а? За самогонкой, говорю, сбегай! Дуське-Солдатке скажешь, что ты от меня, мол, пришел. Она нальет. За углом третий дом по правую руку. С кривой трубой. Найдешь. Зеленые ворота. Собаки там нет, не бойся. Дуська-Солдатка, запомнил? Давай, пока самый главный врач не пришел. Давай-давай! А потом придешь и... И тут произошло вообще что-то запредельно-космическое! Мой дядя Гриша-Тутанхамон впервые за всё это время улыбнулся. И мы с тобой, Сашка, когда придешь, в шахматы сыграем. Я один секретный ход знаю, никогда ты у меня не выиграешь. Ни-ко-гда! Дядя Гриша еще раз улыбнулся мне сияющей, как утреннее солнце, улыбкой и... И! И подмигнул мне, прикинь?!

Великолепный Гоша

Любит наш народ всякие определения давать вместо подробной характеристики. Емкое такое определение. Как хлыстом. Недотепа или, скажем, бедолага. Умница или разгильдяй, если не сказать хуже. А есть более добрые и уважительные определения. Например, врач от Бога. Водитель от Бога. Музыкант от Бога. А вот Гоша Шашкин. Про него все, кто его знал, всегда говорили с придыханием и восхищением. Человек от Бога. О как! Ни много ни мало. А Гоша таким и был. С самого детства своего.

В детском садике его любили все нянечки и воспитатели. Тихий, спокойный. Молча выносил нянечке вылизанную до блеска тарелку. Самостоятельно аккуратнее всех заправлял кровать после тихого часа. Танцевал на утренниках всегда в первом ряду. На прогулку одевался самостоятельно. Нянечке не нужно было ломать пальцы, застегивая пуговицы его пальтишка. Вопросов лишних не задавал. Казалось, что и в детский садик он попал по необходимости. На время. Как от дождя спрятался. Где-то же надо переждать эти три-четыре года до школы. Ну и в школе, конечно же, Гоша пользовался не меньшей любовью. Притом что к любви еще и добавилось уважение в силу возрастного развития. С девочками был сдержанно вежлив. С парнями прост и надежен. В драках не уступал, слабых не обижал. Отличником не был, но и в троечниках не числился. Учителя его любили за исполнительность и надежность. Соседи ставили Гошу в пример своим непутевым чадам: «Вставай давай! Вон Гоша с шести часов с тяпкой уже в огороде, а ты?» Или: «Вон Гоша уже корзину грибов приволок, а ты?» А потом армия. Горячая точка. Спецназ. Орден в мирное якобы время. Институт-любовь-диплом-женитьба. Усы и улыбка, как у Кота Леопольда. Семья. Всё как у всех. Преподавал в техникуме. Вкалывал на стройке сварщиком. Даже таксовал. С развалом страны где только ни работал, чтобы кормить семью. Ничего, казалось бы, привлекательного, а поди ж ты.

И на старуху, как говорится... Идут они как-то по уснувшему городу из гостей. Он, жена Танюха и Игорек на руках дремлет. И, как в модном в то время кино «Его зовут Арлекино»: подворотня, толпа подростков с цепями и кольями. Человек двадцать. Лбы и прочая пьяная шваль. Тут и спецназовские навыки не помогут. Против лома куда уж тут. И не убежишь с женой и сыном. Тишина висит гнетущая. Всё. Аллес. Толпа устрашающе надвигается. Гоша, прикрыв жену с сыном, отступает под свет ночного фонаря. Еще мгновение, и эта свора... «Стоя-а-а-а-ать! – писклявый звонкий голос из темноты. – Стоять, пацаны! Это же Гоша. Он нас в техане ОБЖ учил. Это классный мужик, отвечаю». В круг света выскочил взлохмаченный патлатый шпендель. Раздвинул гремящую цепями толпу: «Проходите, Георгий Петрович». И пошел Гоша сквозь строй, держа за руку жену с сыном.

Тишина была такой пронзительной, что Гоша слышал, как у кого-то стучат ходики в открытой форточке. Так и ушли они под стук этих ходиков и Танюхиных каблучков. И уже дома, в тишине постели, Танюха спросила: «А кто этот пацаненок?» «Понятия не имею». А пацаненок, как оказалось, понятие имел. Кто такой Гоша. Он же Георгий Петрович. Он же преподаватель ОБЖ в местном техникуме. Он же «классный мужик, отвечаю!» И он действительно был классным мужиком!

Выпивали как-то на работе. Бухгалтерия. Отдел кадров. Плановый. Типа корпоратив. Проставлялся Гошин начальник: получил он квартиру в новом доме. Трехкомнатную, девки-и-и-и! На шестом этаже, прики-и-и-инь! Событие по тем временам запредельное. Ну, засиделись. Женщины разбежались еще засветло, а они с Гошей... Потом еще по одной. Потом зашли в какую-то забегаловку. Потом еще в «домовую лавку»... И, цепляясь за попутные полисадники, тащил Гоша своего шефа на себе, как та самая санитарка звать Тамарка комбата с поля боя под Курской дугой. Через весь почти город. К тому самому новому дому. Помнил Гоша из адресных реквизитов шефа только одну графу – шестой этаж. И всё. Ни номера подъезда, ни

номера квартиры. Ничего не сказал шеф перед тем, как отправиться в сладостное свое зазеркалье. А как увидел Гоша весь этот дом, то хмель слетел с него в одну секунду. Этажей в том доме было девять. А подъездов... А подъездов... Ща посчитаем. Так. Раз-два-три... При счете «одиннадцать» Гоше стало дурно. Из его головы не то что хмель – разум улетучился окончательно и бесповоротно. Точно он определил только одно обстоятельство: час ночи. И всё. Вперед, Гоша!

Взвалил Гоша своего храпящего командира себе на горб и... А дом-то новый. Лифт еще не подключили. Мама дорогая! Чего задумался, Гоша? Вперед! И начал Гоша считать этажи. Благо, что не девятый озвучил шеф, когда еще был при памяти и сознании, а всего лишь шестой. Подумаешь, мелочь какая! Всего-то шестой! Фи. Не двенадцатый, и то слава богу. В первой квартире в первом подъезде на шестом этаже Гоше в полвторого ночи никто благо-разумно не открыл. Во второй квартире Гоше открыли, но опознать лежащего на полу подъезда якобы их соседа не смогли. Вроде, видел я где-то этого мужика. Может, по телевизору? Через пару-тройку квартир Гоша, уже будучи практически трезвым, сообразил, что его шефа в этом доме могут не опознать никогда вообще. Потому что дом только заселился, и соседи просто физически еще не успели познакомиться. Так что процесс опознания может затянуться на пару недель как минимум.

Где-то в четвертом по счету подъезде, стуча и извиняясь на каждом шагу, Гошу пронзила убийственная мысль. А ведь жена Гошиного шефа не кто иная, как бывшая зампредисполкома. Женщина, известная во всем городе таким крутым нравом, что мало не покажется, если даже Гоша найдет спасительную квартиру и передаст ее благоверного ей из рук в руки в самом прямом смысле. Мало Гоше не покажется. Но бросать товарища – не в Гошиных правилах. За речкой еще и не такому научили. Долго ли, коротко ли, но вышел-таки в шестом часу утра Гоша на человека, опознавшего в шефе соседа. «Да он вроде с соседнего подъезда, – кивнул, подтягивая синие трусы усатый мужик. – Баба на него позавчера орала. Что-то он половик не так вытряхнул, что ли. Здоровая такая бабища. С балкона орала на весь двор так, что хоть уши затыкай. Двойняшки мои в люльке проснулись. Судя по балкону, дверь – как у нас. Найдешь, короче». Помолчал мужик. Посмотрел. И давно ты его так таскаешь? Ничего не ответил Гоша. Обнял молча своего спасителя. Слеза скатилась по небритой щеке, сказал бы поэт. Поволок свою ношу дальше. Как Сизиф.

Запёр на себе шефа по долгожданному адресу. Приставил к двери, как половик, который тот позавчера не так вытряхнул, как хотелось бы жене. Представил единоутробную шефовую супругу, орущую с балкона. Позвонил в дверь. И бегом-бегом на этаж ниже. Прислушался. Тишина. Поднялся на цыпочках еще раз. Позвонил. Ш-ш-ш-шмыг-г-г-г на пятый и затих. «Кто там? – Глухой голос из-за двери. – Валера, это ты?» И от этого голоса Валера мгновенно превратился в сказочного принца! Абсолютно трезвого и никогда не пьющего ничего, кроме кефира, мужа. «Олечка, это я, дорогая». Прям, Гвидон пушкинский, а не бревно, которое таскал на себе Гоша с одиннадцати вечера. Щелк. Скр-р-р-рип. Ах ты, скотина! Я уже все морги обзвон... Да я, Оль... Марш в дом! Хлоп-п-п-п! Фу-у-у-у-у-у. И Гоша – нет, не тенью, дымом – спустился по стене подъезда к выходу, прекрасно понимая, что через два часа ему нужно быть на работе, а его Танюха, конечно же, всё поймет и посмеется вместе с ним. А потом прижмет к его плечу и скажет. «Молодец ты у меня, Гошенька! Я горжусь тобой. Ну как тебя не любить?»

* * *

Известная восточная мудрость гласит: не приведи бог нам жить во времена перемен. А мы жили. И живем. И эти времена перемен закалили нас настолько, что нам уже ничего не страшно. Мы были приучены ко всему. К эквилибристике по головам очередей в магазин во времена сухого закона. К борьбе с нетрудовыми доходами, когда подвезти соседа на своем

родном «запорожце» являлось уголовным преступлением. Когда государству становилось особенно скучно, оно заставляло нас обменивать купюры в три дня, опять же давась в очередях. А уж когда совсем было не вмоготу, то вдруг объявлялся, как черт из табакерки, загадочный ГКЧП. И так по кругу, начиная с 1917 года. Так что мы были готовы ко всему.

Кто-то перемены в стране переживал на старом рабочем месте и ждал чуда. Кто-то менял профессию и вместо фортепиано садился за баранку КамАЗа. Кто-то бросал преподавать в школе и выходил на рынок продавать своим бывшим ученикам жвачку и сигареты. Это было! И в этом не стыдно признаться. Стыдно это не признавать. Гоша тоже сменил работу. Учитывая его боевое прошлое, взяли его в ОМОН. Ни много ни мало. А почему нет? Всё при нем. Навыки. Опыт. Здоровье. Отличные характеристики как письменные, так и устные. Орден опять же. И, как и следовало ожидать, Гошу полюбили и в ОМОНе. И не только бойцы-соратники. За обаятельную леопольдовскую улыбку полюбили его все женщины местного ГОВД, от полковницкой секретарши и до уважаемой во всем городе и его окрестностях главбухши этого самого ГОВД, женщины мудрой и красивой, несмотря на свой пенсионный возраст. Ой, Гошенька! Как вы на сыночка моего похожи! Тоже за речкой был. Там и погиб Коленька-то мой. И полюбила она Гошу, как родного сына. Как родного Коленьку – со всеми вытекающими. То пирожками домашними угостит. Сама пекла сегодня всю ночь, Георгий Петрович. Попробуйте вот эти, с маком. То, озираясь и оглядываясь, сунет ему тайком фляжку. Настойка моя, Гошенька. На грецких орехах. Дома попробуйте с Таней. Коленьку помяните. Годовщина сегодня. То...

Короче, где-то на третьей неделе Гошиной этой службы сидят бойцы ОМОНа в пятницу вечером на дежурстве. Кто чем занят. Телефонов сотовых тогда еще не было, так что... Скукота, стало быть. И вдруг на пульте загорается красная лампочка. Та самая. Самая что ни на есть тревожная! Вызов! Из ресторана «Дружба». Вперед, ребята!.. Попрыгали в автобус со всей амуницией. Каски-маски-щиты-дубинки. А этот ресторан был у местного ГОВД далеко не на лучшем счету. Там что ни выходные, то драки и разборки. Дружба, одним словом. Так что дело привычное. Подлетают к ресторану. Всё, как учили. По всем правилам омовской науки. Влетают, как в боевике Егора Кончаловского «Антикиллер». Со звоном вылетают в окна рамы. Летят, трассируя над паркетом, с грохотом в зале двери. Стоя-а-а-ать! Столы разлетаются по углам. Со столов объедки-закуски летят по стенам. Паника. Визг. Рев. Мужиков без разбору мордой в пол. Женщины сбиваются в беспомощную стайку в центре зала. Как учили!..

Вдруг наступает мертвая тишина. И в этой тишине жа-а-а-а-алобный такой голос той самой главбухши ГОВД. Уважаемой во всем городе. Мудрой и красивой. С пирожками и наливками которая. «Простите меня, Георгий Петрович. Это я нажала тревожную кнопку». Шок – это по-нашему! Заче-е-е-е-е-ем????!!!. Я хотела вас пригласить. У меня сегодня день рождения. Так хотелось, чтобы вы были рядом. Вместо Коленьки моего. Я знала, что так просто вы не придете. Поэтому я подумала, что... И вот... Я... Дура я, конечно-а-а-а-а! О-о-о-й ду-у-ура-а-а-а-а! Прости-и-ите меня-а-а-а, Гео-о-орги-и-и-ий Петро-о-о-ови-и-и-ч...

И ушел Гоша из этого ОМОНа к чертовой матери чуть ли не на следующий день. Не мое это, Танюш. Ну не мое, хоть убей! Ну не могу я, пойми, с дубинкой на человека. Вы или ему дубинку дайте, или у меня ее отберите. Чтобы честно, Таня! Чтобы честно. И куда теперь? К пацанам пойду. Завуч вчера звонила. И ушел Гоша опять в техникум. Преподавать молодежи азы той жизни, в которой сам он был человеком уважаемым, и – дай бог – воспитать там себе подобных.

Так и работал бы Гоша в этом техникуме до самой пенсии, если бы вдруг... Не-е-е-е-ет. В нашей стране никому спокойно жить не дадут ни-ко-гда! Ишь, чего захотели! И подкинула жизнь нашему герою очередную проверку на вшивость. Да еще какую! Не просто тебе испытание типа «Форт Боярд». Что это такое для нас «Форт Боярд»? Тьфу! А тут жизнь подкинула Гоше самое тяжелое испытание – испытание властью. Пригласили уважаемого во всем

городе Георгия Петровича Шашкина в городскую мэрию на должность заместителя мэра. Это вам не конь начхал! А чтобы господин Шашкин долго не раздумывал, подкинули ему из рукава тут же, в одиночасье, джокер в виде коттеджа. За городом, как говорится, под ключ. Танюха была сражена наповал, а Гоша... А Гоша-то был не дурак. И про сыр он помнил. И про мышеловку. Он еще сомневался даже тогда, когда показали ему ключи от новехонькой «Нивы», но... Когда к нему вечером в его хрущобскую «двушку» нагрянула делегация соседей и коллег с просьбой пойти во власть, Гоша сдался. Не мог он людям отказать. Ну никак не мог! Такой вот он уродился. Гоша он, чего вы хотите? Человек от Бога!

А в подзаборных пьянках бывшие Гошины друзья и сослуживцы горячо стали спорить и заключать пари на тему, сразу выкинут оттуда Гошу или засосет его с головой и мы потеряем еще одного порядочного человека. «Знаете, мужики, – начал бывалый монтер-связист, подняв стакан. – Власть – она с человеком, как трясина со столбами-опорами на болоте. Там же как, мужики? Или эту опору сразу засасывает трясина. Или она же выталкивает ее практически сразу. Третьего не дано. Вот и посмотрим, что с Гошей будет. Засосет его власть или выплюнет. Ну, за Гошу!» Надо сказать, что наша местная власть, в отличие от столичной, имеет одну главную особенность – закрытость. Тайна за семью печатями. Ни тебе акул пера Минкиных с Политковскими. Ни тебе даже обычного местного Робин Гуда. Только свой круг. И постороннему человеку практически невозможно узнать, что там делается, в кулуарах этой самой власти. И Гоша, приняв условия этой игры, будучи человеком порядочным и дисциплинированным, даже Танюхе не рассказывал все подноготную. Молчал. Отшучивался и курить начал. Одну за одной. Даже ночью.

А жизнь шла. Обживала чета Шашкиных новый свой дворец. Осваивала положенные к нему шесть соток. Игорек Шашкин стал авторитетом местной детворы, но... Но шило в мешке долго не таятся. И поползли в определенных кругах – у Татьяны в школе и в подзаборных пьянках-саммитах – слухи о том, что недовольны власти новым замом мэра. Недовольны. Мэр вроде как доволен, а вот его окружение... Во-первых, что-то шибко много народа на прием к господину Шашкину ходит. Во-вторых, засиживается он с этим народом чуть ли не до полуночи у себя в кабинете. В-третьих, вопросы в кабинетах господин Шашкин задает не очень-то приятные. Особенно неприятные для начальника управления финансов. Нехорошие слухи поползли по городу. И его недавние друзья и коллеги, опять же под забором, не знали: то ли радоваться им, то ли огорчаться подобному развитию событий. С одной стороны, обидно за толкового парня. Не пошло у него на новом месте, жаль. А с другой стороны: если им недовольны во власти, то значит Гоша-то наш не скурвился. А это и есть самое главное! Человеком оказался наш Гоша Шашкин!

Что происходило в мэрии, оставалось за семью печатями. А со стороны всё выглядело нормально. Георгий Петрович Шашкин выступал перед народом практически постоянно. То на открытии памятника воинам-интернационалистам возлагал традиционный венок. То резал ленточку на открытии детсада. То на открытии шахматного клуба делал символический ход e2 – e4. Всё шло вроде как по маслу, но увидел Гошу однажды Валерий Иванович – тот самый Валера-новосел, которого таскал на себе когда-то Гоша по ночным этажам. И увидел его не в синей новенькой «Ниве», а в городском автобусе, задумчиво смотрящим в окно. И нехорошие сомнения пронзили бывшего Гошиного шефа. Взял он бутылочку виски и отправился тайком от своей Ольги поздно вечером в гости к бывшему подчиненному. До утра они просидели, не осушив и половины емкости. Разговоры. Разговоры. Слово к слову тянется.

Вызвал на днях Гошу уже нынешний шеф. Самый что ни на есть мэр. И... И предложил уйти. Уйти по собственному. По добру – по здорову. Да, Валера. Так и сказал мне открытым текстом. «Пойми, Петрович, – сказал мэр, – когда я тебя звал к себе, всего такого положительного и уважаемого, я даже представить не мог, сколько у тебя врагов!» Молчал Гоша. Даже желваками не играл. А тебя, оказывается, никто и не любит, Гоша. Ни районо. Ни отдел куль-

туры. Ни горздрав. Про финансы вообще молчу. Никто тебя, Петрович, не любит. Кроме учеников твоих да простых людей. А мы, Гоша, извини. Мы, Гоша, команда. Команда! В которую ты не вписался. Ты не обижайся, так бывает. Ты же болельщик? Вспомни Федора Черенкова. Вся страна его любила, помнишь? А на серьезные игры Лобановский его не брал. Так и ты, мой друг. Не готов ты еще пока к серьезным играм. Не готов. Прости. Ничего личного, как говорится. Я надеюсь, ты всё понял. Заявление Галине Васильевне завтра подашь. Я потом подпишу.

Назавтра заявление Гоша подал секретарше мэра в восемь ноль-ноль. А в восемь двадцать к нему уже пришел завхоз за ключами от «Нивы». А в восемь тридцать пять стоял теперь уже бывший заммэра Георгий Петрович Шашкин на крыльце мэрии с трудовой книжкой в руках. Про коттедж пока молчат. Не знаю, Валера, выкинут из него или нет. Ну, давай еще по одной.

Вот так и закончилось хождение во власть нашего героя. Взяли его, слава богу, обратно в техникум. Преподают он в нем на радость пацанам и их родителям до сих пор. И коттедж ему оставили. Как зачет его былых заслуг, наверное. И как ему были рады все его друзья и сослуживцы на очередной пьянке в городских кустах местного парка, открытого, кстати, самим же Гошей месяц тому назад! «Я же говорил, вытолкнет его трясина, не засосет! Ур-р-ра-а-а!» – кричали мужики. Наш человек Гоша! Наш!!! Не скурвился.

Я частенько его вижу из окна. Усы. Улыбка кота Леопольда. Привычный дипломат в руке. Костюм-тройка. Галстук. И глядя на Гошу из окна, я уже больше никогда не сомневаюсь в том, что есть еще среди нас порядочные люди. Есть! И я с одним из таких знаком лично. А вы?

Мой товарищ Глеб Жеглов

К Сергею Довлатову однажды подошел начинающий автор: «Сергей Донатович, хочу написать рассказ, но не знаю, как начать». И мэтр посоветовал: «А вы так и начните: я не знаю, с чего начать». Вот пользуюсь этим советом и я. Я не знаю, с чего начать свой рассказ. Уж больно тема щепетильная. Но она, эта тема, имеет место сплошь и рядом. Тема большая. Тема загадочная. Мы всей страной были влюблены в бесстрашного кумира начала восьмидесятых Глеба Жеглова. Бесстрашного опера-капитана, блистательно сыгранного Владимиром Высоцким. Помните, как он, стреляя на ходу летящего в ночи автобуса из нагана по убегающим преступникам, отвечал на вопрос «как держать тебя, Глеб Егорыч?». Нежно-о-о-о! Но ни в фильме, не в романе «Эра милосердия» ни слова не сказано о том, каким Жеглов был в быту. Ни слова! Так вот о чем я. Был в моей жизни товарищ, такой вот Глеб Жеглов. Звали его Володька Кержак. Одноклассник. И был этот Володька безрассудной храбрости человек. Не боялся подзаборной шпаны. Бесстрашно прыгал с самой высокой вышки на водной станции. Умудрился, будучи еще школьником, завалить на охоте медведя. И не удивительно, что однажды закончилась школа. Армия. Свадьбы. Семьи. Дети. И уже во времена перестройки сижу я вечером в гостинице Красноярска, смотрю краевое наше телевидение. Новости. Какая-то церемония какого-то награждения. И выходит из зала на сцену Володька, одноклассник мой, Кержак. И вручает большой-большой генерал капитану МВД Владимиру Кержакову орден Красной Звезды! За выполнение какого-то задания. За проявленные мужество и героизм и что-то там еще. В мирное время – орден Красной Звезды.

И я, обалдевая от увиденного, бросаюсь к телефону. Лечу в такси. Телецентр. Управление МВД. И нахожу к вечеру героя в ведомственной гостинице. Встреча. Объятия. Ресторан. Бессонная ночь за бутылкой-другой. И рассказывает мне герой-орденоносец: завелся в одном небольшом сибирском городке маньяк. Да-да, самый настоящий маньяк. Серийный маньяк-убийца! О которых мы только читали и слышали, а тут... И посылают из краевого управления молодого старлея с напарником для внедрения в местные преступные структуры. Люди со стороны. В лицо их никто не знает. Работа. У каждого свои хитрости и нюансы. Внедрились они. И так внедрились, что вышли на этого маньяка и... И в результате всевозможных схем и комбинаций вышло так, что в одиночку Володька Кержак гонялся за вооруженным бандитом по подворотням и чердакам в течение двух часов. Получил пулю в плечо, но, истекая кровью, в перестрелке, потом в рукопашной обезвредил преступника, за которым охотились около двух лет. И, слушая его неторопливый и абсолютно бесстрастный рассказ, я... Я испытал какую-то неведомую доселе гордость! До слез, клянусь. Это ж мой одноклассник! Мой школьный товарищ! Земляк! Я с ним даже за одной партией сидел, бывало.

Потом, уже в гостинице, мы с ним просидели до утра, не сомкнув глаз и не захмелев даже. И уходил я от него с таким чувством, что это как будто я, а не он, гонялся по крыше за страшным бандитом. Я вообще первый раз в жизни не только видел живого орденоносца, но и пил с ним водку всю ночь. И остался в моей памяти Володька Кержаков неким таким Глебом Жегловым. Я вспомнил Жеглова-Высоцкого с орденом Красной Звезды на груди на торжественном вечере с дамой под ручку. Вспомнил классический крик Высоцкого Фоксу: «Я показал тебе, как стреляют?» Я вспомнил ответ Жеглова-Высоцкого на кухне коммуналки Зиновию Гердту: «Эра милосердия еще не скоро наступит, Михал Михалыч». Я шел по просыпающемуся городу и чувствовал себя этаким Шариковым. Другом и товарищем самого Жеглова! И уже не Высоцкого-Жеглова, а Жеглова-Кержакова. Вот так как-то.

Шло время. Где-то и как-то по разным поводам встречаясь с одноклассниками, вспоминали мы школьные годы. Дружбу нашу пацанскую. Я с восторгом на застольях рассказывал о подвиге Володьки Кержакова. Мы дружно поднимали стаканы за его здоровье. За храбрость

его и бесстрашие. Мы по возможности следили за успехами и биографией друг друга, но жизнь захватывала нас и окунала в бурлящую реку перемен с такой хаотичностью, что порой не хватало времени осмотреться и подумать над текущей суетой. ГКЧП. 1993 год. Смена власти. Смена государственного строя. Буденновск. Дефолт. «Я устал, я ухожу» в новогоднюю ночь...

Наступил двадцать первый век. И занесло меня по делам в тот самый городок, в котором геройствовал в перестройку легендарный одноклассник Володька Кержаков, а потом так и остался в нем жить, по слухам, женившись на местной красавице. Дела захлестнули, но однажды вечером в гостинице вспомнил я про Володьку Кержака. Годы прошли, правда. А вдруг?.. Делать всё равно нечего. Как его найти? Поехал я на местный вокзал. Подошел к таксистам и назвал его фамилию, мол, как найти парня. Они плечами пожимают: не знаем такого. И... А помните, у вас в городе в перестройку парень маньяка обезвредил, спрашиваю. Что тут началось! Так это же Кержак! Вовка! Он в пятом квартале живет. Садись! Помнило отечество своего героя. Доставил меня водила прямо к подъезду и денег не взял. Как я с кержаковского гостя деньги возьму? Ты что?

Короче. Встреча. Объятия. Застолье. Жена на смене до утра. Дети в деревне. Как ты?.. Где ты?.. Что ты?.. Ушел Володька из милиции сразу после ГКЧП. «Я присягал другой стране», – сказал. Жена задумала эмигрировать в Израиль – он уперся: моя родина здесь. И другой не будет. Так и уехали они с дочкой без него. «Вон фотографию офицера видишь? – ткнул он пальцем в сторону серванта. – Дочь моя. В израильской армии служит». Рассказал Володька, что работает он простым водилой в местном ЖКХ. Жизнь шла. Женился второй раз. Дети. А еще...

Поворот ключа в дверях. Женщина с сумками в проеме кухонной двери. Зина, познакомься, это Саш... «С-с-сука проклятушая! Урод вонючий! Козлина ментовская!» – заорала с порога нечеловеческим голосом Зина. Схватила со стола огромную кружку с морсом и врезала мужу промеж глаз так, что хлынула кровь между его пальцев на лице. Я опешил. Вовка заскулил. Как побитый заяц, прижав уши, побежал в ванную. Она за ним. Там они долго гремели тазами и ведрами. Вылетела она ко мне. Ударить, правда, не посмела, но услышал я о себе много всего разного от женщины, которую видел в первый раз в жизни. Она в бешенстве потащила меня к дверям. Я был в таком шоке, что не успевал даже соображать, что происходит. Выкинула она мне в догонку, с криком и матюгами, мои туфли на площадку. Шляпу с портфелем. Дверь в квартиру с бешеным грохотом захлопнулась.

Сел я на ступеньки, стараясь понять, что произошло. Она за дверью долго еще орала на него, чем-то грохоча на весь дом. Он что-то мямлил, оправдываясь. Я вышел из подъезда. Сел на лавочку. Закурил. Из форточки доносились ругань, визг, вопли и маты. Грохот и звон битого стекла. Война, короче. Его писклявый голос что-то мямлил в оправдание. А я сидел в шоке. Сидел и представлял, как гонялся по крышам за вооруженным преступником окровавленный «летеха» Кержак, еще не знавший, что если он выживет в этой смертельной схватке, то присвоят ему звание капитана и представят к ордену. Не думал он об этом и тогда, когда в рукопашной с одной лишь здоровой рукой сумел скрутить здорового маньяка, который наводил около двух лет ужас на всю округу. Сидел я и вспоминал, как шел на экране телевизора по ковровой дорожке стройный красавец-капитан Владимир Кержаков навстречу ордену Красной Звезды...

Сидел я и слушал его плач и лепет из форточки, не понимая, как, каким образом?.. Уважаемого даже через много лет таксистами местного Глеба Жеглова, кавалера Красной Звезды... Из бесстрашного и гордого парня какая-то сумасбродная истеричка сделала то, что я только что видел собственными глазами?! Я сидел и курил. Вылетел из подъезда Володька. Стал что-то беспомощно лепетать, оглядываясь на форточку. Оттуда рыкнуло: «Марш домой». Он суетливо пожал мою руку и исчез в глубине подъезда. Просто взял и исчез. Из моей жизни. Навсегда. Володька Кержак. Мой товарищ Глеб Жеглов. Однажды придуманный мною...

Минька

«Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы...» Все мы помним эти слова Н. Островского с детства. Даже заучивали их наизусть в школьной программе. Как и другую фразу В. Короленко помним, хоть и не заучивали: «Человек создан для счастья, как птица для полета». А уж третью фразу знал даже самый отпетый двоечник: «Человек – это звучит гордо!» А я эпиграфом для этого своего повествования возьму слова не писателя, но тоже человека не последнего в истории нашей страны. «Эта штука сильнее, чем „Фауст“ Гёте». У нас хоть и не поэма-сказка «Девушка и смерть», но тоже будет не сахар. И ты, мой дорогой читатель и собеседник, в финале рассказа в этом убедишься. Я в этом уверен! Потому что Иоганн Вольфганг Гёте даже в самых своих гениальных снах не мог увидеть того, что мы с тобой встречаем в нашей жизни сплошь и рядом. Начнем? Поехали!

Его отчества не знал в деревне никто. Минька да и Минька. С самого детства. А был этот вихрастый пацаненок, как оказалось, одарен от природы просто необыкновенно. Уникально был одарен, если честно. Рисовал Минька всегда, сколько себя помнил. Его изумительные портреты поразительно похожих на себя родных дедушек-бабушек с пятилетнего возраста висели по всем углам их дома. А красочных и аппетитных пейзажей-натюрмортов было не пересчитать. Плюс Ленины-Сталины всякие, конечно. Но украшением и вершиной его детского творчества была политическая карта мира, срисованная с подлинника-оригинала, висевшего над его кроватью вместо ковра. Он ее срисовал однажды, пока родители были на работе, на противоположной стене. Прямо красками на известку! Замутил чего-то там. Разбавил. Получите! Родители были в шоке. Отец кинулся было снимать ремень, но обошлось, и Минькин шедевр украшал эту стену не один год.

Но этого матушке-природе показалось мало, и она одарила Миньку абсолютным музыкальным слухом. На всех семейных праздниках-гулянках Минька садился рядом с гармонистом дядей Пашей, и однажды доверил ему этот местный виртуоз подержать в руках гармонию, пока он примет очередной стопашок. И по пьяни перепутал. Дал гармонию пацаненку вверх тормашками. И Минька взял эту гармонию, как ему дядя Паша в руки положил, растянул меха и выдал всё, что удалось подслушать за всё это веселое время. Держа гармонию, как говорится, вверх ногами! Эх, его б к Заволокиным, но... Про Заволокиных тогда еще и не слышали, а Минька уже удивлял народ, как в цирке.

Играл Минька на всем, что только могло издавать звуки. Ложки, чашки, тарелки – это было так себе. Пила – это вообще ни о чем. Этим не удивишь. А вот Моцарта на граненом стакане... Знаменитый «Турецкий марш» Минька выдавал так умело и заковыристо, перебирая пальцами, что место ему было уж в цирке точно! Если не в краевой филармонии. Пара-та-та-там. Пара-та-та-там. Люди только диву давались. А дядя Паша в такие минуты, глядя на стакан в Минькиных руках, беззвучно восхищенно матерился. Откладывал в сторону свою гармонию. Хмыкал. И лез куда-то за печку, где у него было всегда заначено «на черный день». Так что, на своем уровне Минька в деревне был популярен с младых ногтей, как говорится.

А тут еще. Будучи пионером, классе в пятом, шел весной Минька через мост. Шел да и шел. И вдруг слышит крик. Визг. Плеск. Где?.. Что?.. Кто?.. И бросился пятиклассник-пионер с этого моста в самую ледяную пучину. И вытащил на берег, стуча зубами, девчужку-одноклассницу. Вот так! Медали ему, правда, не дали, но на школьной линейке директор торжественно вручил ему почетную грамоту и фонарик «Жучок» под аплодисменты и восторженные взгляды всех школьных девчонок.

Но особую любовь и внимание Минька получил от некой Гальки. Да-да! От Гальки, чей статус школьного работника так и остался в тайне от всех учеников. Во-первых, Галька находилась в школе круглосуточно. Приходили люди в школу – Галька уже орала. И уходила вече-

ром в темноту под ее рев. К ней привыкли, как, скажем, к памятнику Ленина напротив райкома партии. И, похоже, была Галька такой же вечной, как бессмертный вождь мирового пролетариата. А во-вторых, была она по возрасту и не девчонкой, но и не тетенькой. Года на три-четыре всего и старше-то пацанов. Над ней могли подшутить, но и побаивались в то же время. Галька в школе могла себе позволить делать то, что не положено учителю. Кого-то шлепнуть по заднице за мелкие проказы. На кого-то тупо и с удовольствием наорать. А кого-то и просто взять за ухо и вышвырнуть с крыльца мордой об забор. Галька по окуркам могла определить, кто из пацанов курил в туалете, наорать-шлепнуть, но никогда не сдавала курильщиков.

Галька вроде как мыла в коридоре полы, но уборщицей по общим наблюдениям и выводам не была, это точно. Потому что уборщицей числилась вроде как тетя Маша, вечно гонящаяся за пацанами с мокрой тряпкой. Так же Галька вроде как бы была ответственной за подачу звонка на перемену, то и дело бегая по коридору с колокольчиком, опаздывая звякнуть порой минут на десять. Но это тоже было не всегда. А главной функцией в школе у нее было другое. Галька безвозмездно и бесстрашно помогала продавщице школьного буфета тете Пане. И надо сказать, что помощь ее была бесценна. Потому что буфет располагался в конце длинного коридора у окна, и, когда раздавался звонок на большую перемену, вся школьная братия с визгом-ревом-гиканьем и ужасом неслась атакующей буденновской конницей, разве что без шашек и сабель, вдоль да по всему стометровому коридору, набирая скорость истебителя-перехватчика к буфетной деревянной стойке. У попавших врасплох и вжавшихся всеми членами организма в коридорную стену редких педагогов от этой картины стыла в жилах кровь. И Галька, плечом к плечу с буфетчицей тетей Паной, как в последнем бою, практически горизонтально упираясь ногами в подоконник, а руками в ограждение-стойку, принимали на себя ядерный удар всей этой школьной орущей кавалерии. Раз в неделю школьный трудовик Сан Саныч восстанавливал из руин, трухи и щепок эту буфетную стойку. Чего-то там клеил, смазывал и плевался, матерясь сквозь зубы. Типа, да чтоб я еще раз... Да в гробу я всё это... Да скорей бы пенсия... Да когда это кончится... Но это не кончалось никогда, потому что уже в следующую пятницу эту стойку голодная детвора опять вырывала с корнем напроць. И всё это по кругу, по кругу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.